

Ольга Коренева

Остаток ночи в её бокале

Экстрим-романы

18+

Ольга Александровна Коренева

Остаток ночи в её бокале

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65674653

SelfPub; 2021

Аннотация

Удивительная, мистическая, Божья страна Россия, непостижимая и многообразная, и порой происходят в ней чудеса. Удивительны и чудесны судьбы людские. Ну, в общем, эта книга – женщинах, о их душах, метаниях, желаниях, о их выборе, о их одухотворённости. О москвичках в основном. Ведь Российская Москва – это особая часть света. А есть, говорят, ещё Москва американская. Не знаю, не была. Слышала.

Содержание

Автор о себе	4
А ветер пасёт облака	10
Звёзды – косточки в плоти неба	64
Остаток ночи в ее бокале	141
Счастье порой бьёт навывлет	188
А! А! Мадагаскарка!	253

Ольга Коренева
Остаток ночи в её бокале

Автор о себе

Светящиеся точки звезд прожгли черноту неба, и новорожденные души прорвались в эту жизнь. Вместе с ними в ту зимнюю полночь вошла в этот мир и я. Старенькая уборщица закрыла форточку замоскворецкого роддома и сказала:

– Морозица-то какой, с праздничком вас со святым-то,

сегодня ж божий день «Нечаянная радость»...

Наступило 22 декабря, наша планета переместилась под созвездие Кассиопеи.

Говорят, что младенцы не понимают человеческую речь, и видят все вверх тормашками. Неправда. Я все видела нормально, а не кувырком. И даже что-то понимала. Одного лишь не могла понять – того, что в жизни мне придется круто и солоно, но орала во всю глотку, видимо предчувствуя что-то.

Верно, что писателями становятся люди со сложными судьбами. В моей третьей книге «Не грусти, гад ползучий» есть автобиографическое эссе, в котором я упомянула о некоторых своих злосчастиях, хотя писала, в основном, о светлых моментах своей жизни. Уже в зрелом возрасте поняла – чтобы быть счастливой, не надо желать себе легкой судьбы...

Я росла в годы застоя. После окончания школы работала секретарем-машинисткой в Мингазпроме, и как-то раз, «подшивая» газеты, увидела в одной из них объявление о конкурсе на лучший короткий рассказ. Я с детства пописывала коротенькие новеллы о забавных житейских случаях. И вот я их все перепечатала и послала прямо с работы через «отдел экспедиции», чтобы вернее дошли. И очень удивилась, получив вызов в Литературный институт – ведь новеллы-то я посылала вовсе не туда, а в газету. Как все это в Литинститут попало, до сих пор для меня загадка. Но с той поры

я поверила в существование прекрасных бескорыстных людей, которые потом не раз встречались на моем пути, храни их Бог. С того дня судьба моя резко развернулась в сторону творчества. Моим окружением стали писатели, художники, артисты, музыканты. Я стала ходить в театр, который рядом с институтом. Мой первый рассказ был напечатан в журнале «Знамя» – он находился тоже рядом с институтом. Я училась на семинаре прозы, много писала. Моя первая книга вышла в самом крупном тогда в стране издательстве «Советский писатель», это было чудо, ведь молодых в те годы почти не печатали. Книга называлась «Белая ласточка», это был довольно большой сборник рассказов и повестей, и я взяла себе псевдоним Ольга Астахова, твердо веруя в магию слова. Решила, что такой псевдоним принесет удачу, за нее я получила премию Лучшая книга года. Но удача оказалась недолгой. В те времена у меня появились новые знакомые, и я узнала много интересного об их жизни. О себе я ничего никогда не рассказывала, так как была чрезмерно застенчива.

Со второй книги я решила стать самой собой, Ольгой Кореневой. У меня вышли сборники «Предчувствие чудес», «Нашептанное счастье», «Не грусти, гад ползучий», «Интимный портрет дождя», роман «Капкан на тень луны» (за него меня наградили премией Золотое перо Московии 1-ой степени это было в 2004 году), и т.д. Но это уже позже, в нашу «демократическую» эпоху.

Окончив институт, я рецензировала, работала корреспон-

дентом в журналах и газетах, но всегда предпочитала внештатную работу, так как люблю свободный стиль жизни. Новые времена позволили мне стать безработной, свободной и неприкаянной, чтобы написать новый большой роман обо всем теперешнем. За этот роман (детектив «В барханах песочных часов») я получила вторую премию на конкурсе "Русский детектив" (номинировал Георгий Вайнер), и подписала договор на издание книги с издательством «АК-пресс». Правда, роман сильно сократили, вырезали всю эротику и юмор, и редактировала малограмотная редакторша, которая вырывала целые куски текста. Я не согласилась с редактурой, и расторгла издательский договор. Второй роман тоже решила не издавать у них. В дальнейшем я написала ещё несколько экстремальных романов, и закончила работу над Экстремальными мемуарами «Интимный портрет дождя, или Личная жизнь писательницы» (ранее они были изданы в сокращённом варианте).

Очень надеюсь когда-нибудь найти своего издателя, если на то будет воля Божья. А может, издатель найдет меня. Я – член Союза Писателей России, имею также награды за поэзию – Золотую Есенинскую Медаль, Лермонтовскую медаль, Медаль Звездная Строфа, медаль за Верность отечественной литературе, и другие.

Контакты

<mailto:ok63@bk.ru>

Тел.: 8 926 239 94 95

А ветер пасёт облака

Экстрим-мини-роман

(Здесь всё правда. Имя главной героини изменено. События сдвинуты во времени. А вообще – всё так и было).

– А ты ручки дверей моешь?

– Нет.

– Да ты что? Представляешь, сколько там микробов!

– А чем тебе не угодили мои микробы? Это мои домашние животные, только очень мелкие. И вообще, в своей квартире я мою, что хочу, – ответила она и взглянула на него снова. Высоченный, квадратный, пушистоголовый, Сашка был похож на гигантскую белку с неестественно прямой спиной и длинными конечностями. Она сегодня видела одну, правда, нормальную, белка волокла в зубах нечто крупное, чёрное, это была птица, причём, такого полуразложившегося вида. Белка плюхнула её на газон и стала жадно грызть. Жрать. Пушистая симпатичная белочка. Когда Рита подошла поближе, рассматривая и удивляясь, белка быстро ускакала, оставив добычу на жухлом газоне.

Сашка прошёл в ванную. Он шумно мыл руки. Потом двинулся в кухню. Плюхнулся на стул. Стул жалобно пискнул. Так запросто, по-соседски, пришёл. Поесть и выпить. Знает,

что у Риты всегда есть борщ наваристый, густой, ароматный, и хорошо заваренный душистый чай. Раньше он рассказывал что-нибудь эзотерическое, иногда – эпизоды из своей жизни, или про друзей. Развлекал. Но потом ему стало лень. Садился, включал телик, ждал, когда перед ним появится тарелка борща, бутерброд с колбасой, рюмка настойки (Рита настаивала на водке алоэ с золотым усом и имбирём, на случай болезни). Все её настойки выпивал Сашка. Он допоздна торчал у неё, не желая уходить, ждал интима. Но всё уже давно закончилось с их близостью, после того, как Рита разочаровалась, как пропало удивление, радость, вспышка восторга и любви. Он оказался просто Сашкой -соседом, хитроватым и мелочным, в общем-то, типом. Хотя, может, она и ошибалась. А за большими окнами её квартиры висели платья облаков, подцвеченные луной, к ним были прицеплены золотые серёжки звёзд. Ночь наполнила её душу лёгким вином грусти. Уже поздно, а он всё торчит здесь, за столом, развалился на стуле и смотрит телик.

– Ну, всё, пока. Пока-а! Я спать хочу! – сказала она. – Иди уже.

– Погоди, тут интересно.

– У тебя же свой телик есть.

– Налей ещё настойки.

– Больше нет, ты всё выпил.

– Что ты думаешь об искусственном интеллекте?

– Думаю, он не страдает бессонницей, как и я, впрочем.

– А я считаю, что полноценный искусственный интеллект, это, знаешь, пипец для человечества. И вообще, люди не выживут, если не покинут Землю в течение тысячи лет.

– Ладно, через тысячу лет я покину Землю. Обещаю. Даже раньше. Иди домой.

Она выключила телик.

– Что ты вредничаешь? Я тебе вчера лампочку ввернул. Налей мне чай, что ли.

– Чай кончился. Ну иди, иди уже. Всё, сцена погасла, задёнулся занавес.

Он нехотя поднялся. Долго возился в прихожей, медленно натягивал кроссовки, завязывал шнурки так, словно они превратились в змей и выскользывали из рук. Рита буквально вытолкала его за дверь. Вернулась на кухню, подошла к окну. Ночь сминала стебли фонарей. Ночь расплывалась под колпаком луны. Ночь будоражила воспоминания, просеянные сквозь сито времени. И вдруг пронзительно заорала ворона, ей ответила вторая. Похоже, они ругались. Где-то внизу, в зарослях ветвей, на деревьях. А Рита высоко над ними, почти под луной, на последнем этаже многоэтажки плыла в этом ночном веществе. Ворсистый тёмный бархат неба дышал свежестью и вечностью. Ей хотелось потеряться в этом небе, а луна была так бледна и минорна. Как грустно. И память принялась высвечивать картинки прошлого, но она мысленно перелистнула их, как на экране смартфона, и оставила одну: лето, поздний вечер, она – измученная тяжё-

лыми событиями развода и освобождения от мужа-алкаша (он потребовал за это два ящика водяры), бредёт по парку. Праздник, дискотека, какие-то пляски на площадке под фонарями. Она отошла, устало села на скамейку поодаль. Звуки эстрады, хохота, радости успокаивают и умиротворяют. Мимо проходят обнявшиеся парочки, обдают запахами разгорячённых тел и парфюма. Вот она встала и побрела дальше. Примостилась на отдалённой скамейке в темноте. Ощутила, как рассеивается, отступает усталость. Какое-то отупение накатило, ступор. И вдруг в кустах – шорох. Из рожи возникает высокий мужик в спортивном костюме, лица не видно. Испугалась не на шутку, первая мысль – маньяк, сейчас схватит, придушит, уволочёт в густую глубь деревьев. А люди – далеко, грохот дискотеки, не услышат, не придут на помощь. Она съёжилась. И тут – его голос:

– Привет! Ты что, не узнаёшь?

– Т-темно, не видно.

– А ты вообще меня узнавать перестала, я тебя видел, здоровался, а ты словно сквозь смотришь, или в сторону.

– Да? Я тебя не видела. Думала – уехал. А ты куда пропал-то? Ты же подо мной живёшь?

– Жил. Шесть лет назад. Развёлся, разменялся, теперь вот в угловом подъезде. Не знала, что ли? А ты как?

– Развелась.

– Разменялась?

– Нет, квартира-то моя. А бывший переселился к подруж-

ке-алкашке в Бирюлёво, им хорошо вместе, родственные души. А ты что тут делаешь?

– Цигун. Хочешь, давай, вместе.

– А как?

– Пошли, тут отличное место меж деревьев. У тебя упадок сил, нужна подпитка.

– Как ты угадал?

– Почувствовал.

Пошла с ним вглубь рощи. Между деревьями встали друг против друга. Она повторяла за ним плавные движения. Медленно, словно под водой. Это успокаивало, убаюкивало, и его мягкий уравновешенный голос, его пояснения ободряли и радовали. Потом они вытянули над головами руки и стали закачивать в себя энергию Космоса. А над ними висела огромная яркая луна. Июнь, полнолуние, ночь, тепло и нежно. Его лицо в лунном свете, его большое сильное тело движется словно в нереальном медленном танце. Фантастично, волшебно, прекрасно! Он великолепен! Он – гуру, и она уже любит его. Её захлестывают волны желания. Она тонет в этих волнах. А он не чувствует, не замечает. Не хочет замечать? Он заиклен на медитации. Он говорит:

– Мысленно подключись к космической энергии. Представь себе высоко-высоко в Космосе ярко светящийся шар. Это сгусток энергии. Представила? Ясно представила? Ты его видишь, чувствуешь? А теперь тяни из него светящуюся серебристую нить, втягивай её в себя. У тебя в солнечном

сплетении возник серебряный шарик света, и в него входит эта нить, по ней идёт свет и тепло, и разливается по всему телу внутри тебя, чувствуешь?

О, да! Она видит этот тёплый свет внутри себя, во всех своих органах, в каждой закоулочке своего тела! Как это прекрасно! Какая лёгкость, она сейчас взлетит, вспорхнёт, как птица!

Ночные птицы запели, остро запахло травой и листьями! Саша великолепен, у него потрясающие пропорции тела, он гармоничен, он такой, такой!!!

А потом они идут к ней домой, уже утром. Да, тогда он был другой, озарённый, горячий. Период после развода, долгий период, когда он нырнул в йогу. Как он был хорош!.. Пока не превратился в жиголо. Кто-то его подцепил и развратил. Какая сучка развратила Сашку?

И она перелистнула это, словно на экране смартфона.

Рита приняла душ, и мокрая, голая нырнула под одеяло. Ей снился океан, горячие воды ласкали её тело, и две большие серебряные рыбы кричали как вороны... Проснулась поздно. Окно – настезь, шторы раздуло ветром, и на белых прядях небосвода качался ультрамариновый платок. Она жила в небе, ведь на её восемнадцатом этаже из окон было видно только оно, лишь это бесконечное небо, оно всегда было перед глазами, а земля – та далеко, в самом низу. Рита любила своё небо. И свой парк – этот, рядом, через дорогу. Там были пруды, кафушки, беседки, аттракционы, га-

зоны с цветами, рощи. Там она познакомилась с этой харизматичной пожилой дамой, у которой были слишком юные яркие глаза цвета переливчатого камня чаройта. И молодое лицо без единой морщинки. Такое вот персиковое лицо было и у Ритиной бабушки – самого любимого на свете существа. Смерть бабушки потрясла Риту, и она инстинктивно стремилась заполнить образовавшуюся ужасную пустоту. Знакомство с общительной пожилой дамой немного отвлекло её от горя. У неё было необычное имя. Но Рита мысленно окрестила её Чаройтой – за цвет глаз, за особую харизму, за очарование. Её все знали и любили. Она была большая прикольщица. Она каталась на Ритином самокате, скакала на аттракционной лошадке. В общем, отрывалась по-полной. В праздники они с Ритой танцевали на дискотеке возле сцены, и хохотали. А ещё там была вторая, немного старше, восьмидесяти семи лет, сухопарая и крепкая, быстрым ходом рассекала она парковые дорожки, и купалась в пруду с мая по октябрь. Летом она дни напролёт пеклась на солнце и покрывалась южным загаром. Есть такие люди – солнцееды, они питаются солнцем. Видимо, она была из их породы. Рита так и прозвала её – Солнцеедка. Их там было несколько. Это очень забавляло Риту. Солнцеедка была большая модница – каждый день в новых прикидах, с разными причёсками. Лицо красивое, но в сеточке морщин. Компанию ей составляла пятидесятипятилетняя кошатница – у той было тридцать восемь персидских кошек в двухкомнатной квартире,

где она жила с взрослым сыном. Сын не женился, не гулял с девушками, был полностью подвластен матери – крупной кудрявой брюнетке, очень своеобразной и властной. Иногда та выгуливала какую-нибудь свою огромную пушистую кошку – в переноске. Кошка была тяжёлая. А ещё, по парку прогуливалась длинноногая девица с удавом. Удав был большой, упитанный, он обвивал торс своей хозяйки, головой – на её плече. И было полно народу с собаками всех мастей и размеров, с детьми, с инвалидами. Детей, собак и инвалидов было много.

Наверно, в парке Рита потеряла свой замечательный брелок – кожаный, круглый, с ярким радостным узором. Она купила его у уличного торговца всякой ерундой. У молодого мексиканца. Брелок был мягкий и тёплый, она прицепила его к сумке. И очень радовалась. А потом он пропал. Брелок. Так обидно!

Рита приняла ванну с душистой пышной пеной, завернулась в огромное оранжевое полотенце, и босиком прошлёпала на кухню. Сейчас ей захотелось кофе с молоком. И она долго и с удовольствием пила его, вприкуску с шоколадными конфетами. Потом натянула джинсы, майку и ветровку, накинула на плечо ремешок сумки, покрутилась возле зеркала. Как всегда, убедилась, что хороша. Ей очень шла короткая стрижка, открывающая длинную тонкую шею и маленькие ушки великолепной формы. У неё были красивые скулы и длинные ноги. Она вышла, захлопнула дверь квартиры,

спустилась в лифте. Хотела, как всегда, перекинуться приветствием с консьержкой. Но дверь консьержкиного закутка была распахнута. А сама она была снаружи, и с перекошенным лицом барабанила в стекло подъезда. Рита удивлённо открыла ей.

– Что случилось, Иветта Максимовна? – спросила она.

– Ключ пропал, – ответила та расстроено. – А мне сейчас смену сдавать, а ключа нет. Вот в подъезд попасть не могла.

– А где вы его могли оставить? – спросила Рита. – На столе, под столом? Давайте поищем.

Она вошла в консьержкину конурку. На столе были хаотично разбросаны какие-то журналы, рекламки. Рита порылась там. И увидела ключ. На нём был знакомый брелок.

– А это моё! – воскликнула она, и обрадовано сжала пальцами приятную мягкую кожу. – Я его потеряла в прошлом году.

– Ну, не знаю, – ответила Иветта Максимовна.

– Он мой! – вскричала Рита.

– Его моя сменщица нашла здесь, на полу. Может, и ваш, не знаю.

– Мой, точно. Он у меня на сумке висел.

Она отцепила брелок от ключа и присобачила к своей сумке, на прежнее место. Ей стало весело. День начинался отлично! Минула круглая ночь, и пришёл квадратный день. В нём была завязь синего неба, звон облаков, и расплывчатый желток солнца! И в каждом уголке этого квадрата было по

многоугольнику, а в них – ещё что-то, необъяснимое и загадочное! Это предстояло разгадать. Рита шла легко, пружинисто, слегка покачивая бёдрами. Тянулась лицом к солнцу, жмурясь и улыбаясь. Светофор, дорога, парк, ворота, деревянный домик охранников, аллея, скамейки, аттракционные машинки выстроились в ряд. Мужчина с красавцем хаски на поводке. Яркая азиатка с шестью детьми. Рыжеволосая женщина катит старушку в инвалидном кресле. Старушка безвольно свесила руки. Рита вспомнила бабушку. Неделями жила у неё, спасаясь от запойного мужа. С трудом от него отделалась. Квартира Ритина была опустошена, всё пропито. А потом у бабушки случился инсульт. Пришлось уйти с работы, чтоб ухаживать. Оформила ей инвалидность. Нашла себе работу в интернете – создавала вирусные ролики. Удавалось сводить концы с концами – небольшой гонорар плюс бабушкина пенсия. Тяжело было, мучительно. Семь страшных лет. Смерть бабушки, похороны, волынка со вступлением в наследство, депрессия. Потом попытка вернуться на работу в фирму. Отдел кадров – «вакансий больше нет», кабинет начальника: «Что-нибудь придумаем, оформим, если пойдёшь навстречу» – поворот ключа в двери кабинета, расстёгнутая молния джинсов, и... Да он же онанист! Фыркнула, отскочила, взлёт жемчужной струи... И бегом домой, домой, домой!

Догадалась сдать в аренду бабушкину квартиру. Приспособилась. На жизнь теперь хватало. Расслабилась. Вот оно, счастье! Просто жить, независимо, спонтанно. Свобо-

да! Только память, она тянет вниз, в страшное, в горе. Иногда. Часто. А сейчас она шла, опыляя улыбкой цветы, озаряя встречные лица. А через парк виден был новый дом, который рос, потягиваясь, под выгоревшим льдом тёплого неба. А над ним медленно двигался серебряный аист – подъёмный кран. Она свернула на знакомую аллею. Вот и пруд. А рядом, на дорожке – деревянная уютная кафушка.

– Рита!

Обернулась. Блеснули чьи-то озорные глаза из-под джинсовой бейсболки. Чаройта!

– Я так и знала, что сейчас тебя встречу – сказала она. – Идём, посидим, выпьем кофе.

Рита радостно согласилась. Они поднялись на крыльцо, вошли, и расположились за столиком в углу. Пруд за окном сказочно сиял, по нему вальяжно курсировали утки, периодически ныряя, их хвостики торчали над водой как поплавки. Они взяли кофе со сливками и пирожные. Рита поднесла пирожное ко рту, и вдруг её окатил холод воспоминания. Она сказала:

– Знаешь, самка кенгуру может, спасаясь от хищника, выбросить ему детеныша из сумки, чтобы съел и от нее отстал. Животное, что с него взять. Ужасно, когда так поступают родители.

– Забудь, – ответила Чаройта. – О мёртвых либо ничего, либо только хорошее. Ведь было же хорошее что-то?

– Было. Пирожные.

– А я утром купила куриные окорочка, на упаковке было написано: «со вкусом курицы», – сказала Чаройта и расхохоталась, блестя глазами.

– Прикольно, – отозвалась Рита грустно. Улыбка её медленно гасла.

– Забудь, – повторила Чаройта. – У меня тоже, в детстве. Я жутко боялась мать. Бегу из школы, и бормочу: «Господи, Господи», хотя была атеисткой, как все. Но так боялась, что крестилась инстинктивно, вот откуда у меня это? Старалась незаметно прошмыгнуть в квартиру и нырнуть под кровать. Раньше кровати были высокие, железные, с панцирной сеткой, на них – длинные покрывала, до самого полу. У меня там была норка. Там у меня книжки, лампа. Я лежала и читала тихонечко. Пока мама не хватится.

– А она не обнаруживала это убежище во время уборки, мытья пола?

– Нет. Уборку я сама делала. Одна из моих обязанностей. Рано утром, перед школой. И младший братишка на мне висел. А старшая сестра – семь лет разницы, она была отличница, умница, слишком серьёзная, мама за неё переживала, считала, что замуж не выйдет, что «синий чулок». Её хозяйством не обременяла. Носилась с ней, блузки ей шила с рюшечками и кружевами. А я ходила в чём придётся, а потом донашивала её вещи.

– Вот как. Да-а, – сказала Рита.

И снова глянула в окно. Ей показалось, что вода в пруду

озябла, стала зыбкой и блёклой. Утки превратились в даты прошлого, смута этих дат разъедала душу. Но она тут же вытряхнула из памяти всё это, отвела взгляд от окна, посмотрела на свою спутницу – с персиковым лицом, полнотелую, уютную, на губах белый штрих кремового пирожного, – и улыбнулась. Потом они медленно дефилировали по аллеям. Налетел холодный ветер, стало зябко, вдруг небо потемнело, и пошёл крупный снег, пушистые снежинки, величиной с бабочку капустницу, густо и хаотично неслись вбок и вниз.

– Вот так в нашем климате, – прокомментировала Чароита, – снег в середине мая. Только что было лето, и вдруг – зима.

Она достала из большой своей сумки две мягкие толстые шали. В красную закуталась сама, а бирюзовую протянула Рите. Чароита всегда, в любую погоду набивала сумку шальями. Таскали их с собой даже в жару. Разные – тонкие хэбэшные и шёлковые, толстые шерстяные. Она их любила и периодически в них куталась.

Мимо них промчалась с криками упитанная утка, широко разевая клюв, за ней гнались три селезня. Вся кавалькада скрылась далеко на газоне.

– Смотри, какие гады, преследуют бедную уточку, – сказала Рита.

– Это она их так завлекает, – ответила Чароита. – Могла бы улететь, так нет, бежит, да ещё вопит азартно. Соревнования тут устроила, победителю – приз!

– Ха-ха-ха!

Народ попрятался в кофейни и под навесы торговых палаток – их было много. Лишь одна пожилая дама неспешно двигалась навстречу, в молодёжной курточке, в аккуратных брючках, в туфельках на небольших каблучках, мелкими шашками.

– Всегда ходит как Офелия по сцене, – сказала Чаройта. – Моя знакомая. Я её так и прозвала – Офелия. Любительница мужчин. Своих ровесников, конечно. И санаториев. Там мужиков хватает. Видишь, идёт, глазками зыркает, ищет кавалера. А кавалеры все попрятались, ха-ха-ха!

– Неуютно стало, промозгло. Пойдём куда-нибудь.

И они направились в стеклянную кофейню на другой стороне пруда.

– А как твой сосед, этот, как его, Сашка? Всё достаёт тебя? – поинтересовалась Чаройта.

– Не то слово! – воскликнула Рита. – Мало того, я стала за него беспокоиться. Девятого, мы ещё заранее решили в парке погулять, у нас же здесь праздник! А он вдруг исчез. Звоню ему, обзвонилась, и по домашнему, и по мобильнику – молчит. Что такое? Прорезался через три дня, говорит: накануне с друзьями встречался, они подарили ему канистру хорошего коньяка. Рано утром решил выпить рюмочку, вкусно, особый коньяк, качественный, выпил ещё, и понеслось. Когда очнулся – канистра пустая, на стене на гвоздике висит гимнастёрка деда (он её всегда с собой таскает везде, дед по-

гиб на войне задолго до его рождения. Очень давно). Висит гимнастёрка, вся в слезах. Ну, ничего себе, представляешь, вылакал канистру коньяка, плакал. Гимнастёрка с орденами, я её видела, выцветшая такая вся.

– Лакал и плакал, – сказала Чаройта.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку... – раздалось где-то.

– Ничего себе, кукушка завелась в наших пенатах, – удивилась Чаройта. – Это она мне года считает, сколько ещё жить осталось. Кошмар!

Рита вспомнила шуточный стишок, и продекламировала:

– Не кошмарь меня, кукушка,

Я весёлая старушка,

Всё кукуешь, вот прикол!

Мне сто первый год пошёл.

– Прикольно, но не про меня, – сказала Чаройта. – Я весёлая нестарушка, и год мне пошёл не сто первый, а всего лишь восемьдесят пятый. Детский возраст, ха-ха-ха! А кто написал сии вирши?

– Да не про тебя, стих называется «Соседке». Автор Ольга Коренева, суперская такая писатель и поэт. Стихи у неё многие просто класс, и романы офигенные!

– Дашь почитать?

– Увы, она есть только в интернете. Её не издают.

– Почему?

– Политика государства. Издают всякий бред, чтоб народ окончательно отупел, опупел и полностью стал управляемым

стадом. Что и происходит. А тех, кто способен думать, чувствовать и протестовать, убирают.

– Да, знаю. Вот поэтому, видимо, Сашка и плакал в гимнастёрку деда. Деда... Да-а. Он же воевал и погиб за другое государство.

– И оно было сначала... Ну, не супер, конечно, но всё-таки. А дед думал, что супер. Свободы там не хватало, и другого разного, а так ничего, нормально было. Книги были хорошие. Песни. Спектакли в театрах хорошо ставили, талантливые были актёры, знаменитые. Вечера поэзии были. Народ валом валил.

– Жаль сегодняшних малышей. Как жить будут, что из них вырастет? – вздохнула Чароита.

– Они будут другие. Нормально будут жить, впишутся. Зато сейчас есть интернет, и связь со всем миром. Это важно. И вообще, полно всякой инфы. Интересно.

– А насчёт книг, знаешь, издают и хорошие книги иногда, – сказала Чароита.

– Иногда, – подтвердила Рита. – Но они теряются в океане бульварщины, фейка, который широко рекламируется.

Они вошли в стеклянное кафе, и заказали чайник кракадэ и мороженое.

Густой красный чай переливался в прозрачном чайнике. В белых керамических чашечках он был как пожар, горячий и пылающий. Подруги осторожно прихлёбывали его. В вазочках зеленели шарики фисташкового мороженого.

– Ну и что Сашка? Как вы познакомились-то? – спросила любопытная Чаройта.

– Да так как-то, случайно. В лифте. Двадцать лет назад. Нам было по двадцать пять. Ровесники. Ну вот, прикинь, девяносто пятый год, я ещё не замужем, иду с работы. Зима, на мне такое модное длинное пальто с капюшоном. Цвета густой ночи пальто. Я жду лифт. И он тоже. Разговорились. Он у себя ремонт делал. И мне кое-что потом подремонтировал. Пили ликёр, болтали. Он красив, своеобразен, у него интересные теории мироустройства, необычны и новы для меня, ну прямо такой гуру! Влюбилась. Случились отношения, близость. Он о себе много чего рассказывал, так интересно! Такая жизнь непростая! Он тогда не пил, был в завязке. Сам-то он родом из Улан-Удэ. Из рабочего квартала. Родители – строители, отец сильно пил. Там все пили в рабочих кварталах. Ну и сам он начал рано. Ещё подростком. У них компашка такая была. А был он поздним ребёнком. Мать сначала никак не могла забеременеть. И ходила вымаливала его к святым, не знаю уж к каким, к христианским или к буддистским. Город-то буддистский, Бурятия, Восточная Сибирь. Вымолила, наконец. Вот так он и родился, болезненный, хилый. Но взялся за себя потом. Занялся спортом, борьбой. Работал сперва на заводе, потом – на Севере, денег зашибил нехило. А до этого женился на такой же выпивохе из своей компашки, она загуляла, развёлся, поехал отдыхать. К морю, в Крым. Там познакомился с женщиной

намного старше себя, интересной, умной, знающей. С москвичкой. Она приобщила его к новым теориям и духовным практикам. Женила на себе. У него были деньги, ведь на Севере заработал, и у неё тоже было, сложились и купили двушку в нашем доме. Она сказала – пока не сделаешь супер ремонт, не приеду, буду жить у матери. Вот он и старался. Мы тогда и познакомились.

– Да, такая вот жизнь, – сказала Чаройта.

Они допили чай, доели мороженое. И всё сидели, неспешно беседуя. Снег за стёклами кафушки перешёл в дождь. Косые серебристые струи сплошняком заштриховали пейзаж.

– Так он женат? – спросила Чаройта.

– Нет. Жена ушла в секту, и его за собой потащила. Но он смог вырваться. Она развелась, разменяла квартиру, свою продала, и деньги в секту бухнула. Жила сперва у матери. Потом её угробила. Секту разогнали, а она сильно заболела, психика у неё сдвинулась конкретно. Квартиру матери переписала на подружку-проститутку, тоже бывшую сектантку, которая потом вышла замуж за американца и уехала в Нью-Йорк. Подружка-то хитрая была, она там в секте пристроилась к нужному человеку и даже денег себе заграбастала. А Сашкина-то бывшая слегла, он ездил всё ухаживал за ней. Потом умерла. А он закончил какие-то медицинские курсы, работал массажистом, мануальщиком. Сперва в поликлинике, потом его какая-то баба в Центр Дикуля пристроила. Обеспеченные бабы стали его снимать. Содержали,

на курорты возили заграничные. На это время он увольнялся. А в межбабье снова ему приходилось работать, грешному. Но он отвык, не хотел. А приходилось. Но его быстро потом снимала какая-нибудь. А сейчас у него как раз межбабье. Но работать уже не хочет, ждёт, когда что-то подвернётся. Последняя у него банкирша была. Он думает, что она его подружке передаст. Пока у меня ошивается, жиголо-неудачник, ха-ха-ха!

– А ты что? – спросила Чаройта.

– Ну, что я. Подкармливаю. Терплю его. Надоел. Гоню, не уходит. Все мои лечебные настойки вылакал. Запил мужик. Но он может остановиться, когда надо. Тут я за него спокойна.

Дождь резко прекратился. За стёклами кафе просветлело. По подиуму неба прогуливалось тучное облако в шортах. И тут к его ногам выкатился золотой мяч солнца. Подруги улыбнулись. Можно было продолжать прогулку.

Вечером, как всегда, припёрся Сашка. И прямо с порога заявил:

– У меня есть билеты в театр. Друг дал – занят, не может сегодня. Идём? Начало через час, успеем.

– А ты стал театром интересоваться? А, ну конечно, на халяву.

– Не подкалывай. Классика, Шекспир, вроде.

– Ладно, давно в театре не была.

И они помчались. Народу в метро – как семечек в подсолнухе. Выскочили в центре, бегом по улице, свернули в переулок, вот и театр. Успели к самому началу. Места отличные – партер, первый ряд. Только уселись в кресла, погас свет. И раздвинулся занавес.

Сцена была засыпана какими-то опилками. Из-за кулисы появился мужик в серой хламиде, он медленно волок доски. С другой стороны два мужика волокли большой мешок, долго, с трудом. Наверно, в мешке были камни. Потом кто-то потащил бревно. На Риту посыпались опилки. Она принялась стряхивать их с себя. А возня на сцене продолжалась. Вот пронесли длинную скамью из одной кулисы в другую. Было полутемно. Вдруг вспыхнули прожекторы, и высветилась куча земли. Из неё стал медленно откапываться мужик, в зал посыпалась земля, прямо на первые ряды, на Риту и Сашку. Повалил едкий дым, Рита закашлялась. Мужик вылез, наконец, из земляной кучи – он был голый. Зрители радостно взвыли и зааплодировали. Голый мужик гоголем прошёл по сцене, и скрылся за кулисами. Занавес задёрнулся, но вскоре снова раздвинулся. Сцена была сплошь засыпана черепами. Пластмассовыми. Рита удивилась: вроде, не «Гамлета» играют, а «Отелло». И оглянулась на зал. Народ с интересом взирал на это действие. Сашка зевал и почёсывался. Вдруг из-за кулисы вышел всё тот же мужик, но уже одетый. Теперь он был хаотично измазан чёрным гримом. Это был Отелло. Он прошёл в конец сцены и принялся жарить яич-

ницу на примусе. Потом он её ел, смачно чавкая. Очень медленно и аппетитно. И съел. В течение всего спектакля Отелло менял цвет. Линял, наверно. То он был чёрный, то белый, то бело-чёрный, то чёрно-белый. В конце концов он измазал Дездемоне лицо сажей, и накрыл её покрывалом. Рита всё время порывалась уйти, но Сашка её удерживал – халява, всё же, жалко. Народ бурно хлопал актёрам, которых было не много, человек пять. Рита удивлялась – до чего же отупели люди! Ушло из зала во время спектакля человек семь всего. А сама она, с Сашкой, сама-то, до самого конца эту чушь смотрела!

Потом они гуляли по вечернему городу, и смеялись над постановкой. Небо ссутилось, зашаркал дождь. И они нырнули в ночной супермаркет. Они бродили меж полок, набитых разномастными упаковками, весело болтали. Рита купила бутылку коньяка и упаковку мидий. Коньяк с мидиями – как классно!

В густом варенье ночи плавал половинкой лимона месяц. Они допили коньяк, доели мидии, им было так сладко, с кислинкой, общаться. Это была ночь откровений, и Рита разглядела Сашкину душу, севшую на мель. Утром она принялась его выгонять. Но ему хотелось продолжения. В его мобильнике раздавалась какая-то дурацкая мелодия, он раздражённо схватил трубку. И лицо его стало меняться. Вообще-то, он был равнодушен к матери, не любил с ней говорить, злился.

Но сейчас, получив сообщение об её инфаркте, он расстроился. Надо было лететь в Улан-Удэ. Там у него была репутация столичного врача. Звонила двоюродная сестра. Он выключил мобильник, и пробормотал:

– Мать в больнице, инфаркт. Дай денег на самолёт.

Она дала. Он ушёл понурый. За окном высветлилось небо. Оно озарилось звонкой радугой кружев с ноткой перца. Рита заварила чай, долго пила, погружённая в раздумья. Задремала и тюкнулась носом о стол. Ой! Ну! Она вяло поднялась со стула, переместилась в комнату, бухнулась в постель, и крепко уснула. Снилось упавшее на крышу небо, прошитое стальными нитями дождя. Ночь пахла коньяком и полыньёю, и предвещала простуженное лето.

Дни плыли, наплывая друг на друга. Лето лилось то холодными дождями, то ленивым теплом, то горячими яркими днями. Рита неспешно прогуливалась в парке с Чароитой, широкой, ясноглазой, весёлой, с круглым лицом и круглой спиной, она напоминала мудрую черепаху Тортиллу из мультика про Буратино. Рита прилипла душой к Чароите, та ей напоминала бабушку. Хотя, бабушка была совсем другая, но после её смерти Риту тянуло к пожилым людям. Люди той эпохи, они же бабушкины сверстники, в них есть её, бабушкина, частичка.

Они сидели на пристани, катались на катамаранах, болтали. Вспоминали былое. Вода переливалась зеленоватым мяг-

ким шёлком, под мостом покачивались перламутровые лилии. Чаройта рассказывала:

– Мой папа был крупный учёный. В доме отдыха он увидел на террасе большую – в рост человека – куклу необычайной красоты, с белоснежными густыми волосами, яркими синими глазами, розовым фарфоровым лицом, с очень тонкой талией, с потрясающей фигурой. Просто шедевр! Он очень удивился, кто её сделал, зачем она здесь? Подошёл, а кукла вдруг шевельнулась. Это была моя мама, этническая немка. Она просто сидела в глубокой задумчивости. Они познакомились. Папа был армянин, высокий смуглый красавец. Любовь с первого взгляда. Ну, и завертелось. Потом была свадьба, рождение детей – нас.

Рита крутила педали, вода плескалась возле колёс катамарана, сияя изумрудом, хризопразом, сапфиром, золотым огнём растворившегося солнца! День был жаркий. Пруд сверкал и лучился. В середине пруда вода дремала и впадала в прошедшее время. По берегу прогуливался народ, соперничая пестротой одежд с цветами на многочисленных клумбах. Рита с подругой глядели на этот подиум с высоты катамарана, было забавно. Модные в этом сезоне женские наряды шокировали своим уродством. Чаройта сказала:

– Да уж. Не всегда стоит следовать моде. Носить надо то, что идёт тебе, что вписывается в твой образ. Нельзя надевать то, что навязывают.

– Но надевают же, – сказала Рита.

– Вот так и превращают народ в быдло. Ну, не всех, конечно, есть и мыслящие люди.

На пристани стояли две брюнетки с весьма объёмными задками и короткими толстыми ножками. Они выбирали лодку.

– Хороши красотки, – махнула рукой в их сторону Рита.

– Характерный типаж, – ответила Чароита. – Между прочим, им повезло.

– В чём? – спросила Рита.

– В бёдрах. Видишь, они беременны. Обе. А чем больше жировых запасов у беременных, тем выше шанс на выживание ребёнка и на его высокий интеллект. В жире полно питательных веществ.

– Ну? Разве?

– Конечно. Вообще, как тебе объяснить? Понимаешь, ведь жир в ногах и ягодицах матери необходим для строительства мозга ребенка. Нужно много жира для формирования нервной системы малыша, понимаешь?

– Ну да. Ясно. Мне это не грозит. Но всё равно интересно.

На небо стал напоздать лиловый подгузник тучи. В него был заточён дождь. Рита направила катамаран к пристани.

По дорожке шли Солнцеедка с Кошатницей. Обе были в нарядных платьях. Кошатница – в вечернем, и вся в золоте. На скамейке сидела Офелия с двумя пожилыми мужиками, она кокетничала и улыбалась. Рита выскочила на пристань, помогла Чароите выбраться из катамарана. Стал накрапывать дождь. Сладко пахла черёмуха, вся в белой пене цве-

тов. Плескались звуки «Wind of change», выливаясь из прозрачных стен кафушки. Туда они и занырнули. И тут на парк шумно обрушился ливень, словно ворох шуршащей травы, ветра, деревьев. А подружки уютно устроились за столиком сбоку, заказали капучино и мороженое у Эльвиры – миловидной обаятельной киргизки с высветленными волосами. Она была не замужем, умная, деловая. Деньги посылала домой, родителям и братьям-сёстрам, их было много, младшие. Помогала родне в Бишкеке. У неё здесь был бойфренд, встречались в свободное время. Рите нравилась её стрижка – как у деловой европейской женщины, и стиль одежды такой же. Она была улыбчива, общительна. Эльвира пожелала им приятного аппетита.

– Ну и дождь! – сказала она.

– Да, ливануло, – ответила Рита.

– Я утром ехала сюда, было солнце, – сказала Эльвира. – Мне добираться два часа, квартиру далеко снимаю. Не знаете, не сдаёт кто здесь?

– Узнаю, скажу, – ответила Рита. – Вот мой сосед уехал в Улан-Удэ к матери, может, сдаст свою однушку. Вернётся, спрошу. Мать больна, за ней уход нужен, наверно, он там зачиснет. Но у него здесь дело, должен вернуться на пару дней.

– Мне бы не дорого. Я много платить не смогу.

– Договорюсь с ним.

Они пили кофе, смотрели в окно, сплошь заштрихованное дождём, за которым все расплывалось и кривилось, как на

картине сюрреалиста. Лениво перебрасывались словами.

Сашка вернулся осенью. Что-то в нём неуловимо изменилось. У него умерла мать. Он влюбился в местную маникюршу – разбитную двадцатисемилетнюю девицу, любительницу крепких напитков и секса. Влюбился безоглядно, безумно, впервые в жизни у него сорвало крышу. Раньше у него были небольшие увлечения, поверхностные. А вот так экстремально – впервые. Он приехал сдавать квартиру, и Рита присоветовала ему Эльвиру. Он согласился на небольшую арендную плату. Ему было не до того, мысли все – о Ларисе, о любимой, взбалмошной, изменчивой, там, в Улан-Удэ. Она откровенно гуляла от него, но связь с москвичом повышала её рейтинг. Он потратил на неё все материны сбережения. Он звонил ей из Москвы через каждые полчаса. А она отмахивалась, ссылалась на занятость.

День вился белой дымкой, небо было всё в белоснежных облаках, они казались сильно накрахмаленными и похрустывающими. Рита была дома, смотрела в окно, на это, такое облачное, небо. И тут раздался звонок в дверь. Глянула в глазок – Сашка. Она открыла дверь. Сашка казался похудевшим и ещё более высоким.

– Привет. Я тут ненадолго, – сказал он.

– Когда прилетел?

– Вчера.

Он скинул кроссы и привычно прошёл на кухню. Она двинулась следом, упираясь взглядом в его слишком прямую

спину. Включила чайник. И застыла, скрестив руки на груди. Молча глядела на него. В её сердце тлел уголёк. Надо бы накормить его. И она достала из морозилки пельмени. Маленькие пельмешки в прозрачной упаковке. Она разорвала целлофан, и высыпала их в кастрюлю с кипятком. Они нырнули на дно, а потом всплыли, словно мелкие белые зверьки. Она покрошила туда чеснок и бросила большой кусок сливочного масла. Посолила и поперчила, добавила имбирь. Налила ему в большую тарелку. Он ел медленно, обжигаясь, дул на ложку. Ему было очень вкусно. Она достала рюмку и бутылку настойки на золотом усе. Налила.

– На что ты там жил? – спросила.

– У матери накопления были. Пенсия по инвалидности, и подрабатывала она. Свитера вязала. Хорошо вязала, качественно, красиво. Заказов было много.

– А, понятно. Машины денюжки потратил, и явился пополнять запас.

Он доел пельмени, вплеснул в рот водку, и достал мобильник. Физиономия его вдруг сделалась умильной и ласковой. И он заворковал в трубку:

– Ларисик, я... Да, конечно... Да, всё сделаю... Куплю... Как ты там? Что делаешь?

Рита вышла из кухни. И снова вернулась. Всё с ним ясно. У него завёлся Ларисик. У кого-то глисты заводятся, а у него Ларисик. Ну и что надо этому Ларисику? Хотя, ясно, что. Но долго общаться с Сашкой Ларисик не захотел. И Саш-

ка с дурацкой улыбкой вернулся в реальность, и налил себе ещё настойки. Он был погружён в мысли о ней, в мечты о ней, и слова его были о ней. Молодая самка и похотливый козёл, подумала Рита. Что тут скажешь? И она озвучила цитату, первое, что пришло на ум:

– «То, что мы есть сегодня, – это следствие наших вчерашних мыслей, а сегодняшние мысли создают завтрашнюю жизнь. Жизнь – это порождение нашего разума». Так говорил Будда. Я не буддистка, но он тоже, в общем, нормальный чувак.

– А ты это к чему? – удивился Сашка.

– Подумай, и поймёшь.

– Не понял.

– Плохо подумал, – хмыкнула она. И захотела что-нибудь ещё сказать ему, этакое что-нибудь, но слова распались на горькие буквы.

Она распахнула окно. И ощутила мускат летнего дождя.

– Ну ладно, ты иди, иди. Иди к себе, – стала она его гнать. – Или опять выпить хочешь? Кстати, учёные доказали, что отказ от алкоголя ведёт к ранней смерти. А ты уже всё выпил. Больше нет.

Он вдруг обиделся. И ушёл.

Осень пролилась дождями и осыпалась яркими листьями. Осень искрила солнцем сквозь капли воды, а ветер дрессировал листву. Было красиво и весело. В парке поставили новые палатки, и приехала очередная ярмарка. Рита купила ян-

тарные бусы и жёлтую шаль. Приятельница пригласила её в театр. Гастроли, из Питера, весёлый спектакль, антреприза. На сей раз постановка оказалась прекрасная: весело, ярко, с песнями и плясками. Артисты выложились по полной. Редкий случай по нынешним временам. Талантливые люди сделали великолепный спектакль. А потом приятельница провела Риту за кулисы, и она впервые оказалась в актёрской гримёрке.

Актёры были усталые, тощие. В гримёрку набились их друзья и знакомые, обсуждали спектакль, говорили за жизнь. Выпили шампанское, закусили печеньем. Им ещё ехать, артистам, поезд – в ночь. Назад, в Питер. Здесь они почти ничего не заработали – зал наполняли знакомые, друзья, в основном интеллигенция, по пригласительным. Публики обилеченной было не так уж много. Рита, разгорячённая великолепием зрелища на сцене, шампанским в гримёрке, общением с актёрами, чувствовала внутри себя огонь. Ей жаль было уходить из этого прекрасного творческого мира. Домой она вернулась в полночь. Спать не хотелось, и она до утра провалялась на тахте с книжкой, подаренной кем-то из писателей на сегодняшней актёрской тусе. Прекрасно написанная, интересная книга, выпущенная автором за свой счёт. Такую в магазинах не купить. Там таких книг нет. Сюжет захватил и держал в напряжении до конца. К утру книжка была прочитана. Столько удовольствия за одни сутки! Спасибо приятельнице за этот вечер!

Приятельница была поэтесса, талантливая и неизвестная, книжек изданных у неё не было, все свои стихи она выкладывала в инет на сайт, и Рита их иногда читала. Особенная мелодика, ритм, ярчайшие образы поднимали Риту в облака, качали на волнах океана, окружали необычайно прекрасными ароматными цветами, погружали в заоблачное счастье. Так она отдыхала и радовалась жизни. И никакие путешествия, никакие блага не могли сравниться с сильными ощущениями от прочтения этих необыкновенных, страстных, удивительных стихов. Поэтесса не была Ритиной подругой, отношения были просто приятельские, как и со многими другими. В подруги Рита взяла лишь Чароиту.

Осень медленно переваливалась в зиму. В парке стало холодать. Рита облачилась в белую с золотистым отливом курточку и кремовую бейсболку с золотыми искорками над козырьком. А Чароита закуталась в тёплое пушистое пальто. Они медленно прогуливались вокруг пруда, прошли мимо опустевшей лодочной станции, и заглянули в стеклянное кафе. Эльвира приветливо заулыбалась им. Она уже знала – подруги хотят капучино с корицей и мороженое. И она была права.

Они расположились за столиком возле прозрачной стены, как всегда. Рита принялась рассказывать подруге про спектакль, про артистов, про поэтессу. Потом вспомнила детский утренник, на который её когда-то водила бабушка. Чароита тоже вспомнила что-то из детства. Ей было лет восемь, зи-

ма, двор, сугробы. Всё сплошь занесено снегом. И мальчишки что-то со смехом закапывают, возбуждённо орут, хохочут, прыгают, топчут и утрамбовывают это место. Чароита подходит – что такое, что делаете-то? Отвечают – Симку закопали. Симка – это шестилетняя еврейская девочка. Папы у неё нет, а мама не от мира сего, переводчица, стихи пишет, в облаках витает, беднота-нищета. А Симка маленькая, тихая, болезненная, дети над ней издеваются. Чароита вспыхнула как порох, раскидала в стороны мальчишек, быстро откопала Симку, уже полузадохшуюся, вытащила из-под снега, отряхнула, отвела домой, к её маме, по дороге возмущённо кричала: «Зачем ты позволяешь так с собой поступать! Не позволяй! Дерись, ори, кусайся, пинай всех, но не позволяй!» Она стала опекать эту малышку. И ещё – слабоумного мальчика из соседнего подъезда, над которым тоже дети глумились.

– Хорошо, что сейчас такого нет. Дети заняты делом. Вот, на Детском Евровидении Россию представляет такая девочка... – начала было Рита, но тут подошла пожилая дама в красной шляпе с большими полями, и влезла в разговор:

– Девочка монголоидного вида. Мне кажется, не очень корректно монголоидам представлять Россию! Да ещё петь не по-русски! Это неправильно, причём тут – в России – английский язык. Государство руки умыло, а дельцы всё испохабили. Вот в советское время такого безобразия не было. Всё было продумано. У России должно быть русское лицо и русский язык. Зачем же унижать Россию?

Рита замолчала. Подруги переглянулись. Дама высказалась, и раздражённо вышла из кафе.

– Она сидела сзади нас и слушала, – сказала Чаройта. – Мы громко говорили, увлеклись.

– Странная особа, влезла в чужой разговор, – сказала Рита.

– В нашем парке полно всяких чудиков. Вот одна моя приятельница, моих лет, чуть моложе, страшно боится транспорта. Если в метре от неё проезжает мимо малыш на самокате, она делает кенгуровый прыжок вбок, валится на газон, и диким голосом орёт проклятия, дескать, ребёнок её сшиб. Я её так и зову – Кенгуру.

– А, видела её, да, такая тощая бабка с круглой спиной, действительно, как кенгуру на слабых ножках.

– У неё много странностей. Думаю, она старая дева.

– Наш парк просто паноптикум. Я тоже много чудаков тут видела.

– Скоро пойдёт снег. Зима надвигается. Ненавижу зиму.

– Она всё равно нас настигнет.

И настигла. Снег выпал в ноябре. Сначала – на Покров, четырнадцатого октября, как положено. Но быстро растаял. А потом уже – пошёл сплошняком, воздух побелел и стал густым от частых снежинок, словно вплотную развесили кучу кисейных занавесок. Небольшой морозец захватил пространство. Через две недели стало совсем холодно и льдисто.

Прошёл ледяной дождь, застыв на ветках, и деревья стояли как бриллиантовые. Рита с подругой облачились в короткие мягкие шубки. Они не спеша брели по расчищенным дорожкам и болтали. Кто-то в чёрной куртке и капюшоне издали замахал им руками, закричал, и заспешил навстречу.

– А, это Марик, – сказала Чаройта. – Милый такой юноша, трогательный, с шизофренией, инвалид. Обаятельный, улыбочивый, совсем ребёнок. Хотя ему уже тридцать. Говорит много и весьма литературно. Творческие задатки.

– Где ты его подцепила? – улыбнулась Рита.

– В магазине. У меня были тяжёлые сумки, он увидел, донёс до дома. Всю дорогу говорил. Говорун. Запомнил меня.

Марик радостно подбежал, разулыбался, принялся здороваться, заглядывая в глаза Чаройте. Он не заметил, что с ней рядом кто-то ещё. Другие были ему неинтересны.

– Ну, как ты? Как живёшь? – спросила Чаройта.

– Ой, я вам сейчас расскажу! – затараторил Марик.

Невысокий, темноглазый, лицо удлинённое, на подбородке ямочка. Симпатичный, в общем-то. Он заговорил без остановки, страстно. Лицо его светилось:

– Вот, понимаете? Вы меня всегда понимаете, я это сразу почувствовал, ещё тогда. У вас такие глаза! Но моя мамуля! Она так далека от Бога! Вот слышу её разговор по телефону, она говорит с подругой. Слышу: «Стеклянный шар, который приносит удачу?» – пауза. – «Надо вложить в него записки с пожеланиями, и тогда сбудется?» – пауза. – «А где его лучше

повесить, на люстру?» – пауза. – «А, на стену, где икона?» Я услышал этот телефонный разговор и не похолодел, как раньше холодел от подобных маминых слов. Ну что взять с человека, который живет в современном мире, и при этом не ходит в храм! Сначала был долгий путь к церкви, но первое же искушение оттолкнуло ее, когда мама в церковь только вошла. Сначала я подумал, что ничего маме не скажу. Но потом решил что-нибудь сказать, хотя это казалось совершенно бесполезным. Мама положила трубку, и стала варить пельмени. Потом мы с мамулей пошли гулять, было девять вечера. Деревья пригнулись к земле, притянутые к ней хрусталиками льда, облепившими ветви. Ветки стали очень тяжёлые и стеклянные. Из-за бремени обледенелых ветвей многие деревья потеряли по большому суку, или второму стволу, а многие расщепились и упали на тротуар. Но такие валяющиеся деревья уже аккуратно подобрали дворники. Мы вошли в парк. Сначала обошли вокруг пруда – на серовато-белом льду чернели два огромных искусственных лебедя, плотно обмотанных целлофаном. Да вы их видели. Они совсем как живые и похожие на каких-то колдовских. Но я их не испугался, ведь меня хранит Христос. Зато я, несмотря на то, что Христос хранит меня, испугался трактора, едущего в темноте с большой скоростью с горящими огнями, и сгребającego снег. Когда трактор поехал по аллее, раздался металлический звук. «Это он, наверное, урны сгребает», – напугала меня мама. «Он, наверное, пьяный,» – сказал я, –

«пойдем от него спрячемся». Мы вошли в аллею, загороженную кистями хрустальных деревьев. Из-за стеклянных сводов светились фонари, они были в ветках, словно в оранжевой паутине. Весь парк был сказочным, и мне было радостно. Но радостнее всего было оттого, что рядом шла мама. Я подумал, что когда мамы не будет, я буду вспоминать об этом вечере. Мы шли и смеялись. «Смотри, как эти деревья почпокались, – сказал я. Мы подошли к храму. « Смотри, деревья кланяются храму!» Два больших дерева под тяжестью прозрачно-белых веток склонились над храмом, возвышаясь над ним. Храм вечером казался коричневатым, весь в освещенном фонарем оранжевом орнаменте ветвей. Мы с мамой стали молиться: мама вслух, а я – про себя. Мама в этот раз не молилась о своих проблемах, она молилась о том, чтобы мы с ней спаслись. И я молился о том же. Не помню, помолилась ли мама в этот раз, чтобы я исцелился полностью от всех своих болезней – я уже не обращаю внимания на эту молитву и никогда к ней не присоединяюсь. Повернув назад, мы снова увидели трактор, и снова спрятались от него, так как я его опять испугался, вообразив за рулем пьяного водителя. Такое случается в наши дни. Дома я помолился, и мы пошли с мамой пить чай, было за полночь. Уже началась среда. Мясного – а у нас пельмени – и сладкого есть было уже нельзя. А мама летом сварила такое вкусное варенье: ей дали бесплатно на рынке мятые и подпорченные персики. Вкусно! Так вкусно! Мы не стали всё это есть, сре-

да началась. Мама в течение всего чаепития разговаривала по телефону с подругой, диктовала рецепты еды, говорила, где можно дешевле купить овощи. До пяти утра я не мог заснуть: то молился, то думал, и вдруг Господь положил мне на сердце слова, которые я должен сказать мамуле. По темному коридору я прошёл в ее комнату. Мама лежала в постели и читала книжку при ночнике. «Мамуля, тот колдовской стеклянный шар, который посоветовала тебе купить подруга, не исполнит твоих желаний. А сегодня мы гуляли в настоящем стеклянном шаре – мы ходили в парке по кругу, а деревья были сделаны словно из стекла, и этот стеклянный шар может исполнить твои желания, потому что в нем есть главное – храм. И Господь обязательно исполнит то, что ты просила сегодня перед Его храмом, потому что ты просила о своем и моем спасении. И это было хорошее желание». Мама стала со мной спорить, говорить, что она какое-то время ходила в храм, а её главное желание так и не исполнилось, и я не вылечился, а она об этом все время молилась, и теперь разочаровалась. А я маме сказал, что надо воцерковляться, а все остальное приложится.

– Марик, ты очень хороший мальчик, и всё будет хорошо, всё исполнится, я это знаю! – сказала Чароита. – И мама у тебя очень хорошая, добрая, так тебя любит!

– Спасибо большое, – сказал он. – Я сейчас иду в храм, уже начинается служба. До свидания! – произнёс, и умчался. Рита с подругой пошли дальше.

– Парень явно талантливый, – сказала Рита. – Образно мыслит.

– Да. Сама искренность. Чистая душа. Пошли в кафе.

– Слегка юродивый. Пошли.

Снег под ногами поскрипывал, деревья на ветру позванивали бриллиантовыми ветками. С ними поравнялась Кошатица в песцовой шубке.

– Слыхали новость? – заговорила она сходу. – У охранника Газпрома в Москве спёрли золотой унитаз, а у уборщицы – ювелирные украшения на полтора лимона! Домушники унесли браслеты, кольца и колье! Вот ведь наглые ворюги! Смотрела сегодня, «Москва 24», показали.

Рита с подругой вошли в стеклянное кафе, народу было мало. Они водрузились на своё любимое место возле прозрачной стены. К ним тут же подскочила Эльвира со словами:

– Привет! Как вы? Холодно сегодня, люди мало заходят. Вам как всегда?

– Да, Эльвирушка. Капучино, ну и, лучше, пожалуй, осетинский пирог, – сказала Чаройта.

– А как там Сашка? – поинтересовалась Рита. – Что-нибудь известно?

– Да, я всегда, как деньги отправляю, звоню ему. Он продал квартиру в Улан-Удэ, и переехал в Новосибирск.

– С чего бы это?

– А его подруга, Лариса, у неё там квартира по-наследству

досталась. И он тогда – за ней. Внёс деньги, дом пока строится, а он снимает.

– А почему у Ларисы не живёт?

– Она не хочет. Александр скоро сюда приедет квартиру продавать. Я его отговариваю, зачем московское жильё продавать, не надо. А он говорит: Лариса хочет открыть в Новосибирске свой салон красоты, надо купить помещение, оборудование, нанять работниц. Деньги нужны.

– Совсем спятил, – вздохнула Рита.

Эльвира принесла горячий кофе в оранжевых керамических чашечках, две порции осетинского пирога, который она порезала ломтями. Звучала нежная романтическая музыка. Было светло, тепло, уютно. Подруги сняли шубки и повесили на вешалку рядом, за спиной.

– Вовремя мы пришли, смотри, снег повалил, – сказала Рита.

– Снегопад.

За прозрачной стеной стало совсем бело, словно кафушку облили сметаной. Осетинский пирог был горячий, кофе обжигал губы. Посреди кафе был длинный овальный стол, а вокруг – высокие крутящиеся табуреты, как в баре. Везде сверкали яркой глянцевой зеленью искусственные растения. Такой лёгкий летний оттенок, весёлая нотка. Словно перенеслись из унылой зимы прямо в лето.

– Вот потому я и люблю это кафе, – сказала Чаройта.

– Да, конечно, – поддакнула Рита. – Приятный антураж.

Тут раздался звук посторонний, диссонанс мягкой музыки. Чаройта достала мобильник. Недовольная гримаска на миг возникла на её лице.

– Ничего не слышу, я в кафе, – сказала она, и убрала трубку в сумку.

– Кто это? – спросила Рита.

– Да, вот. Так сказать, подруга детства. Как выпьет бутылку водки, такая счастливая становится, и названивает мне, делится счастьем.

– А давно дружите?

– С пяти лет. В одном подъезде жили, все время дрались. А она теперь рассказывает, что мы с ней были не разлей вода. Мама у неё была из Пскова, красавица писаная, высокая, статная, льняные волосы, ярко синие глаза. Но вредная, жадная, хитрющая. А отец – большой учёный, талантливый, добрейший души человек, щедрый, умный. Еврей. И эта вот подружка моя, она в мать пошла, в её родню. Красивая была до невозможности, девочка-картинка. У неё и прозвище было такое – Картинка. Да-а, картина маслом. Тупая и хитрая, как и мать. Жили они богато, мать не работала, всё за счёт отца. У них прислуга была. Картинка училась так, ничего не понимала, но мать договаривалась с учителями, с директрисой, подарочки всякие, и девчонка закончила школу с отличием при полном отсутствии знаний. В институт её устроили – вылетела, не потянула. Потом, по благу, пристроили её в историко-архивный, а затем и на работу в Архив, где она бу-

мажки перекладывала. Но выпивоха была, гуляка, муж бедный – любил её страшно – мучился, потом умер. И сын умер молодым. Теперь внук ей помогает, денег подкидывает, она же свою квартиру-трёшку ему завещала. А кому ещё? Больше никому.

– Как можно так жить? Она хоть понимает?

– Нет, она счастлива. У неё бойфренд есть, бурная личная жизнь. Водка и секс. И здорова, как бык, ни разу к врачам не обращалась.

– А внук пьёт?

– Ни капли в рот не берёт. Умный парень, в фирме работает, труженик. Дедовы гены.

Рита доела пирог, он был солоноват, и медленно потягивала ароматный кофе. Ей было уютно и радостно. А за стеклянной стеной завывала метель.

– И как эта Картинка? Всё такая же картинная, синеглазая блондинка?

– Ну, не совсем. Глаза выцвели донельзя, стали белые, страшные. А так – крепкая, хоть и не ходит никуда, лишь за водкой да закуской в магазин. Водку берёт самую дорогую. Говорит – сосуды чистит. Ну, ещё по гостям шастает. Тусуется. Там ведь можно выпить и развлечься. Приятелей у неё полно. А летом на даче весь день в доме сидит, или – в саду в гамаке. Никуда не ходит. Пьёт и трахается с другом. И здорующая. Вот что значит гены. Некоторым водка на пользу. Сто лет живут, пьют, и не болеют. Я знаю много таких при-

меров.

– Да-а, какая разная жизнь. А иные как начнут пить, и сразу – в могилу, – поддакнула Рита.

– Не всем на пользу. Некоторых это убивает.

– А кто её бойфренд? Молодой?

– Старше неё, бывший разведчик. Крепкий мужик, обязательный, умный, восемь языков знает. Шпарит наизусть Шекспира на английском языке, и Гёте на немецком. Играет на гитаре и поёт потрясающе. У него такой сексуальный голос!

Во дают старики! – подумала Рита.

– А осетинский пирог солёный что-то. – Чароита медленно жевала. – Или мне кажется? А, ну да, он же с солёным сыром.

За спиной раздался женский голос:

– Вот врачи советуют не ограничивать потребление соли. Её дефицит приводит к ожирению и диабету, и разрушает сексуальную жизнь.

Рита с подругой прыснули и оглянулись. За столиком сзади опять сидела пожилая дама в красной шляпе. Но шляпа теперь была надета на платок.

– Это Красная Шапочка снова нас подслушивает, – тихо произнесла Рита. – Она что, вечно здесь торчит, на этом месте?

Приятельница – поэтесса снова пригласила Риту в театр.

Вечер, мороз, ехали на такси. За окошками мелькали огни запутавшихся улиц, опушённые мягким снегом. Потом было тёплое фойе с зеркалами во всю стену, театральные коридоры с мягкими коврами и обилием фотографий на стенах, мягкие кресла зала, и яркий весёлый спектакль, антреприза, очень смешные моменты, хохотали до слёз. Обратном снова заказали такси. Домой Рита вернулась поздно вечером. Долго пила чай и смотрела телик. По каналу «Москва24» показали бомжей. Как они, бедолаги, в такую стужу? – подумала Рита. – Их очень много, и некоторые как-то выживают.

И подумала вдруг о Сашке. Как бы Ларисик не сделал его бомжем. От этой мысли её передёрнуло. И вдруг пришла на ум какая-то цитата: «Дерево ещё в цвету, но секира уже у корней». Откуда это?

Ну, на улице он не останется. Она этого не допустит. У неё же две квартиры, всё-таки.

А за окном луна оседала на мёрзлые крыши. Близилось продрогшее утро. И как-то муторно становилось на душе.

В этот день Рита долго спала. Сны были короткие, обрывочные. То она куда-то шла с поэтессой, но та вдруг исчезала на полпути, и Рита не могла вспомнить, куда они шли. Стояла в растерянности. То вдруг появлялась бабушка, она превращалась в Чароиту, они направлялись в кафе, а потом Рита оказывалась одна в лифте, который мчался по небу с бешеной скоростью, так что дух захватывало, было непонят-

но и очень страшно.

Вечером она пошла в парк. Чароиты не было. К ней сегодня пришли сын с невесткой на весь день. Сын у неё классный. В детстве – супер активный, смешной, неожиданный, много проблем с ним было, за ним только глаз да глаз. Такие казусы случались! Учился хорошо. Сейчас в фирме иностранной работает, и его жена тоже. Рита их видела в парке – худощавые, высокие, в джинсах, с короткими стрижками густых тёмных волос. Очень гармонично смотрятся. Симпатичные такие. Внучка и правнучка тоже часто навещают Чароиту. Тоже в фирме работают, но в другой. Все они – деловые, красивые, любящие. Чароита купается в этом солнечном океане любви и заботы. И все её материальные проблемы решены. Рита очень радуется этому. Как замечательно, что всё так классно!

Она накинула шубку, и вышла в парк. Вечер был хорош – лёгкий морозец, нежный сиреневый в сумерках снег. Красота, арбузная свежесть! Почему зимний вечер пахнет арбузом? – думала Рита. Медленно, с наслаждением, шла она по знакомым дорожкам. Кто-то с ней поравнялся, поздоровался, схватил за рукав. Рита удивленно остановилась. Это была пожилая дама в шляпе и енотовой шубе. Рита уже видела такую шляпу. Хотя, шляпа была другая, шерстяная, плотная, но тоже красная и с полями. Красная Шапочка, – узнала её Рита.

– Ну и что вы думаете обо всём этом? – заговорила дама. –

Вы же слышали, вы же смотрите телевизор, у вас же есть интернет?

– Вы о чём? – не поняла Рита.

– Ну, как вам эта акция, направленная на выявление девочек до шестнадцати лет, лишившихся невинности? И беременных девочек, и сделавших аборты? Как вам это?

– Что? – растерялась Рита. Да, она что-то слышала, видела сюжет, что-то министр здравоохранения и полиция вместе затеяли, но она так была погружена в свои мысли...

– Вот-вот, – кипятилась Красная Шапочка. – Это ж такое открывается благодатное поле по вымогательству, получению рекордных показателей «раскрываемости преступлений», а с ними новых званий, звездочек и должностей! И не только! По некоторым сведениям, этих лишенных девства школьниц планируется вызывать на губернаторские приемы, на полицейские дискотеки и карнавалы!

– Девочкам будет очень весело, – сказала Рита. – Я бы тоже хотела, карнавал на халяву, классно! И там столько самцов!

– Да что вы такое говорите, как вы можете, какой цинизм! – вспыхнула Красная Шапочка, и лицо её сравнялось с цветом шляпы.

Она отскочила от Риты, и быстро зашагала вперёд, свернув на другую дорожку. Рита смотрела на её нервно удаляющуюся спину, и хохотала.

Дни бежали чередой, друг за дружкой. Вот уже и ноябрь

промчался, и декабрь погнался за январём, но не успел догнать. Рита снова шла по замёрзшему парку, прислушивалась к голосам ворон, к поскрипыванию снега под ногами, к разнообразным звукам, приглушённым плотным морозным воздухом. На скамейке громко болтали два парня с железными пивными баночкам в руках. Парень в капюшоне говорил:

– А я лично наблюдал Лунтика, и без всякого бинокля! Даже пообщаться с ним пытался, но он кричал какую-то ерунду, нагадил мне под столом, и сиганул обратно на Луну.

– Это после какого стакана? – интересовался друг.

Рита усмехнулась, и пошла в сторону стеклянной кафешки. Там её ждала подруга.

Чароита сидела на их обычном месте и беседовала с Эльвирой. Лица у обеих были серьёзные.

– Рит, ты представляешь! – сказала Чароита, едва она подошла к столику. – У Сашки твоего умерла подруга, маникюрша его.

– Лариса?

– Да, – подтвердила Эльвира.

– Она же молодая! Что случилось-то?

– Остановка сердца.

– А, во как! Вообще, это сейчас сплошь и рядом. Люди мрут. Причём, внезапно.

– Много молодых умирает.

– Александр убит горем. Говорит, жить ему не хочется. Я его успокаиваю, говорю, что ж теперь делать, надо жить даль-

ше, а он... Дом его уже построен, надо переезжать в свою квартиру из съёмного жилья, а он... Ой, ну ладно...

И Эльвира побежала к стойке, у которой уже маячил мужчина в зелёном пуховике.

– А жизнь – это всегда зона риска, – горько изрекла Рита.

Ей вдруг показалось, что воздух этой небольшой кафешки стал густым, как кисель, и с очень странным запахом. Чем это пахнет? И подумалось вдруг – твёрдым знаком. Почему-то. Да нет, это запах Сашкиного отчаяния, запах его ухода из этой жизни. Он не может без любви, такой сильной, единственной, экстремальной, потрясающей... Он уходит за ней следом... Подруги медленно потягивали горячий кофе, иногда поглядывали в прозрачную стену, за гранью которой угасал день. Смотрели в проём чернеющего дня, и вяло перебрасывались словами. Душа Риты скулила, словно собака Баскервилей в болотной трясине. Она листала блокнот памяти, и... и...

И не было слёз.

А потом декабрь как белый пароход причалил к пристани с названьем Новый Год. И это была днюха Чароиты. Ровно восемьдесят пять лет назад её мама сделала такой новогодний подарок её папе – она подарила ему вторую дочь. Такую яркую, ясную, долгоиграющую дочь, с мощной такой харизмой.

Вьюга закрутила белоснежным штопором небо, воздух,

дома, улицы, прохожих, машины. А Рита с подружкой уютно и тепло, в мягких креслах, в кабине иномарки мягко двигались в этом снежном безумстве. За рулём сидела хорошенькая Чароитина правнучка. В салоне звучала тихая музыка, пахло летом, цветами – отдушкой для машин. Подруги распахнули шубки, скинули шапки.

Вечеринка Новый Год + юбилей (восемьдесят пять лет Чароите) проходила в большой пустой гостинице. Хозяином гостиницы был кто-то из многочисленных Чароитиных друзей. Пространство было украшено живыми цветами. Да ещё гости пришли с огромными букетами. Всё вокруг цвело и благоухало. И звучало. Музыка, вирши – многие написали стихи имениннице. Роскошный обильный стол был во всю длину залы. Не все были знакомы, и Чароита представляла их друг другу. Здесь были люди разных поколений, даже пятилетняя девочка – праправнучатная племянница, симпатичная, смышлёная, бойкая. Огромная ёлка сияла огнями, сверкала игрушками. Вдруг зазвенели колокольчики, и на велосипеде в зал въехала Снегурочка. За ней вприпрыжку бежал Дед Мороз и орал:

– Эй, внучка, стой!

Сам он был на вид очень молод, а вот внучке было лет за пятьдесят. Все расхохотались. Потом явился Звездочёт, он волок огромный мешок, но не доволок – тонкая ткань прорвалась, и на пол высыпались разноцветные подарочные пакетики, чем-то наполненные.

– Народ, налетай! Хватай! Всем – подарки! А самый главный подарок Снегурочка сейчас вручит юбилярше нашей дорогой!

Все стали собирать подарки, Рита – тоже. В пакетах были конфеты вместе с небольшими смешными мягкими игрушками. И вот началось застолье, сменяющееся танцами, шутками и байками Звездочёта, Деда Мороза и Снегурочки. В общем, сплошное веселье. Чаройта познакомила Риту с подругой детства – Картинкой. Той на вид было около шестидесяти. Рита удивилась её молодости. Ей же восемьдесят пять! А так выглядит! Крепкая блондинка в коротком блестящем платье, не худая и не толстая, в самый раз, с хорошими пропорциями тела, слегка скуластая, с кошачьим разрезом глаз, но уже выцветших и белёсых. Со следами былой красоты. Она много пила, громко говорила, хохотала, и вдруг упала. Её отвели в комнату и положили в постель. Веселье продолжалось. Рита разговорилась с одной из молоденьких родственниц Чаройты. Та попросила проводить её в туалет. Но вскоре она с испуганным видом вбежала обратно в залу.

– Что случилось? – спросила Рита.

– Там голая баба влетела и как заорёт на меня: «Что ты тут делаешь, пошла вон!» Такой шок! Такой шок! Я с унитаза свалилась.

– Что за голая баба? Сейчас гляну, – сказала Рита.

Никого не было. Безлюдно в закоулках длинного коридо-

ра. Рита стала заглядывать в номера. В одном из них лежала в постели голая Картинка и улыбалась. Рита закрыла дверь и вышла. Вернулась в зал. Молоденькая родственница Чароиты, высокая, плоская, с длинными светлыми локонами и карими глазами, сидела в кресле, уставившись в смартфон. Рита глянула на экран. Интернет, а, что она там смотрит? Толпа людей клубится и орёт, голос диктора вещает что-то про митинг против коррупции, про то, что собралось пять тысяч человек. Шум, полиция лупит людей, хватает и тащит. Голос за кадром:

– До Нового Года осталось всего три недели, а они митингуют! Совсем дошли до ручки. Это плохо кончится. Полиция хватает людей, заталкивает в автозаки и избивает. Пожилой активистке полицейские выбили зубы...

А, новости трёхнедельной давности! Нашла, что посмотреть. Рита отошла, ей было радостно и легко. Праздник, шутки, смех, вкусняшка на столе! Но в самый разгар веселья вдруг появилась голая Картинка, уселась на стул, нога на ногу, и потянулась за водкой. Налила, выпила залпом, снова налила и выпила. Чароитина правнучка отвела её назад в номер и принялась одевать, но та сопротивлялась. Казус какой-то. Картинка вырвалась, и опять явилась в залу. Она была в одних трусах, на плече болтался тонкий полупрозрачный бюстгальтер. Её снова увели. Праздник уже закончился, официанты убрали со стола, а Картинку всё никак не могли одеть. Наконец, свершилось! По лицу её блуждала довольная улыбка.

ка. Её повёз домой красивый молодой мужчина, родственник Чароиты. А юбиляршу с Ритой возвращала в родные пенаты снова Чароитина правнучка.

– А как твои дела с женихом? Свадьба-то когда? – спрашивала Чароита девушку.

– Уж и не знаю даже, – ответила та. – Всё сложно.

– Что так?

– Он сказал, что я не Ангел. Я ответила: если хочешь, чтобы я была Ангелом, организуй для меня Рай. И не будь жадным. Жадность – лучшее средство от женщин.

За окном продолжала свирепствовать метель. Снег метался, крутился, взлетал и падал, заметая всё вокруг. Авто-дворники с трудом очищали лобовое стекло иномарки. За сплошной белой пеленой с трудом просматривалась дорога.

Горел в снегах ясноглазый январь. Солнце стекало со стен домов, вдавываясь в кому, и покрывало лёгкой позолотой всё вокруг. Рита с подругой подставляли солнцу лица, улыбались. Они шли по тропе меж деревьев, укутанных снегом словно сладкой ватой. Сбоку мелькнула серая тощая белочка. Пробежала по тропе, исчезла за небольшим сугробом, и вдруг появилась на стволе дерева, замерла, задумалась. Увидев подруг, она быстро поскакала вверх и скрылась. Где-то хрипло завопила ворона.

– Раскаркалась, – сказала Чароита. – Голос, как у некоторых эстрадных певцов.

По дорожке слева медленно брели двое – Марик и высокая худая женщина с немолодым усталым лицом. Они громко говорили о чём-то своём.

– Марик с мамой. Несчастные. Бедствуют. Когда Марик родился, его отец был уже далеко не молод. Журналист. Умер, когда мальчик был ещё совсем маленьким, – сказала Чароита. – Да, всё хотела тебе рассказать, и забывала. Представляешь, звонит мне Картинка, Картинища это пьяная, и таким счастливым тоном говорит, что познакомилась на очередной тусовке с парой пожилой, муж ей очень понравился, а у жены рак. Вот Картинища и говорит мне, что ей очень уж мужик этот нравится, и когда его жена умрёт, она его схватит и женит на себе. Да, она это сделает, верю. Она сказала: давно я что-то замужем не была, надо снова сходить. Во даёт!

Подруги расхохотались. И свернули к стеклянному кафе. Оно пустовало, посетителей не было. На крыльце хмуро курила Эльвира.

– Привет, – сказала Чароита, – как дела?

– Плохо. Весь день простаиваю. Народу почти ничего.

– Не расстраивайся, мы идём к тебе.

– Как же не расстраиваться, – ответила она. – Такой ужасный день. Александр умер.

– Как умер? – опешила Рита. – Что такое?

– Ужас, – сказала Чароита. – Молодой мужик, здоровый был.

Эльвира принялась рассказывать:

– Я ему звоню, значит, говорю, Александр, деньги я вам послала. А он таким слабым безразличным голосом. Я спрашиваю: Александр, вы переехали на свою квартиру? А он так тихо, слабо, отвечает: нет. Я спрашиваю: почему, ваш дом уже построен, что вы не переезжаете? А он: вещи надо собрать, у меня рука болит. И голос такой слабый, больной. Я говорю: вам плохо? Вызовите скорую. А он: зачем? Вечером я снова, значит, звоню – не отвечает. Я ему звонила каждый день, он не отвечал. А сегодня звоню – ответил чужой голос. Полиция. Соседи вызвали – запах. Позвонили хозяйке квартиры, та пришла, открыла дверь, а там Александр мёртвый в кресле сидит, уже разлагаться начал.

– Да ты что! – выдохнула Чаройта.

На дереве дрались и дико орали вороны. Они вырывали друг у дружки полуразодранную белку. Парк словно омут затягивал внутрь себя солнечные блики. Небо было такое ясное, холодновато голубое, с подтаявшими облаками. Поднялся ветер.

Такое голубое небо, – подумала Рита. – Вон два облака. Ползут куда-то. А, это ветер их пасёт. Сашка умер. Жил, любил, и умер. А ветер пасёт облака.

Где-то раздались звуки взрывов. Это были новогодние петарды.

– Понятно, почему кафе пустоует, – сказала Чаройта. – Народ весь в центре парка, там праздник.

Там действительно всюю шёл праздник. Под огромной,

сверкающей шарами и мишурой ёлкой бегали с весёлым визгом дети. На эстраде радостно вопил в микрофон певец в блестящем пиджаке. Вокруг толпился народ, и Дед Мороз в красном прикиде с золотыми снежинками (почему не с серебряными?) помахивал декоративной витой тростью. Народ был хмельной и счастливый. В руках у многих – баночки с пивом, с энергетическими напитками. Кто-то разливал по пластиковым стаканчикам водку и угощал друзей и всех, кто оказывался рядом. Кто-то плясал возле эстрады. Снег, ещё не затоптанный между деревьями, неистово блестел на солнце. Пахло шашлыками – их жарили на мангале возле палаток, выстроившихся вдоль дорожек. Там торговали ещё и медовухой, пирогами, и прочей вкуснотой. А в других палатках продавались игрушки, шали, свитера, красивые вязаные варежки с шапками и шарфами, расписные самовары, и много всякой всячины. Всюду торчали пластиковые столики, люди с аппетитом поглощали шашлыки. Дух веселья и счастья витал всюду. Из огромного тульского самовара всем бесплатно наливали чай. Это была реклама листового чая. Над окошком палатки красовалась огромная фанерная подкова с гигантскими буквами: «Великая Россия – счастливая страна!» Вообще, праздников в счастливой стране было много.

Звёзды – косточки в плоти неба

Экстрим-мини-роман

Облако такое мягкое, светлое, пышное, так классно лежать на нём, в нём, среди него и плевать в небо вишнёвые косточки. Вкуса вишни она не ощущала. А косточки взлетали вверх, и плоть неба втягивала их, и они становились звёздами, яркими, сияющими такими! И всё было так просто и естественно, и даже в голову не приходило, что это сон! Ей было хорошо и легко, и уютно, и она верила всему этому. Конечно, верила. Она была в гармонии со своим именем. Она же Вера! Но как нагло выбил её из сна вопль мобильного! Душа рухнула в тело, и Вера очнулась в постели, на смятой простыне. Она вяло взяла трубку с прикроватной тумбочки. Но не сразу поняла, что это за голос и что он ей вещает. Сознание постепенно прояснилось, и она узнала тембр Дениса и услышала остаток его речи:

– Ты красивая женщина, а я всё-таки живой мужчина...

Она вяло сострила:

– Я догадывалась, что ты живой мужчина, почему-то мёртвые мужчины со мной не общаются. Странно, правда?

Он хмыкнул. Идиот. А такая ночь была! И она вдруг сказала:

– Ночь исповедима...

– Вот и я о том же! – оживился он. – Знаешь, и не только ночь, я хочу подать тебе кофе в постель утром.

Ну что за пошлость! От возмущения вся сонливость слетела.

– Я вообще кофе не пью, тем более в постели! – резко ответила Вера.

Её коробило от самоуверенности этого холёного мажора, от широкой фальшивой улыбки его щёки уже наплывают на глаза. Ему лет тридцать. Тридцать пять на вид. Она подумала о себе. Бабуля по утрам с дымящейся кастрюлькой: «Вера, кушай грешную кашу, в ней железо, польза организму». Это она юморит, изображает деревенскую соседку Клавку. Гречка, фу! Гадостная каша. Но ради бабули она её впихивает в себя. А ба бубнит, как всегда, что Вере давно уже пора замуж, что её мама в сорок лет уже взрослую дочь... Если бы дожила... Она бы... И так далее.

– Ну, так как насчёт ночи? – прервал её размышления Денис. – Начнём сегодня днём?

Она аж поперхнулась. До чего же примитивный тип! Только секс на уме. И чего пристал? Ну, ща скажу.

– Многие люди ходят с трупом внутри себя. И даже не замечают, что их духовный мир покончил жизнь самоубийством, – произнесла она мрачным тоном.

Денис захохотал. Придурок. Нет, она отнюдь не против секса. Главное – смотря с кем, как и зачем. Конечно же, нужны чувства, интерес к личности, что-то неординарное, яр-

кое, волнующее, и родство душ желательно. Не с тупым же самонадеянным идиотом совокупляться. Он даже не тратит время на элементарные ухаживания, хочет взять измором. Несколько походов в рестораны и в театры на дурацкие новомодные спектакли, цветочки и конфеточки – это такая ерунда, это не считается.

Да и познакомились они совсем неинтересно. В огромном супермаркете она выбирала себе цветы в горшке, каланхоэ цветущий, ей нравилось и в розовых соцветиях, и в оранжевых, и в солнечно жёлтых, стояла и думала. Тут подошёл невысокий коренастый парень, круглолицый, черные волосы – в хвост, прищурился весело, серогазо, и... А, чего тут вспоминать. Словом, обыденно, неинтересно, магазинное знакомство, зацепились языками, обменялись телефонами – он протянул визитку... Богатенький балбес. Она просто не сразу разобралась в нём. А теперь вот он её достаёт. А послать его, обрубить концы одним махом она не может. Обидеть человека? Нет же!

Бабуля опять пристанет – кто звонил, зачем и почему? И Вера скажет. А ба снова начнёт своё – вот, ты всех женихов разгоняешь, на тебя не угодишь, у тебя плохой характер...

Да нормальный у меня характер, думает Вера.

Просто она не такая лохушка, какой была её ма. Мамы уже нет. Не свяжись она с этим москвичом, её папашкой, была бы сейчас жива. Жили бы они себе в деревне – бабуля, мама, и она, Вера. Ну, сначала так и было. Но мама сильно горева-

ла. И нагoreвала себе – скоротечный рак и смерть. А Веру потом уже отец забрал к себе, когда от него жена ушла. Вера была уже подростком. И бабулю взял, чтобы вела хозяйство. Своих детей у отца не было. Он был неплохой, просто чуждый, и к тому же вечно занятой. Домой приходил поздно. На выходные исчезал куда-то. Ну, ясно куда – в клуб, играть в теннис, потом ещё куда-то. С Верой общался формально. У него была видимость семьи. Ему это зачем-то было надо. После его смерти квартира досталась Вере с бабулей. Бывшая жена не претендовала – она давно уже жила в Канаде с очередным мужем.

– Ну, так как? – прервал её размышления Денис.

– Слушай, отвали, а? Чо пристал? Чо надо? Почему я?

– Отвалить чо? – передразнил он.

– Сгинь навсегда. Неужто не ясно? Ты мне не нужен.

– А ты мне нужна. Люблю миниатюрных шатенок с большими грустными глазами. А таких янтарных, ярких глаз, как звёзды, ещё не встречал. Такие радужки, удивительно! Такие плавные линии тела, тонкого, ты узкая как змейка. И характер у тебя змеиный.

– Ну да, я змеюка. Гадюка ядовитая, бойся меня.

Он опять расхохотался. И продекламирал:

– «Ты – женщина, и этим ты права». Это Брюсов, если ты в курсе.

– А если ты в курсе – «маразм не оргазм». Игорь Губерман, хорошо сказал, да? – парировала она, и выключила мо-

бильник.

Надо поставить его в чёрный список. Хотя, нет, пусть звонит.

И тут вдруг она поняла, что ей нужны его звонки. Они злят её, бесят, вызывают прилив адреналина. А они нужны ей.

За окном бушевал ветер, но было весьма тепло, несмотря на начало апреля. На деревьях уже распустились почки. На Пасху бабуля собралась ехать в родную деревню, в Пригореловку. Она всегда жила там с Пасхи до осени, до первых холодов. Вера там давно уже не появлялась. Даже в отпуск. А чего там делать? Дрова рубить, печку топить, воду из колодца таскать, огород обихаживать? Нет уж, это – для бабули, она это любит. А у Веры и здесь есть дела, работа в ООО – справки, визитки, ксерокс, факс. Работа не пыльная, это всё по ней, да. Платят, правда, не так уж чтобы, ну ничего, им хватает. Зарплата плюс бабулина пенсия – и нормально. Бабуле уже за восемьдесят, но она бодрая, крепкая, деловая. И выглядит намного моложе своих лет. Лицо персиковое, морщинки мелкие, незаметные, сама крепкая, статная. Вера не в неё пошла. В дедову породу, у того вся родня мелкая. Бабулю звать Любовь Андреевна, а маму звали Надежда Алексеевна. Имена святых. Бабуля верующая, всех крестила – и маму, и её, Веру. И двоюродную сестрёнку Агапию. Гапу. С Гапой Вера иногда болтает в скайпе. Та однажды гостила у них здесь. Тоже мелкая, волосы пепельные, глаза светлые, кожа

блеклая. В общем, бледная немочь. Ей семнадцать. Неинтересная внешне, худосочная. Окончила сельскую школу, сидит себе в деревне, с огородом возится, родителям помогает. Сонная душа. Вяло пересказывает в скайпе деревенские новости: на соседней улице изба сгорела, старуха Машка-самогонщица ночью зарубила топором алкаша Ежа, бешеная лиса покусала деревенских собак, и Санька Валюкин их отстреливал... И всё в том же роде. Ничего не меняется в родной деревне. Глушь да дикость. Ей было пять, когда мамы не стало. Ма работала в соседнем посёлке в библиотеке. Дачники жертвовали в библиотеку свои книги. Посёлок большой. Дачников там много. И книг тоже. Часть ма приносила домой. Вера читала запоем. Она рано начала читать. А бабуля до пенсии работала в том же посёлке учительницей. Там у них есть дальняя родня. Иногда ма и ба брали с собой Веру, когда отправлялись туда – дорога полем, песок набивается в сандалики, жухлая трава по краям дороги, пригорок, перелесок, поле со льном, синенькие мелкие цветочки, долго идти, устала, мама берёт её на руки... Ну не так уж и далеко, всего два километра. Тёплый легкий воздух, много запахов, свежесть. Но всё равно Вера не любит деревню. Её душе там тесно.

Вера иногда пыталась понять, а почему их деревня называется Пригореловка? Там что-то пригорело? Пироги пригорели у бабы? Или деревня была при горе? При горе ловко построена, потому и Пригоре=ловка? Или ловили при горе

кого-то? Или горе горькое, и при нём лавка («а» со временем сменилась на «о», вышло «ловка»). Она спрашивала у всех местных, но никто не знал. Не знали и бабуля с мамой. Все только удивлялись её вопросу, качали головами, и отвечали: «А неведомо, да нам без разницы». Но гора там была, правда, не очень большая, бурьяном поросла и травой высокой, туда порой козы убегали, да дети лазали играть. Вера с подружками тоже туда раз как-то продиралась сквозь бурьян, жгли костёр, там водились крупные кузнечики, девчонки наловили их, пожарили и съели – играли в заграничный ресторан. Была у неё подружка Санька, весело было играть! Потом их изба сгорела, никто не выжил, ночь была. Вера так горевала, жутко истерила. А бабуля сказала, что все они теперь в раю. И повела Веру в церковь. В деревне есть церковь новомученика Симеона Святогробца, которого зверски убили в 79-ом, и какой-то богатый подвижник в 97-ом выстроим в их деревне храм в честь того святого. Он провёл интернет, наладил сотовую связь. Надарил деревенским дешёвые мобильники. Местные все были в полном восторге! И принялись азартно осваивать интернет. Себе он здесь такой дом отгрохал! Единственный дачник в их деревеньке, генерал и бизнесмен, большой чудак. Это было тогда ещё, в те времена. Вера тогда уже жила в Москве. Но ездила с бабулей в деревню летом.

Деревенские детские подружки потускнели в её памяти, вытиснились московскими подругами. Произошла замена.

В принципе, вовсе это не подружки, а приятельницы, коллеги, Даша и Маша – обе рослые, массивные, два этаких бегмота широкоплечих и широколицых с короткими волосами. Однотипные. У Маши волосы как тонкая бесцветная леска, стрижка – очень короткое каре, а у Даши на большой круглой голове – ёжик разноцветный: пряди рыжие, белые, жёлтые, розовые. Маша – с плоским как доска задом и длинными куриными ногами, у Даши зад чемоданом, а ноги – кеглями. Животы торчат как мешки с картошкой. Вера рядом с ними словно дитя, школьница младшего класса. Даша – экономист, ведёт бухгалтерию фирмы, а Маша – секретарша и начальник отдела кадров по совместительству. Ещё у них есть охранник Олег – высокий качок, бывший боксёр, который не упускает случая шлёпнуть по «чемодану» Дашу, он её ласково зовёт «лунозадая» (наверно, луна ему видится квадратной). Даша от этого млеет. И президент фирмы Роман Григорьевич – лощёный, длинноногий, бритоголовый, с высокими темными бровями и густыми ресницами. Он подобрал себе команду ровесников. Всем им по сорок – сорок пять. Вот и все сотрудники ООО «Ясюкям». Что означает название фирмы, никто не знает. Просто это слово как-то внезапно нарисовалось в воображении Романа Григорьевича, откуда-то из Космоса залетело, так он пояснил.

Вскоре бабуля уехала в деревню, и Вера осталась одна. Хорошо живётся без «грешной каши» и без наставлений. Но всё-таки бабули не хватает. Время летит быстро. Вот уже и

юбилей фирмы на носу – десять лет со дня основания. Корпоратив в небольшом ресторанчике грядёт. Вера прошвырнулась по магазинам в поисках приличного прикида. Нужно что-нибудь вечернее. Ей понравилось узкое чёрное платье макси с большим разрезом на юбке, почти до трусов, и с очень открытой спиной. Она долго мерила, всё раздумывала, дороговато что-то, но в конце концов купила. Туфли и длинная нитка жемчуга у неё есть. Классика. Дома снова примеряла, долго вертелась перед трельяжем. Эффектно и эротично! Правда, спина не очень-то привлекательная, просвечивают рёбра и позвоночник, лопатки торчат словно крылышки цыплёнка. А, ладно, сойдёт. Главное, общий вид хорош, гармонично, и она кажется выше ростом. Надо продемонстрировать Маше-Даше, интересно их мнение.

Она включила мобильник. На экране желтел конвертик. СМС. Она нажала клавишу, СМСка была от Дениса. Первая СМСка от него, забавно: «Звонки тебя будоражат, так вот письмо от тупого придурка: С пятницей и ... с днем облачных слонов. Подними голову в весеннее небо и обрати внимание на облака. Это же просто чудо какое-то! Целые стада облачных слонов весело путешествуют в голубом просторе, подставляя округлые бока теплым солнечным лучам. Они то бегут бегом на крыльях ветра, то застывают на месте, задумавшись о чём-то своем, слоновьем, то разбредаются по небу небольшими группами, приветливо покачивая хоботами... Они бывают самых разных мастей: молочно-бе-

лые, серые, почти черные, нежно-розовые, пурпурные, золотистые – столько оттенков и не снилось обычным земным слонам. Их путь никогда не кончается. Кажется, вот опустело небо, только солнце в лазурной выси. Ан нет, пробирается по краю горизонта одинокий припозднившийся слон, философ и мечтатель. Такой похожий на меня, такой причудливый, фрик...»

Ого! Во как вдруг, ну даёт! Неужто влюблён? – мелькнула мысль. Это Вере польстило. Но тут же червячок недоверия стал подтачивать душу. Нет, вряд ли. Просто, наверное, нашёл в инете где-нибудь, и послал ей. Хочет казаться таким романтиком, таким возвышенным и особенным, чтоб затащить её в постель. А как только удовлетворит свой сексуальный аппетит, приестся ему всё такое, и захочет он разнообразия. И всё. Конец отношениям. Знает она уж, проходила, было такое. Случалось. Любовь, разочарование, вспоминать не хочется, боль и отчаянье. Трудно было от бабули скрывать, ссылалась на усталость и большую нагрузку на работе. Если бы не это, впала бы в депресняк... Бабуля варила кофе, пекла любимые Верины пирожки с изюмом, жарила картошку с грибами, гладила по головке и уговаривала бросить эту распроклятую работу и найти другую, полегче. Милая добрая заботливая бабулюшка! А Вера мучилась, душу жгло словно калёным железом и рвало на мелкие частички, Вера ненавидела и проклинала всех мужиков на свете – и отца, из-за которого так рано умерла её мама, и любимого, который

так жестоко расстался с ней. Это был уже второй, бросивший её. Первый был давно. Он её и не любил, наверное, просто так болтал про чувства, секса хотел с малолеткой. Ей было шестнадцать, первая её любовь, первый её мужчина, ему – двадцать, дембель. Витька, длинноногий, широкоплечий, мускулистый, поджарый, кареглазый, бритоголовый. Как она его любила! Как им было хорошо! Безумные встречи после школы, у неё просто крышу снесло тогда! А потом – страшная трагедия, жуткое горе, когда случился разрыв с ним. Депрессия. Она целыми днями лежала лицом к стене, прижимая к груди пушистую игрушечную собачку, которую ей подарила бабуля в детстве. Собачка для слёз. Когда умерла мама, Вера, пятилетняя, валялась на печке среди одеял и редела, уткнув лицо в собачку Маську. Синтетическая Маськин мех драл кожу, воспалённую от слёз. Потом Вера подарила Маську двоюродной сестре Гапке, с которой она иногда болтала по скайпу. Гапка, Агапия, вдруг стала комплексовать, что-то в школе у них там в посёлке случилось. Она влюбилась в мальчика, а он спросил: «Как твоё полное имя, что ли Гарпия? Знаешь, кто такие гарпии, ха-ха-ха!!!» Гапка так рыдала! Несчастливая маленькая дурочка. Миниатюрная, как и Вера, тощенькая, волосы цвета пыли, бледненькая, такая былиночка белесая, лесной цветочек мелкий. Жалко её. Вот, тоже сильно страдала от любви. И Вера отдала ей самое дорогое – Маську. Правда, потом забрала назад. Пушистая игрушка, пропитанная слезами. Вера её очень любила, расчё-

сывала, на шею ей цепочку золочёную надела. Днём Маська восседала на столе возле ноутбука, а ночью спала с Верой в постели. Нежная, ласковая, такое облачко пушистое, утешительница, и спящая Вера прижимала её к щеке.

День выдался суетный. Маша с Дашей занимались шопингом. Приятное это занятие, интересное и весёлое. Женщины радостно сновали по торговым центрам, примеряли, обсуждали, спорили. В одном магазине они купили симпатичные лосины – Маша золотого цвета, Даша – телесного с блёстками. В другом месте увидели просторную изумрудную тунику, как раз их размер, всю усыпанную фионитами. Но она была одна такая. Женщины долго приставали к продавцам, чтобы нашли вторую, но увы – нет другой подобной, и не предвидится. Маша с Дашей впихнулись в примерочную, им было тесно, плотные тела заняли всё пространство. Но они ухитрились раздеться, и по-очереди примерили тунику. Обеим женщинам она подошла.

– Я её беру! – заявила Даша.

– А почему ты? Я сама хочу её купить! – вскрикнула Маша. – На мне она лучше сидит!

– Сидит она так же, как и на мне! Но я её первая увидела! – повысила голос Даша и мотнула своей большой башкой с пёстрым ёжиком густых жёстких волос.

Обе женщины, по пояс голые, схватились за рукава туники. Даша пыталась вырвать её из цепких рук Маши.

– Моя, моя, мне подходит подо всё!

– И мне тоже! У тебя же есть, у тебя таких восемь, а у меня всего шесть! Отдай!

– У меня совсем не такие, да и у тебя тоже. Ничего похожего!

– Но ты же моя лучшая подруга! Ты мне как сестра!

– Вот и я то же самое говорю! Мы – астральные сёстры! Неужели ты не уступишь мне, самому близкому человеку! Мы так похожи, у нас одна судьба, нас обеих бросили мужья, мы... мы...

Тут раздался треск рвущейся ткани. У каждой женщины в руках оказалось по рукаву. У Маши – рукав с большим лоскутом от бока блузки.

– Ну и что теперь делать? – тихо спросила Даша.

– Быстро одеваемся и бежим отсюда! – скомандовала Маша.

– Я рукава прихвачу, сошью из них шарфик, – Даша проворно запихнула в большие чашки своего бюстгальтера куски туники.

– Так. Спокойно выходим, не спешим, уверенно, с улыбочкой, и медленно ретируемся, – сказала Маша.

В зале было шумно, народ польстился на весенние скидки, а скидки были большие, играла музыка, люди сновали возле полок и корзин с вещами. Продавщицы рекламировали товар, показывали вещи. Маша с Дашей усердно-лениво продефилировали к выходу.

Корпоратив устроили не в ресторане, как было обещано. Роман Григорьевич арендовал стол в каком-то полуподвальном месте с занятным названием – «Погребок свекрови».

– Нас тут погребать будут? Свекровь уж постарается! – сострил охранник Олег.

Он был в костюме стального цвета, при галстукe, такой солидный и красивый.

Президент фирмы Роман Григорьевич, тоже весь из себя, в прикиде цвета горького шоколада, лощёный, длинноногий, бритоголовый, с высокими темными бровями и густыми ресницами, был очень хорош. Он пояснил:

– Нас всего-то пять человек, какой там ресторан, все здесь уместимся. Место тут интересное, понравится.

Место было да-а, вот ведь! Вдоль стен стояли столики с полосатыми скатертями и пластмассовыми подсвечниками, из которых торчали незажжённые свечи – толстые и какие-то доисторические, словно со времён гражданской войны сохранились. Посреди большого зала с обшарпанным дощатым настилом, деревенским каким-то, возвышался шест. Играла фоновая музыка. Но когда фирма расположилась за длинным столом возле окна, появился певец. Вера узрела небольшую сцену с синтезатором. Парень годков этак тридцати подошёл к микрофону, прокашлялся, что-то пробормотал, и запел. У него был приятный баритон. Маша с Дашей бросили на него оценивающие взгляды. Этот высокий лохматый

блондин им явно нравился.

Официант принялся пихать на стол салаты, селёдку под шубой, тарталетки с грибами и с икрой, и всякую другую снедь. Появились рюмки, графинчики с водкой, с винами и соками. Роман Григорьевич встал и произнёс короткую речь, но за звуками песни было плохо слышно. Он сказал:

– Друзья! Коллеги! Поздравляю вас и себя с десятилетием нашей фирмы! За эти десять лет у нас... Мы... Наша фирма успешно выжила и не была смята конкурентами. Ведь таких, как мы, много! Ура! Живём!

Все выпили водку, а Вера – вино. Оно было сладкое.

– Живём! – вскричал Олег. – Наша фирма «Ясюкям» будет там и будет сям! – выдал он экспромт.

– Ого, да ты поэт! – восторженно завопила Даша.

– А то! – хмыкнул он, и положил ладонь на массивное Дашино колено.

– Ну так выпьем за поэта! – предложила Маша.

– Отличный тост! – поддержал президент фирмы.

Чокнулись стеклянными рюмками с золотистыми каёмочками по краям. Выпили водку, Вера – вино. Слишком уж сладкое.

– Ну, а теперь – за нашего дорогого президента! За нашего мудрого и любимого руководителя! – произнесла тост Даша.

Выпили. Музыка гремела всё громче. Певец разошёлся во всю. Подали горячие блюда. На столе появился острый ад-жапсандали, необычайно вкусный, азу, антрекоты, буритто,

ризотто, чахохбили, и много всякого разного. Вера ела всего понемногу, и запивала апельсиновым соком. Тосты наплывали друг на друга, на столе возникали очередные графинчики с водкой, а потом чача, коньяк, и Вера не могла понять, что это за кухня, грузинская, что ли? Ресторан вроде с нейтральным названием.

Маша с Дашей пошли плясать. Обе были в лосинах. Машины тонкие длинные, как соломины, ноги были обтянуты золотистыми лосинами и высокими – до половины ляжки – сапогами-ботфортами, живот горой торчал вперёд и во время танца подскакивал, словно огромный арбуз в сетке. Туника была сетчатая и тоже золотистая, и сквозь неё просвечивала плоская грудь. Даша же была выпуклая со всех сторон, и все её выпуклости скакали словно сами по себе, отдельно от хозяйки. Олег не выдержал такого зрелища, вскочил, и присоединился к пляшущим дамам. В танце он то и дело хлопал Дашу по квадратному заду и восклицал:

– Лунозадая моя!

Вера отяжелела от съеденного и выпитого. Она медленно потягивала сок через трубочку и смотрела по сторонам. Посетителей в ресторане было мало. В углу сидела юная влюблённая парочка, в конце зала – старичок со старушкой, такие трогательные, они о чём-то увлечённо беседовали и словно ничего вокруг не замечали. Через три стола от них весело шумела небольшая группа кавказцев. Эти тоже были заняты собой. Вера задремала. Ей было уютно и спокойно. Роман

Григорьевич куда-то вышел. Потом она очнулась и бросила взгляд в зал. Даша с Олегом танцевали в обнимку, а Маша возле шеста выделывала какие-то странные трюки. То задирала на шест свои тонкие ноги, которые казались золотистыми верёвками, то, раскорячившись, кружила, насадая на шест, потом она повисла на нём, уцепившись своими длинными верёвочными руками. Тут шест рухнул, и Маша распласталась под ним. Похоже, она даже не поняла, что произошло, настолько была пьяна. Она просто уснула. В это время в зал вошёл Роман Григорьевич. Все сотрудники фирмы столпились возле спящей и стали её поднимать. Но вставать, просыпаться она явно не хотела. Лежала себе и похрапывала. Народ за столиками с интересом наблюдал за всем этим. Веру разобрал смех. Весёленький корпоративчик получился – подумала она. И вдруг ей стало скучно. Глупость какая-то, бред, – подумалось ей. Она подошла к столику, допила сок, и вышла из ресторана. Поймала такси, и поехала домой. Окошко авто было опущено, и тёплый ветер отдувал назад лёгкие Верины локоны. Она с удовольствием подставила лицо весеннему воздуху.

В кармане пискнул мобильник, пришла СМСка. От Дениса – увидела она. И с каким-то новым чувством удовлетворения прочла мелкие строчки: «Весна идет вперед, ура! И вот сегодня день безобразно хорошего настроения! Бывает такое: ты не можешь спокойно идти – только подпрыгивать, ты не можешь спокойно отвечать на вопросы – только в шут-

ку, на языке пляшут сотни смешинок, и вместо слов получается только не вполне приличный хохот, ты танцуешь под музыку, звучащую для тебя одного, кружишься на месте сияющим водоворотом, даришь конфеты незнакомым людям – и солнце выглядывает из-за тонких весенних облаков, чтобы ласково погладить тебя по буйной свихнувшейся голове... Это и есть просто безобразно, кричаще хорошее настроение. И я искренне желаю тебе, чтобы таким образом у тебя проходил не один день, а вся жизнь! И перестань быть змеюкой ((((((Вот!»

Она почувствовала лёгкое головокружение. Вино начало действовать, или весна, наверно что-то в воздухе было такое, весёлое, свежее, игристое, словно шампанское...

Денис припарковался возле парка. Ему хотелось посидеть в любимой беседке у пруда. Он вышел из машины, и не спеша направился к витой арке. У входа в парк качали ветками большие липы. Денис задумчиво брёл по дорожке. Мысли словно облака, гонимые ветром и подсвеченные солнцем, были лёгкие и разноцветные. Вспомнился отец. Его похороны. Его лицо, давно, давно, когда Дениска был ребёнком. Папа был неразговорчивый, спокойный, и очень редко кричал. Ну, бывало, конечно. Но чтобы вывести его из себя, надо было постараться. Папа был одним из родоначальников отечественного бизнеса. Однажды, когда Дениска был маленький, он захотел мороженого и стал истерить. Он орал, катал-

ся по полу и бил ногами. Папа сказал – какое тебе мороженое, ты шмыгаешь носом, и к тому же плохо себя ведёшь. Тогда мальчик выгреб мелочь из отцовского кармана и купил себе эскимо. Папа узнал, наорал на Дениса, и так сильно ударил его, что тот отлетел к стене и от страха описался. Это – самое сильное впечатление его детства, даже сильнее того дня, когда он впервые увидел огромного паука в большой красивой паутине. Он недоумевал – мелкие деньги, ерунда, за что? Неужели отец такой жмот? В тот день он невзлюбил отца.

Денис дошёл до скамейки возле пруда, сел и закурил. Вспомнилось, как они всей компашкой ездили по ночным барам, курили кальяны, снимали девиц, пили, снова пили, и Денис блевал, обняв унитаза. Пьяные они гнали по шоссе, обгоняя друг друга, серебристый «седан» Дениса летел словно сокол на соколиной охоте. Хорошо, гайцов не было. Потом его занесло, выскочил на тротуар и врезался в группу подростков. Но сразу вырулил и умчался, в гараже смыл с бампера кровь... Ну и что, пусть не шляются по ночам, дети ночью должны спать. Сам он, когда тинэйджером был, спал ночами, родители строго следили, прислуга, рано утром его везли в школу с английским и французским уклоном, потом – на музыку, на занятие танцами, на кун-фу. Все дни были расписаны по часам. Норма. Потом была стрельба, танки, черный октябрь, да, девяносто третий год, больше двух тысяч погибших. Денису было интересно, но он мало что пони-

мал. Мелкий был ещё. Подросток, переходный возраст. Ему нравились танки, выстрелы, трупы. Его перестали возить в школу и везде. Это было классно! Все сидели возле телевизоров. Прилипли к экранам. Только папа куда-то уходил. А потом его убили. Как это случилось, Денис так и не узнал. Да и не спрашивал. Мама потом вышла замуж. Но это уже позже. Потом мать с отчимом уехали в Израиль. У отчима там была родня. Денис остался один. Он был сам по себе, не очень-то и переживал. У него были деньги, нефтяные акции, и полная свобода действий.

Лёгкий весенний ветерок взъерошил его волосы. Он подумал про Веру, про эту маленькую тоненькую словно нимфетка женщину с шоколадными волосами и колючим янтарным взглядом. И его душу обдало нежной душистой пеной. Он сплюнул сигарету, достал мобильник, и задумался над текстом для СМСки.

Даша, хмельная и счастливая, возвращалась домой на такси. Субботний вечер был так прекрасен! Она провела бурную ночь в объятьях Олега после такого классного корпоратива! Ночь плавно перетекла в день, полный секса и водки, потом – в поздний вечер, и Даша устала. Надо было выспаться, отдохнуть – ведь завтра на работу. В такси её разморило, и домой она пришла уже полусонная. Стянула с себя одежду и залезла под одеяло. Но сон, как назло, пропал, была лишь вялая дрёма. Голова кружилась, и казалось, что постель по-

качивается на волнах. Перед глазами замелькали лица, события, обрывки воспоминаний. Вот она подросток, мама сшила ей красивую голубую блузку с красной оторочкой и большими карманами. Даша во дворе срывает одуванчики, такие ярко жёлтые, солнечные, крупные, и плетёт из них венки. Идёт домой с венком на голове и с гирляндой на шее. Мама ахает – блузка испорчена, вся в больших жёлтых пятнах. Это уже вообще не отстирывается, мама плачет, ведь она так старалась... А вот они с мамой и дядей Гиви, маминым очередным другом, высоко – всю Москву видать, какая она огромная!!! – на колесе обозрения... Ужас, горе, кошмар! Самолёт разбился!!! А в нём – мама с дядей Гиви, они летят в Сочи... Летели... Бабушка ужасно кричит... Морг, бабушка не похожа на себя, такое странное усохшее лицо... А вот Миша, он её целует, прижимает к себе, она в белом платье, в фате, такая счастливая, ничего вокруг не видит, только его, и море цветов... Почему они разошлись? Она не хотела детей, аборт, потом – бесплодие. Она чувствовала, что муж погуливает, но мирилась. Думала – так, ерунда, надоест ему это. Но однажды Миша заявил, что другая беременна от него, и он уходит к ней. Гром среди ясного неба! Не может быть! Суд. Развод. Стресс и булимия. Именно тогда она поправилась на двадцать три килограмма. Ну и ладно, ну и пусть! Она ушла с прежней работы. Целыми днями, отрешённая от всего, слонялась по двору. И познакомилась с Машей – та выгуливала собаку, странную дворнягу с телом стафа и мордой кро-

кодила. Собаку звали Герма. Маша жила через три дома от Даши. Подружились быстро, ведь общая беда – Машу тоже бросил муж, правда, давно. Сидели в Машиной большой обшарпанной квартире, пропахшей псиной и куревом, سموили сигареты, пили водку, и душу изливали. Маша пьяно тянула нить разговора, словно разматывала кокон шелкопряда, такого червячка, точившего душу:

– А познакомились мы с Валеркой возле палатки. Он в палатке пивом торговал и другими напитками, покрепче, и закусью. Были девяностые. Мы с Яршей – тогда у меня Ярша была, боксер, белая собака, – подошли пиво купить, я глянула – классный мужик, разговорились, он не дурак, начитан, остроумен, разведён. Я говорю – закрывай палатку, бери побольше алкоголя и закуси, и давай ко мне. Я тебя покупаю вместе с этой палаткой. Я богачка. А я тогда как раз родительскую квартиру продала. Мама умерла от рака, папа следом за ней от сердечного приступа. Ну, Валерка сразу так и сделал. И мы шесть лет пили и любили друг друга, такой секс был космический! Потом ведь у меня бабушка скончалась, на Арбате. И квартиру, машину папину, гараж, всё пропили, ещё от мамы и бабушки много золота оставалось. Потом деньги кончились, я стала зарабатывать переводами – документы с русского на английский и наоборот. Но это всё гроши. Валерка меня бросил. Я так страдала! Потом искала работу в интернете, попадались всё фирмы-однодневки, ну где только я ни работала! Наконец, вспомнила и стала ворошить

прежних знакомых. В юности я дружила с Ромкой. Залезла в инет и нашла его в Одноклассниках. А у него – фирма! И я пишу ему: «Привет, Ромка, это я, Машка, твоя астральная сестра!» Он сразу взял меня к себе. Хорошее место, уже три года работаю, все прочно. Хочешь, тебя устрою?

– Конечно, хочу! Ой, может, отвлекусь, может, найду себе кого! Машка, ты моя спасительница!

– Ну ладно, ладно, после благодарить будешь. А смотри ведь, как у нас всё похоже! Нет мужей, но это даже и не плохо, в этом что-то есть!

Давай теперь за это, тост возник!

Маша разлила по рюмкам остатки водки. Работал телевизор, какой-то новостной канал, звучало в фоновом режиме: «Бедность, которая сейчас фиксируется в России – это бедность работающего населения. Об этом во вторник было сделано такое заявление вице-премьером по социальным вопросам...»

Вот картинки из прошлого и настоящего сложились в фантики, стало что-то грезиться, какие-то боксёры заскакали по блестящим крышам, мокрым от дождя, гигантские птицы взмахивали крыльями, и Даша уснула.

Среди ночи разбудил его телефон – пьяный Машкин голос:

– Привет, Ромка, братец мой астральный. Ничего, что я звоню тебе так поздно, ведь дружба это штука круглосуточ-

ная. Я люблю тебя, ты же знаешь. Я вообще всех люблю. И тебя тоже. Мне снилось сейчас, что я летаю и всех вокруг спасаю. Вот проснулась вдруг, а за окном – луна, и такая огромная, ты подойди к окну, нет, ты посмотри в окно...

Роман Григорьевич досадливо кашлянул и отключил мобильник. Машка всё такая же дура. Как всегда. Как в юности. Но тогда она была посимпатичней, не пузатая, хоть и такая же мужеподобная выпивоха. Жили они в одном подъезде, часто сталкивались то в лифте, то во дворе, и Машка навязала ему свою дружбу. Это она умела. Как пиявка прямо. Им было по двадцать два, Машка училась в институте Мориса Тореза, а Роман после армии работал токарем на заводе. Он был высокий, тонкий, с причёской под битла, и ходил в джинсах и замшевом пиджаке песочного цвета, ни дать ни взять писатель или музыкант. И носил он в руках кожаный «дипломат». Он любил свою работу, детали точил быстро и качественно, а между делом создавал красивые вещицы – из стружек делал необыкновенные изысканные романтические серьги, браслеты, кольцо, броши, сотворил даже несколько латунных люстр под старину, под золото с бриллиантами (стекляшками украсил). Машка всё это лихо продавала, и брала заказы. Спрос на его творения был огромный. Но он творил только по вдохновению. Однажды Машка собрала у себя дома компашку, как всегда – она это любила. Жила она отдельно от родителей – те купили ей кооперативную хату. Она всех собирала на «флэт» частенько – водка, музыка, кальян.

Ромка там был завсегдаем. И понравилась ему одна девчоночка, скромняшка такая с золотистой косой, зеленоглазая, без косметики, личико свеженькое, носик башмачком, Вика. Новенькая. Где-то Машка её подцепила. Он весь вечер проговорил с ней, и подарил кольцо собственной работы, оно на редкость красивое вышло, совершенно особенное. Она тихо сказала, что хочет уйти, и он вызвался проводить её. Только они вышли в коридор, как влетела пьяная Машка и устроила скандал. Роман прикрикнул на неё. Тогда она схватила Вику за косу и с силой ударила о стену коридора. Девушка потеряла сознание, лоб был рассечён, хлынула кровь. Народ выбежал из комнаты и столпился, все заахали, загалдели, кто-то бросился к телефону, вызвали скорую. А Машка пошла в туалет блевать. Вообще, с Машкой было много курьёзов. Однажды она заставила его на спор порезать себе самому вены. Но потом так ласково влезла в душу: «братец мой астральный, я же тебя люблю, я тебе самый близкий человек...» И он расслабился. Жил он в двухкомнатной хрущёвке с родителями и младшим братом Санькой. Братец был любимец папы и мамы, добрый, открытый, наивный. Музыкант и остряк. Когда Санька погиб в Чечне в девяносто пятом, отец и мать не смогли это пережить, и вскоре умерли друг за другом от сердечного приступа. Маленькая хрущёбка опустела и стала казаться Роману огромной бездной. Он был уничтожен свалившейся на него трагедией. Он сразу потерял всех родных. Были ещё двоюродные дяди-тёти-племянники, ко-

которые распоряжались похоронами. А потом ещё и родной завод закрыли. Пришла беда – отвори́й ворота. Роман впал в депрессию, запил. Машка давно уже переехала в другой конец Москвы, и её следы затерялись. Однажды в магазине он случайно встретил Вику, и вот она вывела его из запоя и вернула к жизни. Она оказалась его спасением, лучиком света, его радостью и счастьем. И болью. Он долго думал, как сделать ей предложение, купил кольцо с бриллиантом. Но она вышла замуж за другого. Этот удар отрезвил Романа. Он взял себя в руки и занялся делом. Сначала развозил пиццу, потом работал в рекламе, затем взял кредит и открыл своё дело. Название как-то само пришло в голову, с потолка упало: «Ясюкям». Было в этом звуке нечто ясное, и каменное, и мягкое. А потом вдруг внезапно снова возникла в его жизни Машка, и он взял её на работу – так, по старой памяти, ностальгируя по юности, по заводской работе, по творчеству, ведь его поделки бижутерийные и люстровые были его творческим началом, его хобби. Его жизнью.

Машка, дура, разбудила. Сон сгинул. Роман нащупал на тумбочке пульт, включил телик, и услышал визгливый дискант:

– Ленина похоронить, мавзолей взорвать!

Олегу не спалось после бурного общения с Лунозадой. Уже вечер перешёл в ночь, но он ощущал бодрость и подъём. Он постучал по боксёрской груше, висевшей в углу гости-

ной, потом развалился в массивном мягком кресле и включит телик. Шёл фильм о боксе. Его тематика, родная. Вот тогда, в юности, он спал как убитый, никакой интим не будоражил его сон. И просыпался радостный. С мыслями. Но пока он радовался, мысли улетучивались, и в голове становилось пусто. Вспомнилось: раннее утро, за окном темно, будильник верещит как ненормальный – пора на тренировку. Так: умылись, побрились, паааабежааалиииии... Как чудесно после бурной ночи поиметь двухчасовую тренировку! Как он любил бокс! А потом он лежал на коврикe у кровати. Доползти до подушки не было сил. На тренировке любимый тренер заставил почувствовать его летающей собачкой... цирковым моржом... дрессированным ёжиком... В ринге пришлось работать с парнем на две головы выше – тянулся как подсолнух к Ярилу и пропустил пару боковых. После тренировки было две новости: – через неделю соревнования, и он едет, и – боксирует не в своем обычном весе и надо согнать пять кило. Блин! Как он любил бокс! Перед тренировкой тренер оглашал основные задачи: совершенствование технико-тактического мастерства, сенсомоторных и мыслительных процессов, что означало: боксёр, когда его уе... ударят в челюсть, прежде чем замертво упасть на ринг, должен осмыслить – что он сделал не так. При работе в парах – берегите руки! Руки для боксера главное! Голова?... Причём здесь голова! Главное – головой не лезть в разные места – и все нормально... а руки – они потом могут пригодиться. И, важно

– самоконтроль! Дисциплина! Тренировка воли! Если после разминки не появилось желание тренироваться, значит, вы плохо размялись! Как он любил бокс! Но скорость начала теряться с возрастом. Ну, что скорость теряется – оно понятно. Ведь потеря скорости частично компенсируется видом удара и расчетом. Но в тридцать три года у него сила удара ослабла, и выносливость уже не та стала. Рановато для боксёра. Просто в нём что-то сломалось. Пришлось уйти. Потом он стал тренером в женском боксе. Девки, жёсткие, стервы... Нет, всё надоело! Он разлюбил бокс! Вот досада! Потом он стал качать мышцы. Нашёл работу – охранником в супермаркете. Однажды он там познакомился с Романом, который только что открыл свою фирму и набирал сотрудников. И тот переманил его к себе.

На экране возникла реклама, и Олег задремал, уронил голову на грудь, и вскоре уснул под звуки телевизора. Он громко храпел. Ему снился ринг. А за окнами ночь расцвела огромной лиловой лилией с яркими сверкающими пестиками реклам и фонарей.

В понедельник работы было мало. Пришёл лишь студент – распечатать дипломную работу с флэшки, и подросток – распечатать фотографии. И всё. Днём Роман Григорьевич удался, а спустя час разбежались и сотрудники. Вера с Машей-Дашей пошли в ближнее кафе. Они решили отметить прекрасный весенний день, гармонию в душе и в воздухе, и

взяли графинчик водки и сладкое вино. Водку подали в стеклянной колбочке. А вино – в бокале. Для Веры. На закуску взяли пиццу и салатки. Соседние столики были пустые, посетителей в кафе не было, кроме подруг. Маша подняла тост:

– Девчонки, мы как королевы, одни в этом зале. В этом дворце мы единственные. И нас обслуживают слуги. Это наш родовой замок!

– Да, нам только и осталось, что мечтать и фантазировать, – сказала Даша.

– Дашка, ну ты всё портишь своим пессимизмом, – нахмурилась Маша. – Ну, залпом, за нас, за прекрасных принцесс!

Её крупное одутловатое лицо просияло, длинные тонкие губы раздвинулись, словно широкая щель, и она вплеснула туда водку.

Её примеру последовала Даша, боднув воздух своей большой башкой со щетиной разноцветных волос, похожих на стерню. Вера хихикнула, глядя на подруг, и пригубила вино. Взяла кусок пиццы, откусила.

– Эх, хорошо-то как! – выдохнула Даша. – Наливай!

Выпили ещё. Вера допила свой бокал, и ей заказали ещё вина. У женщин глаза заблестели, щёки покраснелись. У Веры слегка припухли губы.

– Девчонки, а помните, помните? – сказала Маша.

– Помним-помним, – сказала Даша. – Я помню, как мы Верку нашли. Сидела в мегацентре и ревела. Сумку у неё уперли. И с работы уволили.

– Ну, во-первых, не уволили, а сократили! – вспыхнула Вера. – Я что, виновата, что половину больниц позакрывали. А я медсестрой была. И устроиться негде – везде много больниц сократили, врачей, персонал весь – на улицу! Я даже уж, с отчаянья, хотела даже в психдиспансер санитаркой, но и те посокращали, позакрывали.

– Конечно, земля в Москве дорогая, вот бизнесмены и скупают площади, а здания на снос.

– Нет, принцессы, не раскисать, команда прыгать и плясать! – вскричала Маша и так дрыгнула ногой, что столик отъехал в сторону, стул качнулся, и она грохнулась на пол. Но тут же поднялась, пододвинула стул, уселась на него боком, закинув нитеобразную ногу в золотистой лосине на другую, и снова наполнила свою рюмку. Лихо опрокинула её в щель рта, и затянулась сигаретой. Даша тоже закурила.

– Эх, хорошо сидим! – голос у Маши был низкий, мужской. – Верка, а ведь это мы тебя в «Ясюкям» привели, мы тебя и в подруги взяли, заценила?

– Маш, а помнишь, помнишь? – сказала Даша и захохотала.

– Это как я на столе голая танцевала, ты о том? – хохотнула Маша.

– Да, ты мне рассказывала так прикольно, там одни мужики были, и вахтёр пришёл, который у тебя в подъезде сидел. Он прямо писал кипятком от восторга.

– Ну да, я пьяная была. Зато потом, каждый раз, когда я

мимо проходила, он говорил: «А, Маш, ты так классно на столе голая плясала». Мне жутко неудобно было.

В это время в кафе вошёл высокий квадратный мужчина с длинными волосами цвета переспелой пшеницы. Маша с Дашей замолчали и с интересом взглянули на него. Вера тоже посмотрела. На вид лет под сорок, квадратные плечи, квадратный подбородок, крупный нос.

– Хороший жеребец, – оценила Маша. – У мужчин нос как член. У этого, видать, самое оно. Как думаешь, Вер?

– Думаю, это профессор, – сказала Вера первое, что пришло в голову.

– Ну, мы сейчас это выясним, – заявила Маша, и уверенным шагом направилась к устроившемуся возле окна мужчине.

Вскоре квадратный уже сидел за их столиком, потягивал коньяк и вещал:

– А вот как вы считаете, почему после падения Берлинской стены и развала СССР не был подписан новый Вестфальский мир или Версальский договор? Молчите? А-а! Ну, вот почему, думаете, геополитические державы тех времён, прежде всего США, устранились от установления нового мирового порядка? Молчите? А-а! А просто не было желания доверить всё умелой дипломатии – предпочли путь глобализации и права на гуманитарное вмешательство, которое стало новым правилом...

Тут Маша перебила его:

– Вы такой потрясающий! Давайте знакомиться! И пойдём ко мне, всей компанией ко мне в гости! У меня дома потрясающая собака, сучка Герма, ну такая умница! Как-то я делала салат, тут завопил мобильник, я вышла в коридор на минутку, взять телефон, а когда вернулась – салата нет, тарелка пустая, а Герма облизывается...

– Собаку звать Сперма? – переспросил квадратный. – Какое сексуальное имя.

Вера захохотала. Она всё хохотала и хохотала, и никак не могла остановиться.

Во вторник утром Роман Григорьевич собрал всех своих сотрудников и объявил:

– Друзья! Коллеги! Мы переходим на новый уровень!

Все переглянулись и притихли, уставившись на президента фирмы. А президент, лощёный, длинноногий, бритоголовый, с высокими темными бровями и густыми ресницами, держал паузу. Сотрудники стали нервно поёрзывать на стульях. Наконец, президент произнёс:

– Мы будем продавать сопутствующие товары. Куколки из соломы. Это сейчас модная тенденция, такие куколки пользуются немалым спросом.

– А где мы возьмем эти куколки? – спросили разом Маша и Даша.

– А, вот! – Роман Григорьевич выбросил вперёд руку, словно Ленин. – Вот главный вопрос! Это ваша задача, кол-

леги и друзья! Вы должны найти оптовый рынок.

– Такого рынка нет и быть не может! – вскричала Маша.

– Значит, надо самим этих кукол делать. Найти солому и делать! – отрезал президент.

Тут Вера вскочила с места, её осенило.

– А в нашей, в бабушкиной деревне полно соломы, и мы в детстве вязали таких кукол из соломы. И не только. Ещё собачек, кошек, коров. И кто-то там умеет, я знаю!

Роман Григорьевич просиял, и сказал:

– Отлично, Вера. Ты – ценный кадр. Маша, выпиши ей командировку в деревню, пусть договорится о поставках этих кукол. За это мы её премируем.

– На сколько дней командировку оформлять? – деловито спросила Маша.

– На неделю. Недели тебе хватит, Вера?

– Вполне.

В поезде Вера уснула, и сон был долгий и глубокий. Потом она ехала в автобусе, потом шла три километра по пыльной колдобистой дороге. Вот и деревня родная, серые бревенчатые избы, большой красивый дом генерала, снова маленькие избы, вот родной забор из выбеленных солнцем, дождями и ветрами кольев цвета вечерних облаков. Бабушка возилась в огороде, за высокими ветвистыми деревьями её было совсем не видно, но Вера знала, что она там. Вера распахнула дверь серой дощатой калитки, и прошла между грядками. Скину-

ла со спины рюкзак и поставила его под большими вишнями, они были все в белых цветах. Так легко и душисто пахло травой, цветами, столько воздуха и зелени вокруг! Вера дышала и не могла насытиться. Вот она подошла к грядке. Бабушка от неожиданности ахнула и радостно заулыбалась, и кинулась обнимать внучку.

– А я и не ждала, вот неожиданность, вот радость-то! – вскричала она. – Пойдём скорее, накормлю, а я как раз пиროгов напекла в печке, с капустой, суп гороховый сварила! Вот чай поставлю!

Вера даже не ожидала, что ей будет так хорошо! Она соскучилась по родной деревне, и только сейчас это поняла. Они с бабулей долго сидели за столом и говорили о том – сём, о всяких мелочах, и им было уютно и легко.

На следующий день они с бабулей пошли в гости к тётке Тоне и дяде Пете. Тётя Тоня была младшей сестрой Верининой покойной мамы. Вера помнит их свадьбу, сама она тогда была ещё малышкой лет пяти, ей было интересно и удивительно – уйма народу, огромные столы во дворе и куча еды на них самой разной, вся деревня собралась, и ещё потом – костёр на берегу реки и шашлыки, горячие, жёсткие и необычайно вкусные! Потом была музыка из магнитола, и все плясали. И Вера тоже крутилась и топотала ножками и танце. А уж когда у тёти Тони с дядей Петей родилась Гапка, Вера была уже взрослая, работала уже в московской в больнице. Приезжала сюда в отпуск. Гапка была такая крошечная, словно

кукла, спелёнутая лежала в корзине, пищала тихо-тихо, как котёнок. Она родилась поздно – тётя долго не могла забеременеть, ездила в город, в поликлиники разные, в больницы, сдавала анализы, лечилась, всё без толку. Потом в какой-то монастырь они с дядей Петей ездили, к чудотворной иконе. И через год после этого на свет появилась Гапка. Назвали её Агапией, в честь святой мученицы. Гапка выросла мелкой, худенькой и тихой.

День был солнечный, очень тёплый, и тётя Тоня накрыла стол в саду. Стол был сколочен из досок, и скамейки тоже. На скамейки тётя постелила одеяла. Пили домашнее вино из смородины, сладкое, густое, лёгкое, на столе дымилась картошка в мундире, в мисках красовались маринованные грибы, соленья, квашеная капуста. Потом дядя Петя принёс самогон. Ели, пили, неспешно беседовали. Обсуждали посадки, грядки, события в деревне и в соседнем большом посёлке. Вере всё это было неинтересно, и она принялась болтать с Гапкой. Рассказала ей о проекте Романа Григорьевича. Гапка согласилась делать соломенных куколок. Она это хорошо умела. Они выпили густого красного вина, и развеселились, принялись острить и хихикать.

– Чего скалитесь, дуры, – сказал захмелевший дядя Петя. – А ты, Гапка, школу закончила, пора бы за ум браться.

– Учиться ей надо, вот чего, или работать, трудовой стаж зарабатывать, – сказала тётя Тоня. – Вот Вера умная, работает в Москве. Взяла бы с собой нашу Гапу, пристроила б

куда-нибудь.

– Конечно, возьму, – сказала Вера. – Пристрою, обязательно. Даже знаю, куда.

Заскрипела калитка, вошёл низенький крепко сбитый мужичок в затёртых джинсах и майке.

– Привет, хозяйева, наточил я вам серп, – весело сказал он, и положил на скамейку что-то, завёрнутое в мешковину.

– А, Дима, ну давай, к столу, присоединяйся, – сказал дядя Петя. – А к нам вот племяшка приехала, Вера. Девчонки, принесите сало, там, в холодильнике, да нарежьте, да потоньше.

Вера с Гапой пошли в избу. Резали сало и болтали. Вера говорила про «Ясюкям», про коллег, припомнила анекдоты, которые рассказывал Олег. Дружно смеялись. В сад вернулись минут через сорок, неся тарелку с розовато-белыми аппетитными ломтиками сала. За столом про них, похоже, уже забыли. Шёл жаркий спор. Бабуля говорила:

– Так ты прости его. Врагов надо прощать. Это по-божески.

– А если враг – грешник? – вопрошал Дима.

– Всё равно прости, – отвечала бабуля.

– Если я прощу грешника, я разделю с ним его грех, – отвечал Дима.

– Странное ты чего-то говоришь, это ж надо же такое удумать! – восклицала тётя Тоня.

Тут в разговор встряла Вера. Она сказала:

– А я вот думаю, что если грех смакуешь, одобряешь, то тогда только и приобщаешься к греху и разделяешь его.

– О, какая племяшка-то рассудительная. Замужем, дети есть? – поинтересовался Дима.

– Нет у меня ничего такого, – сказала Вера. – Не надо мне этого, я сама по себе.

Дима покачал головой. Бабушка сказала:

– Это поколение девяностых. В девяностые у них возраст создания семьи был. Но до того ли было? Перевороты, разруха, шоковая терапия. Распад страны. Войны – Афган, Чечня, Приднестровье в 92-ом, там ведь тоже наши воевали. Половина парней погибла. И вообще, две трети населения страны сгинули. Выживший молодняк – что там у них в душе творится, кто знает?

День уже клонился к закату, когда гости встали из-за стола. Хозяева пошли провожать родню до того места, где дорога сворачивает налево. Там, на пригорке, паслись две тучные коровы. Вера подумала, глядя на них: «Это Маша и Даша». Ей стало смешно.

И вот Вера с Гапкой едут в поезде с рюкзаками, набитыми соломенными куколками.

– А если их ещё раскрасить акриловыми красками, это будет вааще отпад! – говорит Гапа. – Такие будут яркие, радостные, невероятно!!!

– Это надо у Романа Григорьича спросить, как он захо-

чет, – отвечает Вера.

Они вместе вязали этих куколок. Всю неделю с утра до позднего вечера. И много их наделали.

За окном мелькали деревья, телеграфные столбы, станции и полустанки, а сёстры весело болтали. В метро Гапу удивила толчея, куча людей, и у всех были мрачные загруженные лица. «Лица в панцирях» – подумала она. До Вериного дома добрались уже вечером. Приняли ванну, поужинали, и легли спать. Завтра – на работу, и Вера решила представить начальнику Гапу.

Она даже не ожидала, что он сразу же возьмёт сестру в штат. Но именно так и произошло. Даже уговаривать, упрашивать не пришлось. И Гапка стала производителем и курьером одновременно. В её обязанности входило делать соломенных куколок и привозить их в «Ясюкям». Ей выдали трудовую книжку, и Гапа с восторгом и радостью вертела её в руках. Она читала и перечитывала свою запись в трудовой, и бормотала неуверенно:

– Ой, а вдруг я не справлюсь... Я так боюсь...

Роман Григорьевич мягко улыбнулся и произнёс:

– Да всё у тебя получится, не тушуйся. Как говорил Дон Хуан: «Действуй смело и не ищи оправданий».

Гапка сбегала в ближний магазин за тортом, и устроила чаепитие в честь своего приёма на работу. Эту традицию ей Вера подсказала. Пили чай, ели вкусный торт бизейно-кре-

мовый, и болтали. Даша рассказывала про китов. Вера хихикнула – Даша сама была словно кит в человеческом обличье. Китов Даша любила.

– Вот есть такие горбатые киты, – вещала Даша. – Это, ну, вообще тако-ое! Представляете, они помогают другим млекопитающим при нападении касаток! Акул таких жутких! Ну, такие вот киты, не чета некоторым людям, настоящие рыцари моря! Те, кто наблюдает за ними, ну, есть такие наблюдатели, за горбатыми китами, видели, как они спасали тюленей, морских котиков, серых китов, и даже рыбу-луну. И совершенно бескорыстно причём!

Тут в комнату заглянул Роман Григорьевич.

– Чаи гоняете? А дело стоИт? – сказал он недовольно.

– Так ведь нет никого, – ответила Маша. – Присоединяйся, Рома.

– Некогда, – сказал он. – У меня тут новая мысль проклюнулась. А что, если нам ещё делать куколок из шерсти? На них тоже спрос есть. Из обычной овечьей шерсти, серой такой. Гапа, у вас в деревне овцы есть?

– Рома, да где ж их продавать-то всех, – поинтересовалась Маша. – К нам ведь сюда мало кто заходит. Тут реклама нужна.

– Так вот для вас, дорогие мои коллеги, новое задание: сотворите достойную рекламу, громкую, яркую. Я придумаю, как и где её разместить, – сказал Роман Григорьевич, и скрылся за дверью.

Веру разобрал смех. Она наклонилась над своей чашкой и фыркнула.

– Ромку на куколок повело, с чего бы это? – сказала Маша.

– В воздухе что-то витает, – сказала Даша.

– Что-то кукольное, – сказала Вера.

Все дружно прыснули.

– Интересно, где он берёт деньги нам на зарплаты? – спросил Олег.

– Тоже мне, зарплаты, смех один, – сказала Даша.

– Это не зарплаты, а заплаты, – сказала Вера.

– И ещё хочет пополнять бюджет за счёт кукол каких-то, – ухмыльнулся Олег.

– А может, он взял гранты под это, – сказала Маша.

– Гранты подо что? Под куколок? – удивилась Даша.

– Под народные промыслы, наверно, – сказала Вера.

– А какое отношение наша фирма имеет к народным промыслам? Или он её переориентировать хочет? – сказала Даша.

– Он, верно, кукол оформил как сопутствующие товары, – сказала Вера.

– И заставит нас ходить по улицам и трясти ими, в офис заманивать, – усмехнулась Маша.

– Чай остыл. Подогреть надо, – сказала Даша.

– Очень вкусный торт, – сказала Вера, и положила себе на блюде ещё кусок.

Но их чаепитие было прервано. Затрезвонил звоночек,

пришёл клиент. Вера встала из-за стола и нехотя поплелась принимать заказ. У окошка стоял плотный лысоватый мужчина.

– Что вы хотите? – спросила Вера.

– Фото. Старое чёрно-белое, пожелтело, сделать большой цветной портрет в раме.

– Хорошо, давайте фото. Выбирайте рамку, – ответила Вера, и взяла протянутую маленькую мутную фотографию.

После работы Вера с Гапой неспешно шли домой. Возле подъезда был небрежно припаркован серебристый «седан», а рядом курил невысокий коренастый брюнет, густые чёрные волосы его были собраны в хвост. Увидев Веру, он широко заулыбался и изобразил старинный поклон.

– Ты не отвечаешь на мои СМС-ки, на звонки, дорогая, – произнёс он, и распустил волосы. Длинные блестящие пряди рассыпались по его плечам.

Гапка смотрела на него, раскрыв рот. Что-то внутри неё ёкнуло. Душа распахнулась. «Это, ой, кто, ой!!!» – вопил её мозг. «Ой, только бы он заметил меня, только бы...» И она стала мысленно взывать к Богу, к Ангелу Хранителю, ко всем святым. Тут Вера обернулась, кивнула на неё и произнесла скучным тоном:

– А это моя кузина Гапа, из деревни. Слушай, Денис, возьми над ней шефство, она такая дикая, а?

«Его зовут Денис!» – вскричала Гапкина душа, и она сразу

же полюбила это имя.

– Она же малолетка, – сказал Денис.

– Ей почти восемнадцать, – ответила Вера.

– Когда отмечаем восемнадцатилетие? – деловито спросил Денис. – Расходы беру на себя.

Гапка смотрела на него с замиранием сердца. Он такой... такой... У него такая классная машина, прямо серебряная карета, а он сам просто король Артур! Какие у него волосы королевские, а какой прикид! Просто стоять рядом и смотреть на него – такое счастье!

У неё сильно билось сердце, лицо порозовело, губы покраснелись, глаза сияли, она преобразилась и казалась почти красавицей. Денис глянул на неё с интересом. «А кухня ничего, симпатичная. Пожалуй, поинтереснее, да и помоложе этого злого ёжика», – подумал он. – «Вся горит, словно зарница. Надо заняться ей».

– Гапа, какое необычное имя у тебя. Ничего, что я сразу на «ты»? Хочешь, прямо сейчас поедем играть в боулинг? Я тебя научу.

– Да, – произнесла она тихо.

– Давай, сестрёнка, не тушуйся. Развлекись, – сказала Вера. И, обернувшись к Денису, добавила: – Ты там не очень-то, береги мою Агапию. Она девственница, так что сам знаешь. Если что, убью.

И, глядя вслед отъезжающей машине, подумала: «Девчонка влюбилась. Повезло! Мощное чувство! Ради этого сто-

ит жить! Может, у них что-то серьёзное выйдет. Да он, вроде, и неплохой парень, Денис-то. Просто не в моём вкусе. Мне нравится Роман Григорьевич. Загадочно, откуда он берёт деньги на содержание фирмы и на зарплаты нам. Машка говорит, что источник – его богатая любовница. Что фирма – это лишь для того, чтобы ему чем-то занять себя, и чтобы он ощущал себя не содержантом, а настоящим мужиком, президентом фирмы, частным производителем. Если Машка не врёт, конечно. Вообще-то, вполне правдоподобная версия...»

Гапа откинулась на велюровую спинку кресла и глянула в окно. Московские улицы казались такими большущими, глубокими, сияющими, окаймлёнными огромными красивыми домами, много светофоров, словно она смотрит кино, и не просто смотрит, а попала внутрь, и всё происходит не с ней, а с какой-то необыкновенной героиней. Ей даже не верилось в реальность всего. Вот она сидит в шикарной иномарке на переднем сиденье, рядом с красавцем, просто королём, он ведь, наверно, король бизнеса какого-то! И она вот, словно Золушка, рядом! У неё перехватывало дыхание от восторга. Сколько раз она видела такое в фильмах по телику, и как она мечтала о такой вот жизни! И мечта сбылась! Денис так уверенно и легко ведёт машину!

Она восторженно взглянула на него. Он улыбнулся и сказал:

– А чем ты вообще занимаешься?

– Я? С сегодняшнего дня работаю в фирме, – пролепетала Гапа смущённо.

– А раньше?

– Ну, вот школу закончила в прошлом году, маме с папой помогала на огороде. Ну и за козами, курами, у нас восемнадцать кур, петух, и три козы – Велесья, Мякуся, и Белка. Козий сыр делаем. Очень вкусный! Творог. Вареники.

– А тусовки с друзьями, дискотеки, пикники? – поинтересовался Денис. – Как свободное время-то проводила?

– Ну, интернет, книги, – призналась она. – Читать люблю очень, и на сайтах литературных читаю тоже, там интересно, много всякого. И в социальных сетях общаюсь, там у меня много друзей.

– Значит, ты хикикомори, – усмехнулся Денис.

– Кто? – не поняла Гапа.

– Ты же, говоришь, читать любишь. А роман Кевина Куна «Хикикомори» не читала?

– Нет, – сказала она растерянно. – Не читала. А про что там?

Денис вырулил в переулок, и сказал:

– Хикикомори – это люди, часто это подростки, они отказываются от живого общения, хотят уединения. В книге, это про подростка. Парнишка такой, Тиль. Простой обычный парнишка: дом, школа, родители. Жизнь такая, ну, как у многих пацанов. Плыл себе по течению. И вдруг – облом!

На камни выкинуло. И что-то сломалось в его сознании, изменилось навсегда. Парень решил создать свой мир – мир, в котором можно не выходить из дома, а друзей заводить через инет.

– Как же так? – удивилась Гапа. – Он не стал общаться с родителями?

– Вот так. Засел в своей комнате, как улитка в раковине. Вообще, если хочешь знать, хикикомори – это отшельники в современном обществе. Они, ну, понимаешь ли, сознательно выбирают полную социальную изоляцию, их жизнь – это уединение. Иногда даже хикикомори могут не покидать свою комнату годами. Ты вела жизнь хикикомори? Или полухикикомори?

– Ну, вообще-то, совсем до этого не дошла, в деревне не очень-то похикикоморишь, – сказала Гапа. – Но в соцсетях торчала много, всё свободное время, когда книги не читала.

Они подъехали к высокому дому. Припарковались метрах в пяти от входа. И подошли к зданию. Денис распахнул перед Гапой дверь, пропуская её вперёд. Она растерялась, помедлила, и вошла. Её удивило всё, просто всё вокруг, и особенно то, что надо снимать свою обувь и надевать специальные тапки типа кожаных чешек со шнурками. Гапа принялась их рассматривать, и её ещё больше удивило, что подошвы у тапок разные. Одна подошва была гладкая, другая – шершавая. Она показала тапки Денису и вопросительно посмотрела на него. Он сказал:

– Ну и что? Так надо для игры. Гладкий ботинок предназначен для скольжения, а шершавый – для торможения.

Они прошли в зал с длинными желобами и кеглями в конце. Денис показал, как играть, и посоветовал выбирать лёгкие шары. Но для Гапы, привыкшей к тяжёлой деревенской работе, все шары казались лёгкими. Она тут же кинула шар с такой силой и так точно, что сбила разом все кегли. Выпрямилась, и радостно запрыгала, сверкая оголившейся тонкой талией между коротким свитерком и джинсами. Денис залюбовался её лёгкостью и девичьей грацией. Светлая нежная полоска голого тела, мелькающая перед глазами, возбуждала его. Гапа это чувствовала, её очень веселило это и придавало уверенности. Она вдруг ощутила свою женскую силу, и словно опьянела от этого. Глаза сияли, бёдра сами собой крутились, тонкий свитерок поднимался, всё больше обнажая тело.

Домой Гапа вернулась поздно, и долго не могла уснуть, всё вертелась в постели и вспоминала волшебный этот вечер, мысленно прокручивая его снова и снова. Она была счастлива.

На работе было людно. То и дело приходили женщины, девушки, пожилые дамы, подростки, и раскупали соломенных кукол. Гапа только удивлённо таращила глаза. Она ничего не понимала.

– Как это? Что происходит? – спросила Даша, она сегодня

припозднилась, пришла в полдень.

– Ничего странного, – пояснила Маша. – Ты разве не в курсе? Сейчас модный тренд – украшать интерьер квартиры такими вот куклами.

– Да, но зачем их покупают подростки? – удивилась Даша.

– Они любят всё новое, необычное.

Ближе к концу рабочего дня пришёл Роман Григорьевич. Он воспринял новость о популярности соломенных куколок как нечто обыденное. И сказал:

– Всё идёт по плану. Теперь будем производить куколок из шерсти. Гапа, тебе задание – поезжай в свою деревню и наладь производство шерстяных кукол. В деревнях же водится овечья шерсть. Маша, выпиши ей командировку.

– На сколько дней выписывать? – деловито спросила Маша.

– На неделю.

– Во как! – воскликнула Вера. Её все это весьма забавляло. Она пыталась понять, откуда просочилась инфа о куклах в их фирме. И как это Роман Григорьевич уловил тренд. Тут ей пришло в голову, что это, скорее всего, дело рук его богатой подруги.

У подъезда вновь парковался серебристый «седан». Потом дверца авто распахнулась, и высунулся Денис. Увидев сестёр, он выскочил из машины и двинулся навстречу, раскинув руки и широко улыбаясь.

– А что это вы такие озабоченные? – спросил он их.

– Тут есть отчего озаботиться, – сказала Вера. – Начальник велел Гапке ехать в деревню и делать кукол из овечьей шерсти, а она вдруг вспомнила, что у них в деревне нет овец, маленькая ведь деревенька Пригореловка, малёхонькая.

Денис хохотнул.

– Вот глупышки, – сказал он. – Да я достану вам и шерсть, и всё что хотите.

– Правда? – обрадовалась Гапа.

– В общем, так. Ты едешь не в деревню, а в мой загородный дом. У меня большой, с джакузи, с бассейном. Я достаю тебе всё что надо, и помогаю в работе. Вместе быстрее управимся. Вера, одобряешь план?

– Вполне, – ответила она.

– Бери всё необходимое, Гапа, и быстро сюда. Сейчас и приступим. К работе, конечно. Одна ты за неделю не справишься.

Гапа помчалась в подъезд, в лифт, в квартиру, схватила рюкзак и мигом позапихивала туда свои вещи. Их было немного. И вот она уже сидит в велюровом кресле рядом с Денисом, млеет, быстро взглядывает на него и отводит глаза. Она в полном восторге. Улицы, дороги, светофоры, пробка. Денис берёт смартфон из бардачка, звонит кому-то, распоряжается:

– Вить, слушай сюда. Дело есть. Это срочно. Скажи своим киргизам, чтоб жёнам позвонили, срочное дело: пусть из

овечьей шерсти кукол нафигачат, срок пять дней. Чтоб через пять дней был мешок кукол. Каких-каких, какие в тренде. На них спрос. Не знаешь? Так узнай. Всё, чтоб сделал.

Пробка рассосалась, и Денис вырулил на соседнюю полосу. Вскоре подъехали к ресторану.

– Ну вот и всё, проблема решается, надо отметить. Традиция такая. Надо обязательно выпить за скорое решение, – сказал он, вышел из машины, и распахнул дверцу перед Гапой.

У неё всё сильнее нарастало чувство нереальности происходящего. Да это просто необыкновенный сон, сказка, волшебство! Она как-то нелепо, боком вылезла из иномарки, и робко последовала за Денисом. Всё её изумляло блеском, большими зеркалами, сияющим паркетом! Столики стояли на возвышении, а внизу, в полу был широкий желоб с водой, и там плыли большие красивые рыбы с жемчужной чешуёй. То была живая форель. А ещё другие рыбы плавали в аквариумах, их можно было заказывать, их тут же вылавливали и несли на кухню готовить. «Вот это да!» – ахнула Гапа. И вдруг ей стало жалко этих рыб. «Вот так и люди» – подумалось вдруг ей, – «плывут себе по жизни, а в любой момент их может выловить Смерть».

Она сказала, что не любит рыбу, и заказала жареные морские гребешки с канелони из сельдерея и черным трюфелем. Вкус такой необычный, изысканный оказался! Официант принёс коньяк в очень красивой бутылке с печатями, от-

крыл и налил в маленькие рюмки. Зажёг большие свечи на столе. Гапа и без коньяка была уже пьяна – от впечатлений, от чувств, от еды.

Вера уже три дня жила одна. Она несколько раз звонила сестре, но та не брала трубку. Как-то вечером ей позвонила тётя Тоня и спросила взволнованным тоном:

– Верочка, у вас там ничего не случилось? Как Гапа, она мне перестала звонить, на мои звонки не отвечает, что такое?

– Всё хорошо, тётя Тонь, не волнуйтесь. Гапа просто загружена работой, очень устаёт, приходит и сразу ложится спать.

– Но ведь сначала она мне каждый день звонила и всё рассказывала, говорила, работы мало, ей легко.

– Тётя Тонь, да всё нормально, просто сперва Гапа была ученицей, её не нагружали, она должна была адаптироваться. А теперь она уже полноправный сотрудник. Так что с неё большой спрос. Дел очень много.

– Верочка, дай ей, пожалуйста, трубочку, хоть голосок её услышать бы.

– Да она уже спит, тётя Тонь.

– Спит, так рано? Она никогда так не ложится.

– Так это Москва, здесь всё по-другому. Ну, разная жизнь тут.

– Ох, чует моё сердце неладное, – вздохнула в трубку тётя

Тоня.

А Вера с какой-то обидой и досадой подумала: «счастливая Гапка, у неё первая настоящая любовь, первый мужчина, страсть, фейерверк чувств, душа где-то в космосе витает. Из деревни-то, от кур, коз, навоза да огорода – и вдруг сюда, и сразу любовь и такой друг, это не хухры-мухры! А у меня всё в прошлом, полный облом, лишь горький осадок. Только работа, да Маша-Даша, навязавшиеся в подруги. Какие они мне подруги, так что-то...» Ей вдруг стало очень жалко себя, слёзы затуманили глаза и потекли по лицу, противно щекоча щёки. Она кинула смартфон на постель, схватила игрушечную Маську, прижалась лицом к её жёсткому синтетическому меху, и зарыдала. Наплакавшись вволю, она включила ноутбук и написала Денису:

– Привет, плейбой, как там дела, что с моей сестрёнкой, почему на звонки не отвечает, что ты с ней сделал, неужто зажарил и сожрал?

Ответил он лишь на следующий день:

– Привет, старуха Веруха большое ухо, ёшкин кот тебе в рот.

– Что-о-о! Свихнулся, что ли????!!!! – возмущённо отстучала она.

Ответ пришёл спустя сутки.

– Это не я писал, это Рыжик по клавиатуре пробежал, кот мой. Гапа с ним сейчас в бассейне плавает. Наперегонки, кто быстрее.

А через несколько дней объявилась Гапа. Вылезла из иномарки, счастливая такая, радостная, необычайно хорошенькая, сияющая ослепительной улыбкой, в новом дорогом платье. На шее блестело золотое кольцо, а на пальцах – кольца с голубым и с бирюзовым топазами. За ней шел улыбающийся Денис с мешком. Вера поняла – в мешке шерстяные куклы. Ей почему-то стало очень досадно. И она подумала: «Денис бросит её. Зачем ему эта деревенская пигалица? Наверняка, бросит. Просто на девственницу его потянуло. Ну да, конечно, Гапка начитанная, но дура. Полнейшая дура, деревня из неё так и прёт. Вот болван, платье ей купил, золотые бирюльки. Зачем?» И она мысленно примерила на себя платье и золото сестры. Ей стало ещё досаднее. Но она тут же взяла себя в руки, приветливо улыбнулась, обняла и поцеловала Гапу.

– Я так поняла, ты стала женщиной? – ласково сказала она. – Ура, ура, нашего женского полку прибыло. Это надо отметить. Денис, конечно, нас пригласит в ресторан. – голос её прозвучал тускло.

– Мы уже устали от ресторанов, и наотмечались, – усмехнулся Денис. – Разве не заметно?

– Ну да, конечно, – криво улыбнулась Вера, и быстро вошла в подъезд.

Она не стала ждать их возле лифта, поднялась на этаж, вошла в квартиру, в комнату, бросилась в постель, и тут же уснула. Снилось какая-то сумятица, и песня: «Он был моряк-дальневосточник, а она – нос от корабля, любил он де-

вушек восточных, она – его любила зря». И Вера подумала во сне: «Да, ведь раньше на кораблях были деревянные девы на носу, приделывали таких к кораблям в старину. Ей надо было не носом корабля рождаться, а восточной девушкой. Вот и я такая деревянная баба, а корабль разбился о скалы».

Утром они с Гапой были на работе. Роман Григорьевич одобрительно рассматривал шерстяных куколок – они были интересные, все разные, их было много.

– Гапа, ну ты мастерица экстра класса, – произнёс он довольным тоном. – Вижу, у тебя в деревне много овец, у твоих родителей, целое стадо, небось. Ты прекрасно поработала! Даша, выпиши ей премию сорок тысяч. Маша, выпиши ей отпуск на три недели за счёт фирмы. Пусть съездит куда-нибудь, в Турцию, в Тунис, в Египет, отдохнёт. С сегодняшнего дня я всем повышаю зарплаты.

– Ура-а-а-а!!!! – закричали все. – Живём!!!

– Это надо отметить! – завопили хором Маша и Даша.

– После будете отмечать, – сказал Роман Григорьевич. – Рабочий день только начался, принимайтесь развешивать кукол.

Он обвёл всех довольным взглядом, и вышел. Даша достала из сумки бутылку водки, Маша полезла в шкаф за стаканами.

– Успеем развесить, – сказала она. – Сперва надо отметить.

Олег включил телевизор. Шла программа новостей. Мо-

лодая дикторша вещала:

– Пьяная женщина родила ребенка на глазах у прохожих, прямо в сугробе, на улице в Красноярске. Инцидент произошёл в Ленинском районе, на улице Песочной. Синевшую от холода новорожденную, на которую мать не обращала никакого внимания, спас один из прохожих. Он поднял младенца с земли и вызвал скорую помощь. Девочку и ее мать доставили в больницу. По словам медиков, новорожденная успела получить переохлаждение.

– Во дела, рожают как собаки, где попало, – сказал Олег.

– Э, не обижай собак. Как кошки, – сказала Маша.

– А что, в Красноярске сейчас снег? Вроде, конец апреля на дворе, – сказала Вера. – Послезавтра майские праздники.

– Это они старую инфу включили. С похмела.

– Пьют там, небось, зарплату обмывают. Им там много платят.

– Я это слышала пару месяцев назад.

– Дикторше подсунули старый текст.

– Придурки.

– Над ней подшутили.

– Прикололись.

– Ну, наливай. Вера, ты что, тоже водку будешь? Ну, дела!

– Гапе не полную, и плесните туда ей сок. Она коктейли любит.

– Вер, а ты же водку не уважаешь. С чего такие перемены?

– Теперь уважаю. Просто привыкла к вину, у меня бабу-

ля вино делает такое сладкое, вкусное. Из смороды и вишни. У нас ягод в саду полно, море-океан, и варенья наварим, и джемов, и вина наделаем. На все праздники – вино да самогон. Всё своё. Я всегда вино любила. А самогонка слишком крепкая, горьковатая, с хреном, рот жжёт.

В мае Денис повёз Гапу на Кипр. Там они решили отметить её день рожденья. Вера опять осталась одна. Дни были праздничные, солнечные и холодные. Резкий свет солнца проникал в душу, словно холодный стальной клинок. Вера взяла в руки Маську, мордочка игрушечной собачки была очень грустная и какая-то обречённая. Так показалось Вере. Она принялась гладить игрушку и бормотать ласковые слова. Может, поехать в деревню? Зелень кругом, дома тепло – печка, запах берёзовых дров и пирогов, в каждой комнате работает телик. А здесь и включать не хочется.

Поеду – решила она.

В вагоне было почти пусто. На дальнем сиденье – парочка обнявшись дремала, в середине – мужик уставился в смартфон, видимо, фильм смотрел. Вера примостилась ближе к двери. Она печально глядела в мутное немытое окно. Дважды прошествовал контроль, проверка билетов. Потом вошёл длинный тощий парень. Пьяный. Он стал приставать с разговорами к пассажирам, но никто не реагировал. Он подсел к Вере. Она отвернулась. Но потом всё же глянула на него. Хоть с кем-то поговорить, развеять тоску. Парень что-

то болтал, Вера слушала краем уха. Похоже, студент. Что он там лопочет?

– Вот великий Карлос Кастанеда говорил. Нет, писал. Ну, и говорил тоже. Он говорил: каждый идет своим путем. Если идешь с удовольствием, значит, это твоя дорога. Если тебе плохо – в любой момент можешь сойти с нее, как бы далеко ни зашёл. И это будет правильно.

Да, подумала Вера, очень мудрая мысль. Но как сойти с этой дороги? Бредёшь по ней и бредёшь, а другого пути не видно. Даже если и видно, то перескочить на него сложно, да и не хочется...

– Вы не читали Кастанеду, это очевидно, – продолжал студент.

Тут он достал из своей сумки толстую книгу в кожаном переплёте, и протянул Вере.

– Вот, дарю, – сказал с широкой улыбкой. – Сам распечатал и переплёл. Ручная работа. Очень вы мне нравиться.

Потом он понёс какую-то околесицу. Вере это надоело, и она сказала, что выходит. Сунула книгу в сумку, вышла на ближайшей остановке, и перескочила в соседний вагон. Села, раскрыла книгу. Но тут в дверь вошёл всё тот же пьяный студент, он искал собеседника. В вагоне никого, кроме Веры, не было. Он подошёл к ней, узнал, жутко разозлился, заорал:

– А! Так вы меня обманули! Отдавайте назад мою книгу!

Вера вернула ему книгу. Он уселся рядом и принялся болтать. Вера отвернулась. Она снова смотрела в окно. Вот и её

станция. Она вздохнула, и вышла. Вместе с ней из поезда вышло несколько

человек. Все двинулись к автобусной остановке. Утоптанная глина, навес, чахлые деревца, вдали чернеет лес, свежо и прохладно. Вдруг за спиной послышалось:

– Ладно уж, возьмите книгу, так и быть, дарю!

За плечо её ухватил пьяный студент. Он протянул ей книгу. Вера взяла и сунула её в сумку. Подъехал автобус. Распахнулись дверцы, народ стал загружаться внутрь. Вера дёрнулась, но студент вцепился в плечо и не отпускал. Ему нужен был слушатель. Он хотел выговориться. Для него это было важно. Так ему казалось.

Лето пролетело как-то скомкано. Осень принесла свои плоды: на постели валялась и ревела беременная Гапка, прижимая к опухшему от слёз лицу игрушечную Маську. Её бросил Денис. Она-то думала, что он обрадуется её беременности и женится на ней, но он жёстко отрезал:

– Дура ты, что ли? Какие ещё дети, какая свадьба, да ты что, на кой мне это?

В другой комнате лежала бабуля с инсультом, она не вставала. То и дело раздавался её крик:

– Ве-ера! Ве-е-ера!

Вера вбегала к ней, спрашивала:

– Что, бабуля?

Та глядела на неё обескуражено, и молчала.

– Ты меня звала. Зачем?

– Да? Разве? Не помню.

Полотенца, стирка, куча грязных простыней, памперсы-подгузники для бабули. Пришлось уволиться с работы. Волокита с оформлением бабулиной инвалидности. Гапка с диким воем заперлась в ванной, Вера выбила дверь вовремя – сестра занесла бритву над веной. Бабуля упала с кровати. Хорошо ещё, что кости у неё крепкие, ничего не сломала, отделалась синяками. Отлучиться из дома нельзя – что-нибудь да случится. Социалку не оформишь – бабуля же вовсе не одинокая пенсионерка, в квартире две внучки. Так что в социальном работнике им отказали. Иногда приходили Маша-Даша и приносили продукты, лекарства и памперсы. Но в основном всё необходимое Вера заказывала по интернету. У Гапки рос живот. Её родители в деревне ничего не знали, они верили в приближающуюся свадьбу и запасали продукты. Они мечтали о свадьбе в деревне. Все соседи и родня уже знали о готовящемся торжестве, о том, что Агапия нашла себе московского богача, путешествует с ним по миру, и счастлива. А Гапка не могла сказать им правду, это же такой облом, это позор! Она предпочитала смерть. Вера всеми силами увещевала её, говорила, что ничего страшного, что многие женщины так, очень со многими такое случается. Но Гапа была в отчаянии. Вера стала выводить её на прогулку во двор. Удавалось ей это с огромным трудом, она пускала в ход всё своё красноречие. Вот сидели они на скамейке и

смотрели на играющих малышей.

– Глянь, какие они все хорошенькие, – говорила Вера, – маленькие Ангелочки. Какие нарядные все! А вон та девочка с длинными кудряшками, ну ты посмотри, просто чудо, маленькая принцесса!

– Это моя дочь, – послышался голос, и рядом на скамейку села девушка лет двадцати. – Алиса моя. Ей четыре годика.

– И такая самостоятельная, – восхитилась Вера. – Всех детей строит. Лидер!

– Это да, она такая, – грустно сказала девушка. – А я Лена. А вас я знаю, соседки, Вера и Гапа.

– Да, верно. Ну, конечно, мы же встречались в магазине, вы ещё рассказывали про детский сад что-то, – Вера припомнила эту блондиночку в очках, со смазливой интеллигентной мордашкой. Похожа на студенточку.

– Да. В детсад мы не попали. Не взяли мою Алиску. Ведь много садиков позакрывали. Землю-то попродали вместе со зданиями. Там теперь фирмы. А некоторые снесли, там строятся многоэтажки.

– Ну и как же вы? – спросила Вера.

– А никак, – понуро ответила Лена. – Частные садики дорогущие. Осталось несколько социальных, но на очередь вставать надо очень задолго.

– Во время беременности записываться? – спросила Вера, и взглянула на Гапу.

– Нет, во время зачатия. Тогда очередь подойдёт, когда

малышу лет пять исполнится.

– Вы, значит, всё время с дочкой. Шустрая какая малышка. Муж хорошо зарабатывает?

– Нет у меня мужа, – с горькой усмешкой сказала Лена. – И никого нет. Одна я.

– А на что живёте?

– Комнату сдаём. У меня двушка. Но денег не хватает.

И тут Веру осенило:

– А знаете что? А идите ко мне жить. У меня трёшка. Вашу двушку будем сдавать полностью. Нам всем на жизнь хватает. Заодно за бабулей моей присмотрите, поможете.

– Да? А это удобно? – оживилась Лена.

– Ну, конечно же! – горячо воскликнула Вера. – И Гапе моей веселее будет! Так всем будет лучше!

– Ну, я подумаю, – сказала она неуверенно, и стала глядеть куда-то в сторону.

– А чего тут думать? Отличная мысль! – воскликнула Вера.

Через неделю Лена с маленькой Алисой и котом Барсиком переехала к Вере. Вещей у них оказалось не очень много. Барсику поставили на кухне в торце лоток-туалет, а возле противоположной стены устроили ему столовую – металлические миски с едой и водой. Кот настороженно, на полусогнутых лапах принялся обследовать квартиру, всё принюхивался, потом нашёл укромный уголок и спрятался. Но вскоре

освоился, вылез из укрытия и прыгнул на стол. Всё обнюхал, и уселся между чайником с заваркой и сахарницей.

– Барсик, ну ты нахал, брысь со стола! – прикрикнула на него Вера.

Кот удивлённо глянул на неё, потянулся и зевнул.

– А ничего, он так привык, – сказала Лена. – Не обращай внимания.

Гапа улыбнулась, впервые за долгое время. Погладила кота и сказала:

– Какой симпатяга. Пусть ходит где хочет.

«Ну и ладно», – подумала Вера, ей было уже всё равно. Хоть кот, хоть крокодил, хоть на столе, хоть на потолке. Она так измучилась за все эти дни.

– Ве-ера! – раздалось истошно из бабулиной комнаты.

«Надо поставить ей телик, чтоб не вопила», – пришла Вере на ум спасительная мысль.

Так она и сделала. Все втроем они перетащили большой старый телевизор из кухни в бабулину комнату, включили, сунули в руки старушке пульт. Та уставилась на экран. Барсик прыгнул к ней в постель, принялся обнюхивать старушку. Запах ему понравился. Он стал тереться о её плечо и мурлыкать. Старушка принялась гладить кота.

Четырёхлетняя Алиса топотала маленькими ножками, носилась по квартире с игрушечной Маськой в руках и тоненько гавкала. Потом вдруг затихла.

– Что она там делает? – забеспокоилась Вера.

– Да смотрит мультики в моём смартфоне. Про фею огня. Это её любимые, – ответила Лена.

– Как? Она уже в смартфоне разбирается? – удивилась Гапа.

– Ну конечно. Она же дитя компьютерного века, – ответила Лена. – Она ещё говорить не умела, а уже меняла мелодию в мобильнике.

– Во как! – воскликнула Вера. – Ты смотри, Гапа, какие дети пошли! А представляешь, какой малыш у тебя будет! Это же чудо, это просто слов нет, что такое! А ты плакала. Тут радоваться надо!

– Ну да, – вздохнула Гапа. – Это правда, конечно. Но что я родителям скажу и всем нашим в деревне?

– Ну, скажем что-нибудь, придумаем, – ответила Вера. – Ложь во спасение, чтоб не травмировать близких.

– Но что, что? – тревожно вопрошала Гапа.

– Ну, например, что жених погиб в авто... Нет, в авиакатастрофе. Летел себе, а самолёт вдруг взял да и взорвался, сгорел в воздухе, испепелился... Так бывает, самолёты сейчас опасные стали.

– Вот! – заулыбалась Гапа. – Так я и скажу. Если спросят.

С появлением в квартире новых обитателей жизнь стала налаживаться. Бабуля общалась с телевизором, Барсиком и Алисой, Гапа перестала отчаиваться и истерить. Она даже начала понемногу, вместе с Леной, помогать Вере ухаживать

за старушкой. Бабуля не ходила, но сидеть могла. Надо была её периодически сажать, класть, переворачивать с боку на бок или на спину, менять памперсы, пелёнки, простыни, обмывать, давать лекарства. Ела бабуля сама, и с большим удовольствием.

Иногда их навещали Маша-Даша, и становилось веселее. Однажды они привезли для бабули инвалидное кресло.

– Это дар Романа, – сказала Маша. – Он знает всю твою историю, я ведь ему всё рассказываю, ты понимаешь. И вот он презентовал.

– Замечательно! Роман Григорьевич прекрасный человек! – восторженно воскликнула Вера.

Она накрыла на стол, пересадила бабулю в кресло и привезла на кухню. Все радостно разместились за столом. Маша достала из рюкзака три бутылки водки и банки с закуской. Алиса забралась на колени к Лене и потянулась за креветками. Гапа пододвинула ей тарелку.

– За хорошую жизнь, за радость, – сказала Маша.

Женщину выпили, бабуля тоже хлобыстнула рюмку, и задремала.

– Эх, хорошо живём! – воскликнула Даша после очередного тоста, и боднула воздух своей большой головой с разноцветной стернёй волос.

– Да! – сказала Маша. – Мы живём в замечательной стране! В самой лучшей стране в мире! Нигде нет такой шикарной водки!

– Наша водка самая лучшая, это факт! – воскликнула Даша.

– Давайте за нашу великую Родину! – Маша налила ещё. Выпили. Вера пила и не пьянела. С ней это стало происходить с тех самых пор, как начались проблемы.

Лена поправила очки, допила свою рюмку, и сказала:

– Кроме водки, у нас ещё есть митинги. Тоже самые лучшие в мире. Вчера на площадь вышло двести человек, в «Новостях» показали. Митинг против коррупции.

– Ну да, – сказала Маша. – Эти митинги сама коррупция и организует. Пиарится.

– Что за пиар? – не поняла Вера.

– Чёрный пиар. Самый модный. Чтобы всё, как на Западе, как в Европе. У них там такие митинги, значит, и нам надо. А то обидно было бы – у них есть, а у нас нет.

– Вот именно. Как у них, – поддакнула Даша. – У нас всё уже как у них: Макдональдсы, одежда, мода, техника, словечки всякие. Мы не хуже. Мы лучше. У нас водка есть. Русская водка – самая модная в мире! О, тост получился, наливай!

– Главное, надо брать дорогую водку. А то дешёвой люди травятся. Много людей отравилось.

– Ну, это дураки. Нельзя экономить на здоровье.

– А ещё лучше – спирт. Медицинский. Его развести – вот самое оно!

Выпили ещё. Веру распирала гордость на свою Родину. И

правда ведь, страна у нас самая лучшая! У нас есть всё! И самая лучшая в мире водка!

– А ещё самогон есть, с хреном! – воскликнула Гапа. – Такой крепкий, задиристый, просто класс!

Барсик пробежал по столу и схватил креветку. Уселся рядом с блюдом, мигом слопал, схватил вторую.

– И Барсик тоже самый лучший в мире, – тоненький голосок Алисы прозвучал как струйка льющийся родниковой воды.

А всё не так уж плохо, – подумала Вера. Время шло, и она постепенно приспособилась к новым обстоятельствам. Осень медленно переползала в зиму. Уход за бабулей стал привычным делом, немного помогали Гапа и Лена. Правда, у Гапы начались недомогания, так что помощница она была ещё та. А иногда она была занята игрой с Алисой. А Лена стала какая-то сосредоточенная и очень занятая. Всё о чём-то думала, целыми днями шарила по интернету, сидела, уйдя с головой в свой планшет. Порой куда-то исчезала на целый день. Возвращалась возбуждённая, на вопросы не отвечала, отмахивалась. Однажды она сказала, что должна уехать на две недели. По срочным делам. Потом вернулась усталая, озабоченная, загорелая. Вера решила, что Лена пытается устроить свою судьбу, что у неё какие-то там свидания, встречи, и не стала приставать с расспросами. Вот найдёт себе мужа, заберёт Алису, станет легче. Поскорей бы уж.

Но однажды вдруг Лена исчезла. Пропали и её вещи из шкафа. На обеденном столе лежал её смартфон. На экране красовался конвертик СМС-ки. Вера взяла, и прочитала: «Простите меня все, и спасибо вам за всё! Я продала свою квартиру, купила домик в Испании, и уехала на ПМЖ. Берегите Алису! Прощай, Вера, дорогая, прощай, милая Гапа. Смартфон дарю Алисочке, на память».

Вера опешила. Она села на стул, встала, ошеломлённо побрела вон из кухни, и врезалась в стену. У неё всё поплыло перед глазами.

Вечером выпал первый снег. У Гапы начался токсикоз. Её тошнило, она была зелёная и злая. Алиса плакала и звала маму. Бабуля упала и застряла между кроватью и инвалидным креслом. Вера достала из шкафчика бутылку, хлебнула из горлышка водку. И ещё раз хлебнула, и ещё. А, да пофиг, всё нормально.

Она вышла на лоджию. Над крышей низко нависало плотное небо. В нём торчало тяжёлое облако, словно большая льдина с серебряной обёрткой по краям. Вера закурила.

В воскресенье пришли Маша и Даша, принесли водку, торт, и браслет из разноцветных бусинок для Алисы. Малышка была печальная, но тут заулыбалась, надела на ручонку браслет и помчалась к зеркалу. Через пять минут она подбежала к Маше, пряча что-то за спиной.

– Вы такая добрая, тётя, спасибо! Вот вам подарок! – она вытащила из-за спины и она протянула Маше игрушечную

Маську.

– Спасибо, моя милая, – сказала Маша. – Садись, поешь тортика.

– Не хочу, – сказала Алиса.

– А что ты хочешь? – спросила Даша.

– Хочу быть феей Винкс, – ответила малышка, и убежала в комнату смотреть мультики.

– Какой продвинутый ребёнок, уже «эр» хорошо производит, – сказала Маша. – И в феях разбирается.

– Она уже и читать умеет, – сказала Вера.

Она достала из холодильника закуски и поставила на стол. Солёные огурчики, маринованные помидорчики, квашеная капуста, винегрет, нарезки сыра, колбасы, шпроты, хлеб – всё это радовало глаз. Хрустальные рюмки быстро наполнялись водкой. Женщины пили, ели, и весело болтали. Гапу стошнило. Вера привезла из комнаты бабулю в инвалидном кресле, подкатила к столу, поставила перед ней тарелку, положила закуски, налила водку, вложила ей в ладонь вилку.

– Кушай, бабуля. Смотри, как весело, гости, радость!

Гапа распахнула окно. Повеяло ледяной свежестью. Створка окна качалась на ветру и скрипела.

– У тебя деревянная рама? – спросила Даша. – Окно старое? У меня тоже, буду менять. Ремонт хочу делать вообще.

– Когда? – спросила Вера.

– Сейчас пока договариваюсь с мастерами.

Тут со шкафа сиганул на стол Барсик, приземлившись

прямо в блюдо с винегретом. Даша и Маша захохотали. С Машиных коленей слетела на пол Маська. Вера подняла её и хотела унести в комнату, но Маша вдруг вырвала игрушку из Вериних рук, и резко сказала:

– Моя. Подарок.

– А она тебе нужна? – удивилась Вера.

– Отказываться от подарков нельзя, примета плохая, – сказала Маша, и сунула собачку себе за пазуху. Под водолазкой вспух большой бугор.

– Ой, у тебя грудь выросла! – хохотнула Даша, тыча пальцем в подругу.

Вере было очень жаль Маську. Она её любила с детства. Привыкла к ней. Ну что ж, ничего уж не поделаешь. Перед глазами всплыла мордочка игрушечной собачки с застывшим трагическим выражением. «Да ладно, это всего лишь игрушка», – успокоила она себя. – «Потом заберу назад. Как-нибудь».

Маша разлила по рюмкам остатки водки.

– А тост? – спросила Даша.

– Тост? Сейчас. М-м-м... За маньяков! – сказала Маша. – Я тут на днях в лифте застряла, там ещё парень был. Я спрашиваю: – А вы, случайно, не маньяк? – Нет, – отвечает. Я говорю: – Это хорошо, а то два маньяка в одном лифте, это уж слишком.

– Ха-ха-ха-ха-ха!!!!

Порыв ветра распахнул настежь оконную раму, и тут же

с треском захлопнул её. Бабуля уснула в инвалидном кресле, свесив голову на грудь. У неё были густые волосы с проседью, остриженные «под горшок». Вера вчера старательно стригла. «Неплохо выглядит для восьмидесяти семи лет, да ещё после инсульта», – подумала она. Потом отвезла спящую бабулю в комнату и переложила её в постель. А в другой комнате уложила спать Алису. Девочка легла со смартфоном, продолжая смотреть любимые мультики. Вера вернулась на кухню. Было уже поздно. Подруги ссорились.

– Ну что с тебя взять, – ядовито говорила Маша. – Ты же без отца росла, а мать где-то шляется, никто не воспитывал.

– А ты, а ты! А у тебя вообще! – почти кричала Даша. – Тебя вообще аист нашёл в капусте, а когда он принес тебя твоим родителям, они долго смеялись, и сначала хотели взять аиста, вот!

– Ах, так! – восклицала Маша. – Да я с тобой вообще больше не общаюсь! Я ухожу!

Она резко отодвинула стул, вскочила, и, не прощаясь, помчалась в коридор. Даша мрачно закурила.

– Поздно уже. Пойду я, – сказала она, тяжело вылезая из-за стола. – Пока, Вер. Хорошо у тебя. Пойду я. Засиделась чего-то.

– Ну, иди, – ответила Вера, и прикрыла окно.

Надо было убрать со стола, перемыть гору посуды, громоздившейся в раковине. Устала, надоело всё. Она села и закурила. Потом встала, и заперла за Дашей дверь.

Зима была долгая и холодная. Деревья стояли в ватных коконах снега. Вера каждый день выводила на прогулку семью – укутанную бабулю в инвалидном кресле, маленькую Алису, и беременную Гапу. Сама она с утра выпивала рюмку водки, и день казался не очень противным, а в голове, под черепушкой, ползали, словно сонные черви, вялые мысли. Днём она выпивала ещё немного. И на ночь рюмку. Алиса подросла, пришлось покупать одежду, обувь. Денег стало катастрофически не хватать, и Вера решила продать бабушкин дом. Выставила объявление на Авито, загрузила самые хорошие, яркие летние фотки. И поставила невысокую цену. Покупатели нашлись быстро – молодая семья с малышом. И вот Вера поехала в зимнюю деревню. За окном – бело-серая картина, снег, деревья, телеграфные столбы, станции и полустанки. Она дремала в поезде, чувствуя, как отходит накопившаяся усталость. Подольше бы так ехать. В вагоне тепло и тихо. Потом она дремала в автобусе. Потом шла по скрипучему снегу, и вспоминала детство. Покупатели подъехали не сразу, хотя договорились точно. Но они задержались на несколько дней. И эти дни Вера с удовольствием жила в родной избе, топила печку, носила воду из колодца, умывалась ледяной водой – это было так приятно! Вдыхала морозный свежий и хрусткий деревенский воздух. Обедала у тёти Тони с дядей Петей. Давно она у них не гостила! Вера и не представляла себе, что будет так радоваться! Нахлынула сумяти-

да чувств и воспоминаний. Она отдыхала. И тут вдруг она поняла, что устала просто сверх сил своих. Как хорошо, что она здесь! Но покоя не давала тревога – как там справляется Гапа? Правда, та каждый день звонила тётё Тоне и всё подробно рассказывала. Но всё же тётушка принялась дотошно расспрашивать Веру, и та поведала ей душещипательную историю в духе бразильских сериалов:

– Представляешь, тётъ Тонь, какая жуткая трагедия! Ну, да вы с дядь Петей уже всё знаете, Гапа ведь говорила.

– Ну-ну. Знаем-знаем. Но голосок у неё был какой-то странный.

– Так ещё бы! Вы же понимаете – уже решили пожениться, заявление подали, жених полетел в командировку, и вдруг – взрыв, самолёт взорвался и сгорел, даже косточек не осталось, и хоронить-то нечего! А они так хотели ребёночка! И Гапа уже беременная была! Так ждали, и всё имя малышу придумывали. Всё гадали, кто будет – мальчик или девочка! Гапа так убивалась, жить не хотела! Я замучилась с ней, а тут ещё у бабули инсульт!

Тетушка заплакала, закрыла лицо фартуком, и ушла в комнату. Вера пошла за ней следом, продолжая травить душу:

– А у него, у жениха-то, сестра родная с мужем и маленькой дочечкой Алисой, такой хорошенькой, умненькой, очень доброй. И тоже трагедия – разбились на машине, всмятку, трупы автогенном вырезали. Девочка вот осталась одна, си-

ротка, привезли её люди добрые ко мне, у меня живёт. Ничего про смерть родителей не знает.

Тётя Тоня заплакала в голос. Вера расчувствовалась, слёзы заструились по щекам. Тут пришёл дядя Петя.

– Что случилось, что за рёв?

Тётушка махнула рукой и, рыдая, произнесла:

– Я тебе после расскажу.

Маша и Даша продолжали ссориться, и являлись теперь порознь.

В середине декабря пришла Даша с сумкой продуктов. Притащила в кухню, бухнула на стол сумку, принялась выкладывать упаковки и коробки, и оживлённо рассказывать:

– А у них там очередная рекламная акция. Раздали всем продавщицам в зале разноцветные фартуки. На груди надпись «сметана», на животе – «волшебный погребок». Дальше в районе талии: «жирность 20%», ну а еще ниже, под животом, на том самом месте – «срок годности 7 суток». Смехота!

Вера запихнула продукты в холодильник, села и закурила. Она мечтала о том, чтобы хоть какое-то время побыть в одиночестве. Ей совсем не хотелось накрывать на стол, морочиться с мытьём посуды.

– Дашуль, а давай сходим в кафе, давно ведь не сидели в цивильном месте, – неожиданно для себя предложила она.

– А давай, – согласилась Даша.

Теперь Вера хотела очутиться подальше от своего дома,

от всех этих проблем, свалившихся на её несчастную голову. А ведь раньше как хорошо было, как счастливо она жила! А теперь? За что, почему? И тут слёзы большим горьким комом застряли в горле, ей захотелось плакать, выплакаться, прижав к лицу Маську, милую игрушечную собачку, которая всегда так успокаивала её. Надо забрать у Маши игрушку.

Они сели за столик в углу. Одноразовая золотистая ска-терть, керамические баночки с солью и перцем.

Даша открыла меню, пробежала глазами по строкам, и предложила взять только горячее.

– Вот, мне нравится запеченная форель с овощами. Вкусно, сытно, и недорого, четыреста восемьдесят рублей. Есть ещё филе куриное с кинзой, корейка на углях, котлеты из кролика, и из судака. На, глянь в меню. Тут вполне приемлемые цены. Что возьмёшь?

– Да мне всё равно, – вяло сказала Вера.

– Бери форель, – посоветовала Даша.

– Ладно, заказывай что хочешь.

– А пить что будем?

– Водку, – ответила Вера.

Посетителей было немного. Подошёл официант, красивый молоденький азиат. Даша принялась заказывать. А Вера погрузилась в свои мысли. «Нет, так жить невозможно», – думала она. – «Должен же быть какой-то выход? Гапка скоро уже родит, и начнётся, совсем уж! Детские вопли, подгузники, ужас! Вот жизнь-то, бабка больная, дети, Гапка с её

истериками. И почему всё это случилось? Это Бог меня наказал? За что? И как быть? Неужели это крест, мой крест, который я должна нести, и если я откажусь от него, брошу его, мне дадут другой, ещё больше, тяжелее? Так по христианским понятиям. Или – по Кастанеде: «путь – это только путь. Если ты чувствуешь, что тебе не следовало бы идти по нему, покинь его... Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни всё что угодно. В любое время. Мгновенно». Выбросить всех их из своей жизни, бабулю, Гапку, Алиску, Дашку и Машку, родную деревню с тётъ Тоней и дядь Петей, Москву... И начать всё по-новой? Выбрать другой путь? Уехать, и подальше! Вот и всё. А как же они будут без меня? А как же крест, разве можно его сбросить? Ведь тогда дадут другой, гораздо тяжелее, как в той притче...» Она стала вспоминать притчу о женщине и её кресте. «А как же я-то без них? Я же их люблю? Или нет? Или это просто инертность, привычка?»

И она вдруг принялась рассказывать Даше про всё-всё, что наболело. Про маму, бабулю, про тётю с дядей:

– Мы в деревне были местной интеллигенцией, – говорила она. – Чем-то вроде местной элиты. Нас уважали. Бабуля была в молодости учительницей в соседнем большом поселке, тётя моя тоже по её стопам пошла, а мама там же – библиотечаршей. Мама и бабуля даже и говорили, ну, речь у них интеллигентная такая, правильная, и у тётъ Тони с дядь Петей тоже. А училась тётъ Тоня в Москве в педагогическом,

и с дядь Петей там познакомилась, он доцент был. Свадьбу в деревне играли, я помню, малышкой я тогда была, но помню. Весело было!

Снова подошёл официант, на подносе дымилась форель, обложенная овощами. Вера отметила про себя, что он красив и грациозен. Парень поставил на стол тарелки, графинчик с водкой, рюмки.

Вкусная еда и выпивка развеяли тяжёлые Верины мысли. Она повеселела. Взглянула на жующую Дашу, и спросила:

– Слушай, а что ты с Машей никак не помиришься? Что случилось-то?

Даша на миг перестала есть, боднула воздух головой с разноцветными вихрами, и сказала:

– Машка как болото – то на изумрудных кочках цветочки и клюква, то – сырость, чавкающая грязь, комары, жабы, трясины.

– Как же ты с ней дружила? – спросила Вера.

– Собирала клюкву, пока на жабу не наступила. Наливай. Тост: чтобы не было в жизни болот с жабами.

– Знаешь, я хочу забрать у неё свою игрушку. Ну, ту собачку, помнишь, ту, её Алиса подарила Маше. Она для меня важна. Как память. Маську.

– Вот ещё тост, – сказала Даша. – За помин Маськи. Её порвала в клочья Машкина Герма. Жуткая псина, дракон!

Вера поперхнулась водкой и закашлялась до слёз. Даша принялась стучать ей по спине.

– А я к тебе с огромной просьбой, – сказала она. – Всё ждала удобный момент, чтоб сказать. У меня в квартире ремонт, ужас что творится, просто невозможно! Я поживу у тебя пока, ладно? Спасибо, я знала, что ты согласишься! – воскликнула она, не дожидаясь ответа.

Мимо прошёл официант с подносом. Он подошёл к соседнему столику, и поставил на него тарелки с салатами. За столиком сидели женщина в ярком макияже и модной блузке, и девушка в монашеском облачении. Они тихо беседовали.

– Ты представляешь, – говорила женщина. – Реклама смартфонов, люди так зависимы, дарят смартфоны детям, даже малышам! А те шарят в инете, и сколько случаев! Вот на днях пятилетняя девочка нашла в инете сайт, как стать феей огня, и сделала всё по инструкции: включила плиту, напустила газа, и зажгла спичку. Взрыв! Ожог -семьдесят процентов кожи! В «Новостях» показывали. Интервью брали, она говорит: «я всё равно летать хочу, летать, и больше ничего». Наверно, стюардессой будет. Если вырастит. Там ещё сайт самоубийц для подростков. Жуть! А у нас во дворе малышка со смартфоном гуляет, страшно за неё!

– Не волнуйся, мамочка, Бог всё управит, – сказала девушка в монашеской одежде.

Остаток ночи в ее бокале

(экстрим мини-роман)

– Привет, – сказал климакс, и игриво подмигнул.

– Ой! Вот это приколот! – она даже присвистнула. И тут же глянула в зеркало. То, что увидела, порадовало. Золотистая шатенка с блестящими глазами цвета летнего неба. В общем, климакс её не испортил. Досаждали приливы, но внешне это выглядело даже неплохо – ярко розовели щёки и набухали губы. Подруга даже сказала как-то: «Ты что, губы накачала?»

Правда, она начала полнеть – но это тоже понравилось: у неё всегда была угловатая худоба, что-то подростковое во внешности, а теперь она женственна, грудь появилась, бёдра. На неё стали чаще заглядываться мужчины. Были ещё всякие неприятные мелочи из-за этого климакса, будь он неладен, но она не обращала на это внимание.

Она вертелась перед зеркалом и пела:

– Ну и ладно, ерунда! Не мешают мне года. Милавина Полина отчаянно красива! Полина-Лина-Лина!

В распахнутое окно врывались оранжевые волны солнца, трепетали на тёплом ветру бликующие листья деревьев. Ранняя весна яростно рвалась в душу, наполненную какой-то животной радостью до самых краёв. Почему ей так радостно? Она слышала не раз, что обычно женщины очень остро

переживают климакс, считают его чем-то болезненным, будто бы даже ключом к начинающейся старости. Видимо, это что-то психологическое. Или психопатическое. Она ничего подобного не ощущала. Ей было весело и легко, она была в расцвете красоты и счастья. Впрочем, счастья пока ещё не было, было лишь смутное предчувствие. Она весело кружилась по комнате под страстную песню Тото Кутуньо. Легкий халатик распахивался внизу на круглых глянцевого коленках, и её это, почему-то, смешило. Волосы распушились, разлохматились оттого, что она весело встряхивала головой. И в эту пушистую башку лезли всякие ненужные мысли: лечите душу ощущениями – сказал однажды Оскар Уайльд. Не плыви по течению, не плыви против течения, а плыви туда, куда тебе нужно, – сказал кто-то ещё. А я так и делаю, ха-ха-ха, – прыгала она. И, вспомнив какие-то ещё изречения, пропела:

– Женщину красит возраст, если она знает, что с ним делать-а-а-ать!

А она знает, знает, что с ним делать, со своим замечательным возрастом – получать пенсию и... и... ну, ещё не придумала пока. Чем старше скрипка, тем слаще музыка! Это изрёк кто-то очень мудрый, видимо, мужчина, хорошо разбирающийся в женщинах. Какой-нибудь мудрый плейбой. И она сразу же представила его себе. Да, хорош, очень даже, а какая глубина в глазах, зеленовато-синевато-лиловых, проникновенных, умных, понимающих всё, с весёлыми искорками! О, она уже любит эти глаза, это лицо – какое благород-

ство линий! Это литое тело! Эти густые серебристые волосы! Эти сильные руки! Ему лет пятьдесят восемь, или шестьдесят, но возраст его только красит! Как жаль, что она никогда не встречала его, ни разу в жизни, но он где-то есть, ладно, пусть. Не важно.

Когда-то, в бурной и непредсказуемой молодости... Нет, молодость у неё сейчас, а раньше была юность... Столько романов было, и всё не то. И парни не те. Вот ощущение было всегда, что не её это чел, что – не родная душа, чужая какая-то. Замуж вышла поздно и спонтанно, скорее из любопытства, и потом, конечно, развелась. Не сразу. Ну, вот не то, всё не то. И в любви ей объяснялись не так, и предложение делали как-то нелепо. Ха-ха! А однажды, недавно, позавчера – она видела потрясающий сон: что тёплая южная ночь нежно окутывает её тело, вот она встаёт с постели, выходит на лоджию, и диву даётся: небо как тёмный и одновременно яркий шёлк, неистово сияют звёзды, такая красота невероятная, запахи моря и южных цветов каких-то! И вдруг рядом с ней появляется мужчина, и такой он родной, такой близкий, такой любимый и любящий, она его сразу же узнала, хоть никогда в жизни не видела раньше! Она прямо обомлела, и так ей вдруг хорошо, так спокойно и радостно стало!

– Какая ночь, какие ароматы необычные! – сказала она ему, замирая.

И завязалась беседа. Голос у него был мягкий, глубокий, родной! Они говорили обо всём, и о жизни, и о деревьях, и о

ней, Полине... И о Вселенной... Он её, Лину, понимал лучше, чем она сама себя. Он её чувствовал. И Лину захлестнуло чувство абсолютного счастья! Она позвала его в комнату, но он вдруг сказал:

– Мне пора уходить.

– А когда вернёшься? – спросила она.

– Прощай! – ответил он.

– Почему «прощай?» – удивилась она. – Ты... ты...

Но она уже знала. Это – всё! Конец! Сердце сорвалось и ухнуло вниз, в пропасть...

Лина даже не успела спросить его имя. Обернулась, а его уже нет. Исчез. Она проснулась в полном отчаянии. На подушке лежал обрывок газеты с цифрами 0442. Видимо, сквозняком принесло – июль, жара, окна нараспах. Она стряхнула бумажку на пол. Отчаяние раздирало душу в клочья. Она села в постели и бурно разрыдалась. Плакала долго, надрывно, яростно.

Как-то неожиданно возникла эта подруга. Эта Туся Гатова. Туся-Натуся. Лет пять назад. Лину тогда занесло в Дом Кино. Вот-вот... Сидит, пьёт кофе в буфете после просмотра новомодного и абсолютно дурацкого фильма. Множество трюков, эффектов, но – ни о чём фильмец. Зато режиссёр знаменитый. Да-а. Вот ведь... Толпа... Полина в джинсах и майке... Лето... И вдруг за её столиком материализовалось нечто длинное, худосочное, в длинных серьгах, в длинном платье, и при бусах. Волосы – протяжная пакля цвета пы-

ли. И лицо такое же. Всё какое-то вытянутое, словно жвачку растянули. Но мнение о фильмице совпало. Разговорились, познакомились. Туся метала образы, клеймя кино, потом заговорила о чём-то абстрактном. Её речь была цветиста и замысловата. Это был длиннющий, как и её бусы – почти до пола – монолог, от которого она получала явное удовольствие. Оргазм. Лина слушала вполуха, как шелест листвы, и думала о своём. Сначала-то она пыталась понять, о чём вообще речь, но вскоре стало ясно, что ни о чём. Ну и ладно, пусть шелестит, Полине это даже понравилось. До метро шли вместе, наслаждаясь летним вечером. Обменялись телефонами. Стали иногда созваниваться. Ходили вместе в кино, в театр. Постепенно они подружились. Туся целыми днями металась по разным тусовкам, мероприятиям, литературным вечерам в библиотеках, по выставкам, где она обязательно выступала со своими длинными замысловатыми речами, и эти её монологи прекрасно вписывались в антураж – не совсем понятно, но звучит умно. Да никто особенно и не слушал, главное – она создавала фон.

Ночами Туся звонила Лине и долго, смачно рассказывала о своих вылазках. И звала её с собой. Говорила она хорошо поставленным голосом, с расстановкой, с паузами, иногда прихлёбывая что-то – чай из чашки, вино из бокала, и голос её блаженно замирал.

Несколько раз Лина ходила с подругой на какие-то фуршеты, на нудные лекции. Потеря времени. Тусовщица Туся.

Ну, да ладно.

Вот, сейчас позвонит. Что-то поднадоела подруга. Лина лежала в постели с книжкой. Окна нараспах, свежий сквознячок. Не возьму трубку, – подумала она. Но нет, не звонит.

Какой-то звук – с улицы. Словно рокот волн. Видно, ветер поднялся. Шторы рванулись и взлетели ввысь. Полина встала и пошла на кухню. Плеснула в чашку квас. Чашку эту подарила ей Туся. Прикольная такая, даже не чашка, а кружка, квадратная, белая, с большими чёрными цифрами. Лина только сейчас обратила внимание на эти цифры: 0435. Что это? Ха-ха, это шифр! Поведились к ней цифры! Это уже второй случай. А до этого, на той бумажке, впорхнувшей к ней на подушку, тогда ещё, позавчера, тоже были. На цифры у неё отличная память. Если их составить вместе, будет 04420435. Может, это номер какой-то банковской карты? Хотя, нет, на картах номер длинный. Фрагмент?

Ну вот, телефон. Взяла трубку. Точно, Туся.

– Эй, как дела, подруга? – довольный, поставленный, сценический голос. В детстве играла в школьных спектаклях.

– Привет, дела задумчивые, – произнесла Полина. И принялась рассказывать позавчерашний сон. Сон этот вдруг ярко вспыхнул в её мыслях.

– Такая романтика, представляешь! И я даже не успела спросить его имя, вот что ужасно! – простонала она.

– Его зовут Роман, а фамилия Тик, – сказала Туся.

– Как? Откуда ты знаешь?! – опешила Полина.

– Экс пэдэ Хэркулем, – произнесла она с апломбом.

– Что-что?

– Это латынь. По ноге узнаю Геркулеса.

– И что это значит?

Туся сделала паузу, побулькала, звякнула бокалом, и произнесла протяжно:

– Сутану подобрал, дубинку в руки взяв, ушёл он в безлунную ночь.

– При чём тут сутана с дубинкой без луны? Кто ушёл?

– Ну, твой романтик из сновиденья. Он же романтик? Разбей по слогам, будет Роман Тик.

– По слогам будет Ро Ман Тик, – поправила её Лина.

– Значит, он китаец, ха-ха-ха!

– Ну, если бы он был китайцем, его звали бы как-нибудь не так, например, Ли Му Ци.

– Ли Му Ци, почти лимузин. Всё ясно. Твой Роман приедет к тебе на лимузине, ха-ха-ха!

– Грех издеваться надо мной, – обиделась Полина.

– Приедет-приедет, вот увидишь. Это он во сне попросался, а во снах всё наоборот бывает. Иногда. Во сне так, а наяву этак. Манэ эт ноктэ.

– Что это значит?

– Утром и ночью. Ты лучше спроси, как я провела день!

– Как ты провела день?

– Я была в индийском магазине. И купила потрясные деревянные бусы, длинные такие, и ещё многослойный браслет

из разноцветных бусинок, и сумку такую хэбэшную расписную – просто мешок на длинной ручке, чудо! И деревянного слоника соломенного цвета! А там еще был такой интересный медный кувшин, я его куплю в другой раз...

Уснула Полина под утро. А проснулась далеко за полдень. Долго пила крепкий чай и смотрела телик. Дни бежали чередой, словно пенные барашки по морским волнам. И ей это нравилось. Ей нравилось бродить по улицам, заглядывать в магазины, рассматривать прохожих – иногда такие прикольные попадались, с эпатажными причёсками, в причудливых прикидах. Идут в наушниках, уткнувшись в смартфоны, болтают со своими телефонами, и фразы такие забавные. Одна девица с разноцветным хаером на башке и в рваных джинсах вещала:

– Некоторым девушкам нельзя есть курицу, иначе это будет акт каннибализма. Так что не заморачивайся с готовкой...

Парень в камуфляже:

– Ну, блин, на секунду в магазин заскочил, выхожу – тачки нет, эвакуатор уволок, ну что за страна, что за планета, есть вааще нормальное место во Вселенной для нормального сапиенса, который хомо?

Дама в ядовито-зелёной тунике:

– Да вы что, лимонная акула – живородящая, причём детёныши связаны с ней пуповиной!

Душное выдалось лето. Ну и жара! Лина любила жару.

Любила свои сарафаны, туники, открытые короткие платяица. Ей всё это безумно шло. Она была хорошо сложена, и ей очень нравились короткие юбочки и шортики. Красивые ноги с маленькими ступнями и узкими щиколотками, на которых посверкивали тонкие цепочки, легко и весело шагали по пыльным знойным тротуарам.

Дома просто жуткая духота! Холодильник трещал так, словно в нём танцевали лезгинку. Она достала ополовиненную дыню, порезала на короткие дольки, и впиалась зубами в душистую сочную мякоть.

Звяк, звяк! – раздалось на полке. Пришла СМСка. Ладно, потом. Наверно, реклама. Засыпали всякой хренью.

Ночью валялась в постели, смотрела телик. Досмотрела фильм. Да, надо подзарядить мобик. Пошла на кухню, взяла телефон, поставила на зарядку. На экране – ММС. Что это? Просмотр. Какие-то мужики, непонятно, что... что... Убийство! Нет, это не просто, это по-настоящему!

И тут раздался звонок. Голос в трубке произнес:
– Слышь, ты, сотри. Это ошибка. Не тебе должны были послать. Сотри, если жить хочешь!

Она выключила мобильник. Всё ясно! Заказное убийство, видео должны были послать заказчику, а послали ей. Ошиблись. Ну, совсем обнаглели, это же компромат! Полиции уже не бояться! Думают, что полиция не чухнется, что там олухи сидят. А вот я и проверю! А, вот что!

Она взяла трубку домашнего Панасоника, быстро набрала

телефон Туси.

– Привет, Тусь! Ну, что я тебе сейчас расскажу! Сядь, а то упадёшь! Такое случилось! Смерть, кровь, компромат, угрозы!!!

– Что такое? – вскинулся голос подруги.

И Полина возбуждённо, захлёбываясь словами, всё выложила Тусе. Та не на шутку испугалась.

– Ты что! Срочно вынь симку и выкини! Спусти её в унитаз! – завопила она в трубку.

– Нет, я пойду в полицию, – заупрямилась Лина.

– Не дури! Тебя прихлопнут, а полиция всё равно ничего делать не будет. Там не любят морочиться, – орала Туся.

– Почему? Полиция должна отреагировать, я сразу пойду к следователю. Это мой гражданский долг.

– Ну, ты застряла в подростковом периоде, – не унималась подруга. – Конечно, а что тут ожидать, ты же всю жизнь с подростками работала, кружок Умелые Руки. Тебе бы вот умелые мозги вставить. Сама как подросток стала. Мимикрия. Тинэйджер. Выкинь симку, завтра купишь новую. Сменишь номер, – увещевала её подруга.

– Не буду я менять свой номер, я привыкла к нему, – упиралась Полина.

– Ну ладно, в самом деле, чего это я. Твой выбор, твоя судьба. Чему быть, того не миновать, – успокоилась подруга. – А я себе платье купила, такое лиловое с искрой, длинное, – весело сказала она.

– Так ты же на прошлой неделе купила длинное, – удивилась Полина.

– То было жёлтое. Я его неделю носила. Потом аккуратно присобачила назад ярлык, я умею, ты же знаешь. И сдала обратно. Я же чеки сохраняю, и ношу аккуратно. Я всегда так делаю. Куплю в дорогом магазине, поношу, и сдам. И новое беру.

– А что, так можно?

– Конечно. Закон о защите прав потребителей. Покупатель имеет право такой товар поменять в месте его приобретения в течение 14 дней со дня покупки. Если, например, товар не подошёл по фасону, цвету, размеру, и так далее. А если у продавца, в день обращения об обмене, нет аналогичного товара, то покупателю обязаны вернуть деньги. Стоимость покупки вернуть.

– Тебя в магазине уже заприметили, небось.

– Ха-ха! И не в одном! А что они могут сделать?

Ночью Лина включила ноут, и долго торчала в инете. Нашла сайт полиции, зарегистрировалась в КУСП, и описала свою ситуацию с роликом на мобике. Через инет проще. Можно легко – как там было написано – «сообщить о преступлении, совершенном либо готовящемся, а также об обстоятельствах, которые Вам стали известны по данному факту. После регистрации в КУСП Вы будете вызваны в отдел полиции по подведомственности и опрошены в рамках проверки по материалу, только после этого отделом дознания,

следователем будет принято какое-либо процессуальное решение по этому материалу, опять же если не были проведены какие-либо оперативные мероприятия и установлен факт преступных действий, в таком случае решение о возбуждении или отказ от возбуждения будет зависеть и от результатов проведенного мероприятия. В принципе, подача через интернет аналогична письменному заявлению, вложенному в конверт и отправленному почтой на адрес МВД, либо переданной телефонограммы».

Полина выключила ноут, легла в постель, и провалилась в сон.

Внезапный сигнал мобильного пробудил её. Она нащупала трубку, сонно, с закрытыми глазами, поднесла её к уху. И услышала странный шорох, потом мужской голос:

– Ты, курица! Сегодня предпоследний день остатка твоей жизни.

– Что такое? – пробормотала она. – В чём дело?

– В тебе. Зачем не стёрла, в КУСП послала?

– А откуда...

– Нам всё известно. Поступок идиотский. Там такое не катит.

Сон пропал. Села в постели. Мысли лихорадочно завертелись. Так. Это убийца. Теперь он предпримет шаги... А, всё понятно.

Ей не было страшно. Всё воспринималось как игра. И она сказала:

– Если вы нападёте на меня и отнимите мобик, я куплю новый, а флэшку восстановлю.

В трубке хохотнули. Послышался галдёж, посторонние реплики. И тот же голос произнёс:

– Дура, нападать ещё на тебя. Сотри.

– Видео уже в ноутбуке, и я хочу выложить в инет, – заявила Полина.

– Ну-ну, – последовал ответ. – Выкладывай.

Она выключила телефон, глянула на часы. Был уже полдень. Лина сидела в постели, ошарашенно уставившись в стену. Потом рухнула на простыню и снова уснула.

День уже был в самом разгаре, когда она проснулась, привела себя в порядок, и отправилась в полицейский участок. В небольшой комнате сидел невысокий крепыш лет тридцати пяти. Он уныло оглядел Полину, со скучающим видом выслушал её возбуждённый рассказ, взял её мобильник, глянул на видеозапись, и молвил:

– Ну и что?

– Как что? – опешила Полина. – Видите же, преступление, убийство!

– Не факт. Это может быть постановочное видео. Кто-то вас разыграл. Где свидетели, где место действия, адрес, улики? Идите-ка домой, девушка.

– А мне звонят и угрожают, требуют стереть это, – сказала она.

– Ну и сотрите, – бросил участковый. – Идите уж.

Вот даже как! Полина разочарованно вышла в коридор, спустилась по ступенькам в фойе, и вышла на улицу. Её обдало зноем. Всё вокруг цвело, зеленело, синело, звенело... Ну и ладно, подумала она. Ну и пусть! Она выложит ролик в инет, пускай все увидят. Но вот странно, если это не так важно, даже полиция не реагирует никак, то почему же преступник жаждет всё это стереть? Может, боится чьей-то мести? Мести того, кто знает жертву? Ну, тогда надо срочно закинуть это в интернет!

Она направилась к своему дому. Но не успела перейти дорогу, как возле неё резко затормозила иномарка. Дверцы распахнулись, и перед ней возник мужик в чёрной майке. Она даже не успела рассмотреть его, ничего не поняла, лишь почувствовала резкую боль, миг – и она уже в машине. С плеча сорвали сумочку, всё вытряхнули на сиденье, из мобильного вынули симку.

– В компе ролик есть? – раздался голос. – В инет сунула?

– Не успела, – пролепетала она. – Ничего не успела...

– Где ещё есть? – спросил второй мужик.

– Больше нигде, – соврала она. – Честное слово. Я не успела...

– Ну смотри, овца, если что, пеняй на себя.

Дверца машины распахнулась, и её с силой выпихнули на асфальт. Следом полетели сумочка, ключи, косметичка, кошелёк, мобильник.

Она не помнила, как дотащи́лась домой. На неё нашёл какой-то ступор. Она повалилась на постель и долго так лежала, глядя в потолок. И вдруг поняла, насколько всё серьёзно. Плечо болело. Ну да, её же с силой дёрнули за плечо, когда втащили в машину. Наверно, вывих. Но это не самое страшное. Надо срочно удалить из ноутбука ролик. Нет, оставлю, – подумала она. – На всякий случай.

Вечером Лина позвонила Тусе и всё рассказала. Ну, не совсем всё. Умолчала про ролик в ноуте.

– Ну, ты и дурёха, Линка, – завопила в трубку подруга. – Ну, ты даёшь! Хорошо хоть, что жива осталась! У тебя пониженный барьер риска и подростковое легкомыслие. Ну ладно, всё прошло, забудь. Давай лучше пойдём завтра на презентацию косметики, там обещают подарки!

– Давай, – безучастно произнесла Полина. – Пойдём. Надо симку восстановить.

– Заведи новую, – посоветовала подруга.

– Заведу новую, – вяло согласилась Лина.

– Ты что такая квёлая? – спросила Туся.

– У меня душа слиплась, – промямлила Полина.

– Сатис вэрборум, – Туся перешла на латынь.

– Что?

– Довольно слов.

– Да.

– А слиплась коль твоя душа, ко лбу прикладывай ромашку, ха-ха, – хохотнула подруга.

– Мне как-то беспокойно, что-то нехорошее надвигается. Такое чувство, что кто-то роет мне яму, – заныла Лина.

– Ну, если тебе роют яму, не мешай. Закончат, сделаешь бассейн, – весело сказала Туся. – Ладно, пока. Спокойной ночи. До завтра, береги нервы, – добавила она и положила трубку.

На следующий день Полина пошла в Евросеть. «А с какой стати мне новая симка? Вот ещё, номер менять. Нет уж!», – решила она, и восстановила прежнюю сим-карту. Глянула в мобик – ММСки с записью убийства не было. Стёрли. А контакты остались.

«Они же могут узнать все мои контакты!» – ужаснулась Лина. И тут же успокоила себя: «Ну и что? Сдались им мои знакомые, приятели, соседки, подружки. Ну, кто у меня там из близких остался, из родни? Родители давно на кладбище. Разве что престарелая тётка. Сын и бывший муж – в Канаде живут, присылают мне раз в месяц деньги, ну и что? Они далеко, на безопасном расстоянии. Ничего бандиты никому не сделают», – успокоилась она. Но тут ей пришло в голову, что они могут навестить её дома. Сама же им сболтнула, что скинула ролик на ноутбук.

И это не страшно. Есть же флэшка, маленькая симпатичная флэшка в виде прикольного медальончика. Скинуть ролик на неё, и носить себе на цепочке на шее. Красота! Там, на флэшке, вся её инфа из ноута есть.

Так она и сделала.

В метро её внезапно окатило жаром, лицо запылало, закружилась голова. Прилив, – поняла Лина. Она пошатнулась от мгновенной слабости, и села на скамейку. Минут через пятнадцать это сменилось ознобом, она сильно побледнела. Но вскоре самочувствие наладилось, и она бодро вскочила в вагон подошедшего поезда.

Презентация новой косметики проходила в стеклянной высотке с вертящимися дверями, на первом этаже. В огромном фойе уже толпился народ. Сновали девицы с бейджиками на груди. Куда идти, что делать, неясно, полная неразбериха. Какие-то столы понатыканы всюду, на них разложены коробочки с кремами и пудрами, всё это продавалось весьма дорого. Туся была уже здесь и рассматривала косметику. Наконец, всех пригласили в зал – он был через два коридора налево. Началась скучная рекламная болтовня. Сначала выступила безликая дама неопределенного возраста, нахваливая кремы, тушь и туалетные воды. Потом на сцену вышли две другие представительницы фирмы. Вид у них был забавный. Одна тощая, высоченная, на длиннющих тонких ногах с каблуками, верхняя часть туловища наклонена вперёд, плечи вздёрнуты, она напоминала этакое насекомое, самку Богомола. А вторая – низенькая, толстененькая, с выпирающим животиком, который она прикрывала огромной шалью, эта дама без конца подёргивала крупным носом, словно гончая, взявшая след. Они долго, сменяя друг дружку, пространно рассуждали о уникальности данной косметики. Потом вы-

ступали все желающие, за лучшее выступление были обещаны подарки, которые стояли тут же, на сцене, в бумажных сумочках. Говорили, конечно, дистрибьютерши. Они очень старались, они были многословны и весьма убедительны. Но сумочки с подарками им не дали. Всё это длилось три часа. В конце-концов всем, находящимся в зале, подарили красиво упакованную тушь, и пригласили в фойе на банкет. Люди хлынули к дверям. В малом фойе (их было несколько, одно переходило в другое) началось какое-то броуновское движение, все толклись на месте и не знали, куда идти. Наконец, главная дама повела всех за собой. Полина обернулась, поискала глазами подругу. Туся крутилась в хвосте толпы. И вдруг она резко сорвалась с места и помчалась назад. Странно, подумала Лина, и поспешила за ней. Туся вбежала в зал, где только что была презентация, а теперь за столом боком к двери две дамы что-то увлечённо обсуждали. Туся мигом подлетела к сцене, схватила сумочку с подарком, сунула её в свой рюкзак, и вылетела из комнаты. Увидев изумлённую Полину, кивнула:

– Я это заслужила. Время – деньги. Или подарки.

И помчалась дальше. Лина устремилась за ней. «Зачем она так? Не нищая же, бывший муж бизнесмен не хило её субсидирует. У неё иномарка, дача, частые поездки за кордон. Зачем? Из принципа, или ради экстрима?» – недоумевала Лина.

В малом фойе колыхался рой жующего и гудящего люда.

На столах были навалены куски тортов, пирожные, одноразовые стаканчики с горячим чаем. Туся ловко ввернулась в толпу, протиснулась к столам, схватила две тарелки с тортом и с пирожными, стаканчик с чаем, и выбралась к свободно-му месту с крошечным узеньким столиком, который, почему-то, никто не заметил и не занял. Полина тоже стала проди-раться сквозь плотный лес людских тел к сладким столам, но торты и пирожные уже закончились. Остался только чай. «Ну и чай тоже отлично», – подумала она. – «Как прекрасно, стаканчик горячего чая после духоты и мути зала»!

Выпив чаю, она открыла тушь, достала зеркальце, и принялась красить ресницы. Но подарочная тушь оказалась очень плохой, и Лина отдала её подруге. Туся наверняка кому-нибудь её передарит.

Домой она вернулась поздно вечером. Дверь квартиры была приоткрыта. Ноут валялся на полу. Ясно, её навестили. Но ведь ничего не нашли же, всё важное она стёрла.

Теперь от неё отстанут. Так она думала.

Она подняла ноут. Он был в порядке. Полина облегчённо вздохнула. И позвонила подруге.

– Представляешь, Тусь, какая фигня приключилась! На мою квартиру было нападение! Дверь открыта, ноут на полу!

– Ничего себе! – воскликнула Туся. – А что-нибудь пропало? Ты смотрела?

– Нет, и не буду, нет смысла. Они искали ролик. Но я его стёрла.

– Правильно сделала, – сказала Туся. – Не волнуйся, больше не придут.

– Я тоже так думаю, – ответила Лина. – Хотя, какое-то смутное чувство, что-то не то.

– Это у тебя от пережитого. Бывает. Выкинь из башки.

– Постараюсь.

– Я тебе вот что скажу, – она замолчала и булькнула.

Лина сразу представила себе её с бокалом вина. Почему-то – красного.

– Видишь ли, не всё всегда кончается, но лишь слегка меняется. Волосы и нервы становятся тоньше, рука дрожит, мир выцветает, и ничего уже невозможно сделать... А – де лингва стульта вэниунт инкоммода мультя, что означает, в переводе с латыни: из-за глупого языка бывает много неприятностей. Не будоражь мертвеца.

– Понятно, – ответила Лина.

Она уже привыкла к своеобразной речи подруги, и ей это даже стало нравиться. Да и сама подруга стала казаться ей весьма привлекательным существом.

Они долго болтали. Потом Полина смотрела ночной сериал. Легла, как всегда, поздно. Снилось детство, школа, голос учительницы:

– Милавина, к доске.

А Полина никак не поймёт, какой это урок, где её учебники, где тетради, и в каком она, вообще, классе.

Проснувшись, долго думала, к чему этот сон? Наверно,

жизнь, ну, в смысле, высшие силы дадут ей очередной урок, который она должна усвоить, чтобы перейти на новый уровень. Или уже дали? И она должна что-то понять и сделать? Что-то произойдёт? Неужели её снова навеснят те опасные парни, что искали жуткий ролик?

Но прошла неделя, вторая, третья, никто её больше не пугал, и она успокоилась. Ерунда какая-то, – думала она о случившемся. – Просто прикол судьбы, игра случая! Вот это приключение, вот это да!!!

В среду Туся предложила ей сходить вместе в Мегацентр. Она хотела поменять свой старый рюкзак-трансформер на новый, легкий и элегантный.

– А разве это возможно? – изумилась Лина.

– Возможно всё, главное – правильная установка и верный подход, – пояснила Туся. – И целеустремлённость.

Встретились возле магазина. Подруга была без машины. На ней всё было длинное, яркое, сверкающее. Она показала Полине почти красавицей. Вошли в крутящуюся стеклянную дверь. Мегацентр сиял, было свежо от кондишенов, народу казалось немного. Женщины прошлись по этажам, заглядывая во встречные магазинчики. Наконец, дошли до отдела сумок. Полина с интересом наблюдала за подругой. Туся подошла к менеджеру, парню лет тридцати с бейджи-ком на футболке, и стала длинно и цветисто говорить, покачивая головой с длинными блестящими серьгами и мотая длинными бусами. Висюльки эти прямо как маятники

– усмехнулась про себя Полина. Туся разводила руками со сверкающими кольцами на длинных тонких пальцах, трогала менеджера за плечо, прикасалась к его руке. Парень внимательно слушал, пытаясь понять, что же надо этой женщине. Он уже начал немного уставать, и взгляд у него стал слегка осоловевший. Тут Туся достала из пакета свой старый рюкзак. Парень взял его, и они направились к кассе.

– Сделай возврат, Гуля, – сказал ей менеджер.

Девушка за кассой, молоденькая азиатка, вернула Тусе деньги. Подруги ходили по залу, рассматривая и прицениваясь к разным сумочкам, пообсуждали их, поговорили о рюкзаках, потом Туся выбрала один, очень изящный, купила, и они спустились на первый этаж.

Вышли на улицу. Вечерняя свежесть, огни реклам, маленький бар с деревянными скамейками, холодное пиво.

– Как ты это делаешь? – поинтересовалась Лина. – Как можно старую вещь сдать назад?

– Элементарно, Ватсон, – улыбнулась Туся, отхлёбывая из банки пиво.

– Ну, правда, как? – не унималась Полина.

– Цыганский гипноз, – сказала подруга. – Много слов, покачивание перед глазами блестящими предметами, желательно длинными, серьгами, бусами, ладонями в кольцах, лёгкие прикосновения к плечу, к спине, к руке собеседника. И он уже в твоей власти.

– А откуда ты знаешь? – удивилась Лина.

– Так я же не зря на всякие лекции хожу, – усмехнулась Туся. – Я много чего знаю.

Возвращаться домой по ночному летнему городу было приятно. Сначала дошли переулками до дома Туся, потом Полина шла по аллеям, улицам, скверам к себе. Домой вернулась уже за полночь. Поднялась на лифте на свой этаж, подошла к двери, и ахнула! Всё нараспах! Она быстро прошла в квартиру. В комнате было всё вверх дном. У неё что-то искали. На кухне холодильник вывернут, на стол вытряхнули сметану, баклажанную икру, варенье. Искали что-то мелкое, что можно спрятать в банках. Флэшку! – поняла Лина. Они предположили, что ролик с убийством на флэшке! Ах, как же она не сообразила! Конечно же! Надо было оставить на видном месте другую флэшку, записать туда всякую хрень! Они бы отстали. Да, вот так она и сделает! Завтра купит флэшку, и приколется, что-нибудь этакое им подкинет, такую инфу, ух! Может, туда порнушку из инета закачать? Нет, не поверят. Надо какую-нибудь такую инфу, чтобы у них мозги набекрень съехали!

Ночью она торчала в инете, общалась на Фэйсбуке с реальными и виртуальными друзьями, смотрела забавные фотки и ролики про животных. Было очень занятно. Один виртуальный друг оказался заикленным на глобальных проблемах человечества, на борьбе тёмных и светлых сил. Полина пообщалась с ним на эту тему, и, усмехаясь, поняла, какую инфу она подкинет своим неожиданным гостям.

Утром она уже была на ногах. Было ещё не очень жарко, и она с удовольствием прогулялась в магазинчик с электроникой. Купила пару флэшек, вернулась, и быстро закачала туда разнообразную инфу. На первую флэшку она записала: «Дьявол овладел миром. Главная его цель – реабилитировать себя в глазах Бога, доказав Богу, что он, Дьявол, был прав, когда отказался поклониться человеку, заявляя, что человек – творение неудачное. В настоящий момент, вбросив человечеству концепции демократии на основе всеобщего избирательного права и классической толкающей рыночной экономики, Дьяволу удалось добиться создания синергетической системы, ведущей человечество в пропасть.

Но русский человек, хотя и обладает кучей недостатков, но все-таки смекалист и перехитрит Дьявола, введя управляемое народом единоличное правление (абсолютную монархию, но с возможностью изгнания народом неудобного ему правителя) и тянущую рыночную экономику, т.е. современное индивидуальное позаказное производство. И тогда Россия станет для всего мира примером выхода из наступающего губельного мирового кризиса. Конечно же, многочисленные сторонники Дьявола извне будут пытаться помешать русскому пути, но для этого будет создана непобедимая армия, непобедимая потому, что солдаты ее будут знать, что они защищают, не так, как в прежнюю войну... Миллиардер, основатель компании «Сан Майкросистемс» Бил Джой в 2000 году смело придал гласности пакт консенсуса, к кото-

рому пришла элита мира, что к 2030 году через чипизацию человечество должно быть полностью порабощено и превращено в управляемых рабов, а также должно произойти массовое истребление населения земли, кроме мировой элиты и ее обслуги. Евросоюз выделил два миллиона евро на введение УЭК в России. Цель этого проекта – демонтаж Российского государства и передача полномочий власти иностранным коммерческим структурам. Сегодня идет речь о захвате власти на Земле горсткой людей с целью установления полного мирового господства, с построением единого наднационального глобального сообщества...» «Вот путь к миру: преодолевайте зло добром, ложь правдой, а ненависть любовью»...

И всякую подобную инфу. На вторую флэшку – Библию, Евангелие, Апостол, жития многочисленных святых, и молитвы. Ха-ха, пусть забирают флэшки, пусть просвещаются!

И вдруг Полину обдало сильным жаром, сделалось душно, стало тяжело дышать. Пот прошиб её. Голова закружилась, ещё немного, и она грохнется в обморок! Нет, нет, нет! Она вцепилась в компьютерное кресло. Это опять прилив! Да что же это такое, какая гадость!

Но вскоре всё прошло, только сильно зазнобило. Она встала, взяла шерстяной палантин и закуталась в него. Всё-всё-все, сейчас, сейчас... Вот, уже лучше, уже согрелась, уже нормально... Ну вот и всё... А, ерунда, мелочь, не стоит обращать внимания.

Она сунула обе флэшки в рулон туалетной бумаги, и положила его на компьютерный стол.

А теперь пора пройтись по магазинам, – решила она. Надо было купить шампунь, бальзам для волос, гель для душа, и всякие мелочи.

Она вышла из подъезда, и неспешно двинулась через сквер к дороге. Знойное марево окутывало землю, было безлюдно, словно сиеста какая-то. Внезапно – ой, что это! Рывок, её рванули за руку, горло больно сдавили. Напали сзади. Мужской голос прошипел в ухо:

– Где флэшка?

Ледяные мурашки устроили кросс на спине Полины. Подбородок её задрожал, в глазах заметался ужас.

– Дома, в туалетной бумаге, – сдавленно просипела она.

– Где?

– В рулоне на столе. Я её перепрятать хотела, там очень важная инфа. Забыла спрятать, она возле компа.

– Кретинка, – скрипнул голос, и её отпустили.

Шея болела, рука ныла. Испуг прошёл не сразу. Полина помассировала больные места, через силу усмехнулась, и ускорила шаг. Да ладно, всё обошлось. Спокуха. Ха-ха, вот сейчас они откроют её дверь, ворвутся в комнату, распотрошат рулон, схватят обе флэшки и... Вот смех-то!!!

Она представила себе эту картину, и расхохоталась.

В мегацентре она заглянула в магазинчики с обувью, долго рассматривала и примеряла босоножки, и купила плетё-

ные из натуральной кожи, шоколадного цвета. В соседнем отделе ей очень понравился купальник такого же цвета, она примерила – сидит отлично. Тоже купила. Потом набрала шампуней, пенок для ванны, бальзамов. И с полной сумкой угнездилась в кафетерии на первом этаже. Попивая через соломинку холодный клубничный коктейль, она посмеивалась про себя. Настроение было отличное. Тут засигналил мобильник. Высветилась Туся.

– Привет, подруга! Как дела? – раздался её голос.

– Да всяко как-то, – ответила Полина. – Тут опять гости меня посетили, всё в доме перевернули, а потом ещё и во дворе меня прижали. Флэшка им нужна. Есть у меня пара флэшек, я сказала им, где искать.

– Зачем им твоя флэшка?

– Ролик ищут. Но нет у меня записи убийства, стёрла. Там другая инфа.

– Ну, хоть на этот раз ты верно поступила, – вздохнула подруга. – А ты как, вообще, устала жутко, небось, от этих твоих гостей из трухи и металла? Колесо твоё бешено заблестало, убыстряясь по кругу лжи красной лошадьё твоей улыбки.

– Да, смешно, представляю, как их перекосит от моей инфы, – хохотнула Лина. – Моё колесо искрит и мечет молнии.

Дома Лина обнаружила растерзанный рулон туалетной бумаги. Флэшек не было. Забрали, гады. Она плюхнулась на постель. Надо подумать о чём-нибудь приятном. Вот, на той

недели болтала по скайпу с сыном. Димка отпустил бородку, стал выглядеть солиднее. Высокий, худой, темноволосый, сероглазый, такой взрослый ее сынуля. А в детстве был жуткий непоседа. Всегда на прогулке подбирал какие-то длинные палки, размахивал ими как ненормальный, подпрыгивал и вопил, издавал воинственные кличи. Однажды в детском театре – ему тогда было лет пять, Полина замешкалась возле раздевалки, а Димка в мгновение ока оказался в фойе возле большого аквариума, и запустил туда обе руки. Вот кошмар-то был, вот стыд-то, на неё все набросились с руганью, что не следит за ребёнком, не умеет воспитывать, что таких вот мам... На прогулке она крепко держала его за руку, но в парке на мостике он ухитрился вырваться и свалился в пруд, а была осень, холодно. Его сразу же вытащили, но он заболел воспалением лёгких. А в другой раз сынуля вырвался и помчался через дорогу на красный свет, и как только проскочил через поток мчавшихся машин, удивительно! Она чуть с ума не сошла от ужаса! Потом было всякое. Семейные дразги, куча конфликтов с мужем, развод, маленького Димку забрали родители мужа, драма, стресс, больница, её увлечение молодым врачом, любовь, отношения, разлука, другая любовь. Жизнь была насыщенная и разная. Круговерть ощущений. Интересная работа с маленькими детьми высокопоставленных чиновников, неплохая зарплата. А в целом, много позитива. Или просто она так всё сама воспринимала?

На следующий день ей позвонила Туся. Пригласила в те-

атр, но Лине никуда тащиться не хотелось. В такой прекрасный летний день – и вдруг в душный театр, и наверняка какую-нибудь лабуду покажут.

– Тусь, театры извратились, пьесы просто фигня какая-то, заметила? Мы же с тобой уже несколько раз нарывались.

– Почему? Мне всё понравилось, – возразила подруга.

– Ну что тут может нравиться? Актёры не играют, а оттягиваются на сцене. Похоже, они роль не учат, а болтают что попало, и прыгают, дрыгаются, извиваются, скачут словно пьяные. Наверно, пьют перед спектаклем. Так и я смогу. И кто угодно. А ведь раньше, помнишь, какая игра была, ведь как играли, как играли, вот это было да-а!

– Ну, то было раньше, – протянула Туся. – А мне понравилась в прошлом спектакле сценка из школьной жизни. У нас тоже всякие дразнилки были в детстве.

– Ну да.

– А как тебя в школе дразнили?

– Лава. Фамилия-то Милавина. А тебя?

– Гада. Я же Готова.

– Ты, выходит, фамилию в браке не меняла?

– Нет. А зачем? Это моя родовая фамилия.

– Я тоже свою оставила. Как чувствовала, что вернётся моя вольная девичья жизнь. Брак был так, вроде ничего, нормально, просто не сложилось. Трагедия, конечно. И сына отобрали. Но всё прошло, и пришло другое. А знаешь, знаешь... А я довольна своей судьбой! – вдруг воскликнула По-

лина. – Довольна! И слава Богу! У меня прекрасный сынуля, и муж бывший тоже меня не забывает. Да!

– Правильная установка, – менторским тоном произнесла Туся. – Каждый человек получает ту судьбу, тот тип жизни, имя которому он сам дал. Одни – тип жизни под названием «унылое чмо», другие – «кругом сплошь предатели», третьи – «судьба моя злополучна». И лишь некоторые – «слава Богу за всё». Это – светлые, счастливые люди. И мало кто понимает, что для счастья надо лишь поменять установку, переименовать свой тип жизни. Всё просто.

– Супер! – восхитилась Полина. – У тебя такое образное мышление!

– Просто ум у меня очень извилистый, – ответила Туся. – И к тому же я хожу на лекции, где много мудрого говорят.

Этот день Полина решила посвятить прогулке по центру города. День выдался не очень жаркий, так что погода способствовала. На сей раз народу в метро было не так много. Работали кондиционеры. Она с удовольствием доехала Охотного Ряда, и неспеша пошла по блестящему после дождя тротуару. А, вот же Красная Площадь, вот Собор Василия Блаженного! Как он прекрасен! Лина давно не была здесь, и от нахлынувших чувств и воспоминаний слёзы навернулись на глаза! Ей вдруг показалось, что какая-то невероятно мощная энергия исходит от этого места и пронизывает её всю! Видимо, это просто иллюзия, связанная с воспоминаниями. Не так уж и давно это было. Нет, давно...

Вспышка страсти, сильные руки друга, парня из МЧС, он подхватил её как пушинку, его горячие влажные губы... Да, этот храм... Всё было здесь, на этом самом месте...

Кучка людей остановилась рядом с ней. А, экскурсия. Понятно. Интересно. Экскурсовод – парень в джинсах с рваными коленками и в синей майке с непонятым жёлтым рисунком, абстракцией какой-то на груди, вещал:

– Говорят, что перед юродивым Василием, небесным покровителем храма, склонял голову сам царь Иван Грозный. Храм его защитил Иосиф Сталин. Впрочем, собор не раз оказывался на краю гибели, и каждый раз его спасало чудо. В 1812 году он был разграблен французами и превращен в конюшню. Наполеон мечтал перенести московское чудо в Париж, но это было невозможно, и тогда он отдал приказ на уничтожение, как и всех других кремлевских храмов. Дымящиеся фитили гасили казаки и подоспевшие москвичи, но им помог остановить взрывы и внезапно хлынувший проливной дождь. Считается, что это место помогает исцелиться от глазных и многих других болезней, защититься от неудач и катастроф...

Полина не дослушала, и ушла. Ей вдруг захотелось домой. Ей стало очень грустно. Она дошла до поворота, и увидела кафе. Возле входа на улице стояли пластиковые столики и стулья, висели кашпо с розовыми и оранжевыми цветами на металлических перегородках, всё дышало уютом и спокойствием. Она села и заказала мороженое – три шарика:

клубничный, банановый и ванильный. И чашечку капучино. Здесь ведь так приятно грустить!

Звяк! – раздалось рядом. В её сумочке. Мобильник. Пришло сообщение. Полина взглянула. Странная СМС-ка. Просто цифры, и всё. Цифры – 9977. Зачем? Это уже третий раз к ней попадают цифры. На них у неё хорошая память. А до этого были... А, ну да. Если все их соединить, то получится... Ну да это просто номер какой-то! Вот что получается-то: 044204359977! Ну, дела! А что, если попробовать... Если проверить гипотезу Туси: каждый получает ту судьбу, название которой он сам дал. Я назову это – счастливый номер!

Она улыбнулась, и принялась смаковать мороженое. Вечерело, и народ в кафе прибывал. Столик слева заняла шумная компания молодёжи, справа возникла забавная пожилая парочка – дама в широкополой лиловой шляпе и просторном платье с блёстками, и джентльмен в белоснежном полотняном костюме. Было в них что-то исторически-театральное и очень милое.

Домой идти уже не хотелось. Лина сладостно блуждала по городу, забрела в какой-то парк, там была музыка, по сцене прыгали джазисты, разноцветные огни крутились и освещали площадку вокруг, плескалась дискотека, дрыгался народ, и она тоже присоединилась к этому всеобщему весёлому дрыганью. Она просто опьянела от оглушительного и огнемётного ритма, просто ошалела, и принялась бешено ска-

кать и извиваться. Вокруг неё тут же образовался круг прыгающей молодёжи. Ребята танцевали классно! Вдруг один из них схватил её за руку, выдернул из круга, и повёл в парном танце. Он был невысок, коренаст, светловолос. От него исходила мощная мужская энергия, животная сила, и Лину сразу повлекло к нему. Она отвела взгляд, и исподволь стала его рассматривать. Серые вьющиеся волосы, густые. Блестящие большие глаза, красиво очерченный рот. Ему под пятьдесят где-то, наверно.

– Я Валера, а ты? – спросил он просто. – Извини, что сразу на ты, я ведь старый уже.

– Хм. Да и я отнюдь не юная Джульетта. И даже вообще не Джульетта, а Полина, совсем не романтично, – хмыкнула она в ответ.

– Выглядишь ты юно, – сказал он.

– Это в темноте, – сказала она.

Он ей понравится.

– Тогда пойдём на свет, – сказал он. – Айда играть в бильярд. Тут недалеко.

Они вышли из парка, прошли метров сто, завернули за угол, Валера взял её за руку. Ладонь его была крепкая и горячая. Он нравился Лине всё сильнее. Свернули в переулок. Подошли к безликой бетонной высотке. На нижнем этаже оказался бильярдный клуб. Валера сразу же провёл её в бар. Они выпили по рюмке коньяку, закусили бутербродами с сервелатом. И прошли в зал. У Лины слегка кружилась го-

лова, было легко и весело.

– В какой бильярд будем? – спросил Валера.

– Ну, не знаю, – растерялась Полина.

– Вон там русский, а там вот американский. Какой хочешь?

– Я? Отечественный, конечно, – сказала она. – Только я не умею.

– Сейчас научу. Вот, держи кий! Вот шары. Нет, ты не так взяла.

Она уронила кий. С плеча соскользнула на пол сумочка. Он подскочил, нагнулся, поднял.

– А это что? Твоё?

Он протянул ей что-то маленькое и плоское. Это была банковская карта.

Она быстро глянула. Знакомые цифры.

– Моя, – сказала, и сунула карту в сумку. Взяла кий. И услышала возглас:

– Лина! Лина!

К ней приближалась Туся. Рядом с ней катился круглый мужичок-шар. Словно из бильярдной лузы выкатился.

– Что это за метла к нам движется? – спросил Валера. – Ну и парочка: швабра и шарик-кошмарик.

Полина расхохоталась. Валера тоже хохотнул.

– Это моя подруга с кем-то, – сказала она.

– Привет, а ты что здесь делаешь? – удивилась Туся. – А это кто с тобой? Кстати, познакомься: Эдуард, поэт, журна-

лист, экстрасенс!

Она кивнула в сторону своего пухлого спутника. Тот беззубо улыбнулся.

– Но объясни, как ты сюда попала? – не унималась Туся.

– На метле прилетела, – отшутилась Полина. – Вот вместе с Валерой.

Туся усмехнулась и окинула Валеру загоревшимся взглядом. Подошла ближе, обдав его ароматами иланг-иланг и ночной фиалки. И, покачивая длинными серьгами и бусами, потряхивая длинными волосами, произнесла загадочную фразу:

– Шары сталкиваются, стучат и стекают вниз, исчезают в лузах, тонут там как люди в своих судьбах, барахтаются, недовольные собой, и с судьбой спорят, а судьба внимает укору, намечает снегу на угли и ломает иглу, шею и сердце на ребре их жизни. А не выпить ли нам по хорошему коктейлю, а, ребята?

Валера вытаращил глаза, кашлянул, и произнёс:

– Да, пожалуй, без выпивки тут сломаешь мозги на ребре судьбы.

И вся компания двинулась в бар. Валера попридержал Лину за локоть, слегка приотстав, и шепнул ей на ухо:

– Бешеная сиська.

– Что-о? – опешила Полина.

– У твоей подруги физиономия как вялая сиська с элементами бешенства. Это очень занятно! В ней что-то есть. На,

вот моя визитка, – он сунул ей в ладонь золотистую карточку.

В баре Полине вдруг стало тоскливо и неинтересно. Друзья дружно хмелели и оживлённо болтали. Полина пила мало. Она заскучала, и незаметно покинула компашку. Вышла из клуба в душистую прохладную ночь, поймала такси, и вернулась домой.

Спать не хотелось. Она распахнула балкон и долго смотрела на уходящую ночь, на светлеющее небо. Из-за крыш домов появился краешек солнца. Лина вернулась в комнату. Вспомнила, что Валера дал ей визитку. Где она? Полина вытряхнула на покрывало содержимое сумочки. Вот, визитка, кошелёк, помада, банковская карта, зеркальце, расчёска, ещё одна банковская карта... Вторая? Откуда? Как? Ах да, в бильярдной нашлась... Так это была чужая карта? А цифры показались ей знакомыми...

Полина рассмотрела цифры. Да, она их помнит. Те, что были на обрывке газеты, на чашке, в странной СМС-ке, и ещё другие: 0020. Карту надо вернуть владельцу. Надо вернуть! Как его найти? А, потом решу, а пока лягу-ка я спать! – мысли сонно ворочались и расплывались.

Днём разбудил телефон. Голос Туси переливался и лучился.

– Привет, подруга! Я провела бурную ночь с двумя мужиками!

– Всю ночь в бильярд играли? – промямлила сонная Лина.

– Естественно, – ответила Туся.

– В американский, в русский?

– В ночной.

– Ну да, если ночью, то в ночной. Американский, русский, всё равно ночной, – она зевнула.

– Нет, в другой ночной.

– Это в какой ещё?

– Элементарно, Ватсон. Два кия, четыре шара, и один изящный стол с тремя лузами.

– А такой там разве есть?

– Лина, не тупи.

– Я ещё сплю. Просыпаюсь. Слушай, я нашла чужую банковскую карту, как вернуть хозяину?

– Это просто, – сказала Туся. – Давай диктуй номер. Найдём.

– Как?

– Без проблем. Эдуард всё может.

– Ну, записывай.

И Полина продиктовала подруге цифры.

День начинался странно. Она подумала о Валере. Ну, конечно же, вот так всё. Вот такой ночной бильярд втроём. Ну, а чего ещё ожидать! А она-то, она-то!!! Ну нет, просто были какие-то ощущения, какие-то смутные предчувствия, подсознательные желания... Да нет же, не было ничего такого! Что она, девчонка сопливая, что ли? Просто танцы, коньяк, разогрев, лёгкий хмель, бильярд – которого не было. То есть был, но не она в него играла, и не такой...

У неё закружилась голова, обдало жаром. Она встала, прошла в ванную с огромным зеркалом на стене, приняла душ, растерев себя губкой с шоколадным спа-гелем. Накинула на мокрое тело розовую тунику, и прошлёпала босиком на кухню. Досада скребла душу. На полочке красовалась большая декоративная свеча. Лина взяла её, поставила на стол, зажгла. Плеснула в большой хрустальный бокал немного шоколадного ликёра. Достала Валерину визитку и сунула в пламя свечи. Она медленно пила ликёр и смотрела, как обугливается на свече золотистый кусочек картона. Сначала потемнели уголки.

– Ну, вот и всё, – сказала она себе – Вот и всё.

На следующий день ей позвонила Туся. Голос её лоснился, словно жирный кусок сёмги. Сытый довольный голос. Так показалось Полине. Просто показалось.

– Ну, как дела, подружка? – прозвучала её дежурная фраза. – А мои мужики нашли владельца твоей карты. Записывай телефон.

И она продиктовала ряд цифр.

– Записала?

– Запомнила, – ответила Лина. – У меня ж на цифры отличная память, ты же знаешь. А чем ты там булькаешь, что пьёшь?

– Изысканный коньяк, – голос как кусок бекона, на который намазали жирный хамон. – Звякни, и узнаешь имя владельца. Вот такой пердимонкль. Имена играют с временами

и народами, схандрючиваются люди и счастливые перемены, гроза, языки огня, голая пятка и точки на стене.

– Вот и я схандрючиваюсь, – грустно ответила Полина. – Ну ладно, пока, пойду и дохандрючусь.

Она положила трубку, и зевнула. Последние события показались ей тусклыми и эфемерными, словно это был сон. Она заварила крепкий чай, и долго пила его, без сахара, чашку за чашкой, почти одну заварку. Горечь во рту соответствовала её настроению. Потом сполоснула чашку, взяла мобильник, и послала СМС-ку на продиктованный подругой номер: «Я нашла вашу банковскую карту, как передать?»

Ответили не сразу. Позвонил мужчина.

– Алло!

– Да, я вас слушаю, – ответила Полина почему-то переливчатым бархатным тоном. И сама удивилась. Откуда у неё этот тембр?

В трубке – короткое молчание, некоторое замешательство. И – сбивчивое:

– Спасибо вам, девушка, я не сразу заметил. У меня несколько карт. Вам удобно будет подъехать завтра на Арбат?

– Почему на Арбат? Да, я могу.

– У меня там офис. Спасибо. Я сообщу время. Обещаю вознаграждение.

– О кей, – сказала Лина.

Встреча была назначена недалеко от здания Бизнес-цен-

тра. Полина надела тонкие льняные брючки в лилово-синих розовых разводах и синюю майку на шнурках. Слегка подкрасила губы и веки. В метро было многолюдно и душно. Вышла на Арбатской. Было уже почти 19 часов, но она не спешила. Встретиться должны были в кафе. В интересном таком кафе. Оно было знаменито своим местом. На этом самом месте в древности, в пятнадцатом веке, бушевало неистовое пламя! От оставленной в деревянной церкви свечи начался страшный пожар, от которого выгорела почти вся Москва. Так рассказывала Туся, когда они однажды здесь сидели. Горячее местечко! И не простое.

Она подошла к столикам возле кафе, и стала оглядываться по сторонам.

– Это вы?

Кто-то тронул её за плечо. Она обернулась. Мягкий глубокий взгляд. Чёткий овал загорелого лица. Темные волосы чуть тронуты сединой на висках. Крепкая шея. Лёгкий костюм цвета сливочного мороженого.

– Я, почему-то, вас сразу узнал. Роман, – представился он.

– Полина, – сказала она. И добавила: – Вот, принесла вашу карту.

Роман взял её ладонь, подержал в своей, поднёс к губам и поцеловал.

Изысканный жест, – подумала она.

Они сели за столик в углу, возле витой решётки. На столе стояли цветы. Искусственные фиалки. И горела свеча. Поли-

на порылась в сумочке, достала банковскую карту, протянула Роману.

– Не спеши, – мягко сказал он, и сунул карту во внутренний карман пиджака. – Здесь неплохо готовят. Разреши, я сам закажу?

Она молча кивнула. Он перешёл на ты, – заметила она, и от этого в самой глубине её души вспыхнул веселый огонёк. Вскоре на столе оказалась горячая пицца с моцареллой и омаром. И почти сразу же возникли два высоких бокала с коктейлями. Полина тут же присосалась к соломинке, торчащей из бокала. Холодная нежная жидкость шоколадно-малинового вкуса потекла в рот, слегка обжигая. Она различила привкус водки и коньяка. Голова пошла кругом. Она откусила пиццу. Необыкновенно вкусно!

– Знаешь, – сказала она, хмелея, – никогда в жизни не ела такой вкусняшки! А коктейль очень крепкий!

– Это коктейль Берлиоз. Изысканный. Не очень крепкий, – сказал Роман.

– А, вот почему Берлиоз! Ха-ха-ха! – расхохоталась Лина. – Отрезанная голова Берлиоза из «Мастера и Маргариты»! От коктейля сносит крышу! А теперь хочу мороженое!

А он классный! – подумала она, разглядывая своего спутника. – Сколько ему? Ну, лет сорок с лишним. Не больше. Какая глубина в глазах, зеленовато-синевато-лиловых, проникновенных, умных, понимающих всё, с весёлыми искорками!

Он словно прочёл её мысли, и нежно улыбнулся ей.

– Знаешь, – сказал он, – когда я позвонил и услышал твой голос, твой перламутрово-хрустальный, шелковистый голос, со мной что-то случилось. Я понял, что сразу узнаю тебя, как только увижу. Я должен был тебя увидеть!

– Угу, – ответила Полина. – Ещё мороженого, теперь бананового.

Постепенно стемнело. Лина вся перемазалась мороженым. Роман улыбнулся и заботливо придвинул к ней салфетницу.

– Хочешь, поднимемся на крышу? Оттуда очень красивый вид.

– Хочу, – сказала она.

Они поднялись на самый верх трёхэтажной кафешки. Небо вдруг показалось Лине тёмным нежным шёлком с пришитыми спонтанно звёздами, и звёзды эти, слегка посверкивающие, ей вдруг стали видеться неистово яркими, все преобразилось и было невероятным, почудились запахи моря и южных цветов! И Роман, стоявший рядом, вдруг стал такой родной, такой близкий, такой любимый и любящий! Ей было хорошо, спокойно и радостно!

– Какая ночь, какие ароматы необычные! – сказала она ему, замирая.

– Да, красиво, – ответил он. – А хочешь, поедем в бильярдный клуб?

– Ой, нет, не надо! – вскрикнула Полина. – Лучше просто

погуляем.

Они вышли из кафе, и медленно двинулись по притихшему Арбату. Где-то запел ночной соловей. Роман обнял её за плечи, притянул к себе. Свернули в Серебряный переулок. У Полины закружилась голова, стало жарко, душно, она вдруг ослабла и простонала:

– Я устала.

– Сейчас отдохнёшь, – ответил Роман, и достал мобильник:

– Макс, подъезжай, мы в Серебряном, – сказал он в трубку.

– Кому это ты звонил? – поинтересовалась Лина.

– Своему водителю.

Вскоре подъехал лимузин шоколадного цвета. Полина уже ничему не удивлялась. Внутри машины была огромная комната, уютные мягкие длинные кресла в белом бархате. Этих кресел было штук тридцать, так показалось Лине. Приятная прохлада с запахом морского бриза – от кондиционера. Она принялась всё рассматривать и изучать. И обнаружила в машине бар, видео, аудио, лазерный луч, DVD, CD, MP3, и много ещё разных прибабасов. На потолке вдруг возникло звёздное небо.

– Ой, как чудесно! – простонала она.

Роман мягко улыбнулся, и налил в золотистые бокалы земляничный коктейль. Протянул ей бокал.

– Ну, чокнемся, чудо моё, – сказал нежно.

Коктейль оказался необычайно ароматный, земляника словно только что с лесной поляны, с чуть заметным оттенком хвои и солнца. Полина пила медленно, прикрыв глаза и с наслаждением откинувшись на спинку кресла.

– Ну как? – спросил Роман.

– Офигенно! – произнесла она с чувством.

– А что это у тебя за подвеска? – спросил он.

– Это флэшка, – сказала Лина. – Там вся моя инфа и ролик с убийством. Мне его прислали по ошибке и велели стереть, но я скинула на флэшку.

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался Роман. – Дай-ка посмотреть!

Лина сняла с шеи флэшку и протянула ему. Он тут же вставил её в свой ноут.

– Да это же... Это же!!! – воскликнул он. – Ха-ха-ха! Воистину, пути Господни неисповедимы!

– А в чём дело? – насторожилась Лина.

Роман вынул флэшку, вложил её в ладонь Полины, и сказал:

– Владей! Это постановочное видео. Это меня убили.

– Как?! – ахнула Полина.

– Видишь ли, меня заказал партнёр по бизнесу, мой лучший друг. Как выяснилось, жену мою с сыном подорвали тоже по его наводке. В машине.

– Какой кошмар! – ужаснулась Лина.

– Кошмар, это ещё мягко сказано. Но мои люди перехва-

тили киллера, я ему не хило заплатил, и с помощью полиции было состряпано моё якобы убийство. Ролик послали заказчику.

– А если это постановка, то почему же так стремились, чтоб я стёрла ролик?

– Идиоты потому что, – сказал Роман. – Заставь дурака Богу молиться, он лоб разобьёт. Налить ещё?

– Давай. А большой у тебя бизнес? – поинтересовалась Лина.

– Крупный, – ответил Роман, наполняя её бокал.

– А что стало с твоим партнёром? – спросила она.

– Умер в тюрьме. Но не сразу. Сначала сбежал. Или откупился. Ловкач такой, ха-ха.

– Опять убить пытался?

– Я прятался. Не долго. Его быстро поймали. Неделю я жил на Афоне, среди монахов. Много передумал и понял. Я его простил. Знаешь, время ведь понятие растяжимое, и неделя может быть длинною в вечность.

– А, ну ничего себе! А я, представляешь, вот, – неожиданно для себя сказала она, – моя подруга считает меня просто-душной. Говорит, что я как ребёнок. Наивная.

– Бог любит простых, с детской душой. Он им помогает. – Роман ласково улыбнулся и наполнил свой бокал.

Золотистое стекло нежно звякнуло, когда они чокнулись. Звёзды на потолке салона стали разноцветно крутиться, заиграла музыка.

Лимузин шоколадного цвета мягко катил по ночным улицам.

Счастье порой бьёт навывлет

Экстремальный штрих-роман

(основан на реальных событиях)

Листья падали с оглушительным шумом. Словно обрушивались плоские куски жести. На голову. Осенние облака, тяжёлые, жирные, низко ползли и гудели. Это гудел её мозг. Это падали её мысли. Или её душа. Она стояла посреди дороги, между бешеных стад машин, и... И всё... И не удивилась, что колёса не смяли её. Нечто дико загудело, взвизгнуло. Тормоза? Человек выскочил из машины... Что-то вопил... Говорил... В глазах – вопрос... А потом она оказалась внутри, в салоне, за рулём тот человек, и они куда-то мчались... До неё донеслось, словно далёкое эхо:

– Как тебя там, эй?

– Наташа, – прошелестела она, словно сухой осенний лист.

После всего-всего-всего, что с ней, с ними... Что с ними случилось... Это так, так!!!! И всё отключилось в ней, она перестала соображать. Жила по инерции, и вдруг – раз! Замякнуло!

Тормоз. Её вывели из авто, провели в дом, в большую залу. Там были ещё женщины. Сидели, стол, кофе, пирожные... Она не замечала ни времени, ни лиц, ничего. Потом – анфилада комнат, большие зеркала, огромное и странно

мягкое кресло, в котором она утонула. И голос, нежный мужской голос:

– Всё будет хорошо. Вас всех, таких милостивых дам с интеллигентными открытыми лицами, собрали здесь не случайно. Всем будет выплачено вознаграждение. Просто надо рассказать свою правдивую историю. Историю жизни. Сейчас ваш черёд, дорогая Наталья. Вы будете погружены в гипноз, и вспомните всю свою жизнь.

И стало тепло, уютно, спокойно. Она в деревянной кровати, большое окно, свет, прозрачная занавеска. Входит кто-то родной, ласковый голос, мама! Говорит что-то, – подарок, мишка, – говорит мама. И кладёт ей в кроватку большого, тёплого, красивого такого! Вот диво, вот чудо! Игрушка, такая, ой! Миша! Ой, большой! С блестящими глазами! А какой у него носик! А ротик! И красный язычок! Он улыбается, он её любит, и она его тоже, очень! Очень! Какое счастье! Она его крепко прижимает к себе, такого родного, любимого! И говорит с ним. Только он понимает её лепет! А вот её праздник, и Миша сидит рядом с ней на маленьком стульчике... День рожденья, ей уже целых два года! Ёлка, огромная, вся блестит, столько шариков, фигурок, гирлянд! Новые слова, они ей нравятся, такие красивые! Новый Год! Ещё праздники! И – горе, её увозят от бабушки. Мама живёт теперь в другом, совсем другом городе. С папой вместе. Наташа плачет, рыдает, прижимая к мокрому лицу Мишу. И всё-всё-всё ему выплёскивает, поток слов, невнятных, но

Миша понимает всё. Он – совсем не как её подружки, он умный и родной!

Вот, ей уже четыре года. Просыпается. А где Миша? Ей не отвечают. Мама говорит – он уже потрёпанный, замусоленный, выбросили. Во двор вынесли. Грязная старая игрушка, надоела, мы тебе зайку подарим на день рожденья.

Как! Её милый, её родной Миша? Нежный, любимый, тёплый! Где? Как он, где, один, совсем один? Она зарыдала. Пойдём скорее, найдем его, мне не нужен никакой зайка, где Миша, отдайте мне моего Мишу!

Папа – сердито: брось свои капризы. Пойдём гулять и посмотрим, может, он в лес ушёл уже. Сначала скушай кашу, выпей молоко, а потом – гулять. Утро, двор, Миши нет. Папа: ну я же говорил, Миша ушёл в лес. Но вот возле помойки – она дёргается туда, папа крепко держит за руку и уводит, но она вырвалась: Миша, Миша! Её Миша разорван, без лапы, без глаза, живот – в клочки, и куча опилок из него... Она дико завопила, схватила разодранную игрушку, но папа выдернул её из Наташиных рук и зашвырнул в помойку... Всё сжалось у неё внутри, скрючилось, и порвалось... Отчаянье, безысходность, её затаскивают в подъезд, она вопит и брыкается!!! Папа говорит: медведь такой был замусоленный, вот его и порвали дикие собаки. Наташа цепенеет. Жуткое горе!!!

Цирк, клоуны, радость. Новая игрушка. Но тяжесть на душе, так не хватает Миши! Зайка тоже ничего, тоже плюше-

вый, но не коричневый, а серый, ушки внутри розовые. Он хороший, зайка.

Первый класс. Школьная форма, белый фартук, цветы, линейка во дворе. Папа и мама улыбаются и поправляют ей бант на макушке. Первый урок. Много детей. Учительницы такие разные. Всё новое, необычное. Как интересно! Но потом уже – неинтересно, обыденно, обязательно, тоскливо. Утро, промозгло, дождь, небо в серой молочной пенке, она ненавидит пенку на молоке, от неё тошнит, тошнотное небо, серый тошнотный портфель, старые ботинки жмут пальцы. Гадость! Ворота, школьный двор, газон, чахлые деревца, крыльцо, ступеньки, дверь, коридор, раздевалка, снова дверь, ступеньки, коридор, опять дверь, класс, шум, вопли, по партам скачут дети, звонка ещё нет... Гадость! Тошнит как от пенки. И уроки такие нудные! Ну, не все. Арифметика ещё ладно, нужна. Русский там ну и литература – тоже нормально. Но потом появилась история – это что-то не то, неправдиво как-то. Тоска! А география, так вообще – скучища. Но однажды вдруг – радость! Оказалось, что есть живой уголок! Там черепаха Тортилла, морская свинка Королла, и кролик Федя! Теперь школа не так противна! После уроков можно кормить их, играть с ними. Наташа больше всего любит кролика, и весь класс тоже любит Федю. Он такой умный, такой весёлый! Все его дрессируют, он уже берёт барьер как заправская собака, он так смешно скачет за бантиком на верёвочке! Но вот однажды училка объявила им, что живо-

го уголка больше не будет, его расформируют, так как помещение это зачем-то нужно под другие цели. И зверюшек раздают детям. Все, конечно, захотели кролика Фёдю! Училка сказала: будем тянуть жребий. На бумажках написали имена животных, свернули, сунули в шапку. Было много и пустых бумажек. Наташа жутко волновалась, лицо горело, голова кружилась... Долго шуршала ладонью в шапке, её торопили, дёргали. И она схватила какую-то, развернула со страхом... Ой!!! Фёдя достался ей! Это теперь её Фёдя!!! Потрясающее счастье! Все вокруг завопили. Это нечестно – раздавались крики, – почему ей??? Но училка сказала, что дети могут приходить в гости к Наташе и играть с кроликом, если родителя позволят, могут помогать за ним ухаживать. Домой пошли всей гурьбой! Наташины родители удивились, но были не против. Какое огромное счастье! Все сразу захотели дружить с ней! Теперь у неё Фёдя и куча друзей! Вот это да!!!

Вот уже скоро Новый Год! Наверно, Дед Мороз придёт с мешком подарков! Как в сказке! Большой такой красный мешок! И ёлку купили – на балконе пока она. Через пару дней наряжать уже, ура!!! И вот, вот уже! Короткий день, детей поздравили с новогодними каникулами и отпустили домой! Всем классом пошли выбирать подарок Фёде! Он стал такой крупный, такой уютный, ласковый, милый! Купили ему золотистый кожаный ошейник. Подарят в Новый Год, Наташа всех пригласила, всех! Мама с папой разрешат, конечно раз-

решат, никаких сомнений нет! Их, как всегда, не будет дома, они пойдут к тёте Тане, а Наташу не возьмут, как всегда в праздники. В Новый Год Наташа обычно остаётся с наряженной ёлкой и накрытым праздничным столом: винегрет, мандарины, пирожные, чай, и приходит Дед Мороз. Голос у него как у дяди Толи, маминого друга, одинокого художника из соседнего подъезда. Они вместе едят винегрет и пьют чай с пирожными, и Наташа рассказывает ему всё-всё! А он слушает. Подарки всегда одинаковые – альбом для рисования и красивая коробочка с акварельками и кисточкой. Наташа любит рисовать. Так и будет, но теперь к ней придёт весь класс, вот счастье-то!!! Какая же она счастливая!!! Как весело будет!!! Вот удивится Дед Мороз! Он всем принесёт подарки! Интересно, какие?

И она помчалась домой. Забежала в магазин за салатными листьями для Феди – он их очень любит. Мчится домой, мороз дерёт лицо, пальцы ног свело от холода в тесных сапожках, снег под ногами всхлипывает... Дома – тепло, густой вкусный запах. Наташа скидывает пальто и сапожки, и – бегом в свою комнату. Её всегда радостно встречает Федя. Но – где же он? Странно... Федя, Федя, иди скорей сюда, я тебе вкусняшку дам! Ну Федя же!!! Наташа оглядывает комнату. Куда он мог залезть? Стол, шкаф, стул приставлен к шкафу. Он не мог туда забраться. Под столом нет. Под стулом его тоже нет. Почему он её не встречает, что такое? – Мама, папа, где Федя? Мамин голос из кухни – там за столом она,

папа, гости, много тарелок, бутылки, рюмки красиво сверкают, мамин голос: – Не знаю, глянь под кровать, может, там. Наташа нагнулась – а, вот же его уши, голова, Федя, Федя? Молчит, замер. Наташа хватает его за уши, вытаскивает... Какой он лёгкий, что это... Одна голова. Отрубленная голова... Голос мамы: – Иди кушать своего кролика. Вкусный, жирный. Кролики всё равно долго не живут, он был уже старый... Наташа цепенеет от ужаса и горя! Душа – в клочья! Как они могли, доверчивого, нежного, умного, он же любил людей, он был такой родной! И теперь у неё нет больше родного, милого, ласкового Феди, он же был человек, ребёнок, а не зверь, а они там его едят, людоеды, звери!!! Она их ненавидит!!! Ему, наверно, было больно и страшно!!! Феди-на голова лежит на полу, рядом стул, шкаф, всё вдруг стало странно резким, ярким, слишком многомерным. Застывший взгляд, повисшие длинные уши нежного и любимого такого... Наташа стоит в остолбенении. И вдруг – голова Феди подмигнула ей! Наташа в ужасе метнулась на стул, на шкаф, в глазах помутилось, и она рухнула с высоты на пол. Очнувшись в больнице. Сотрясение мозга, сломаны рёбра. Мутная палата, слабый квадрат окна, кто-то входит, выходит, таблетки, то тётка в белом халате, то бабушка, то мама с папой, потом – одноклассники, она всё плохо различала, на тумбочке апельсины, ребята из класса что-то говорят, пакет из золочёной бумаги с подарком для Феди... Она вскрикнула и потеряла сознание... Все каникулы проболела. Потом прогули-

вала школу. Потом все время удирала к бабушке. Папа её забирал, увозил силой, с побоями, с бранью, но она всё равно убегала. И вот, наконец, отчаявшись совсем, решила окончательно и бесповоротно порвать с такой жизнью. Села на скорый поезд и укатила в далёкий городишко. Сначала была мысль приютиться на вокзале. Но там её легко могли обнаружить менты. Нет, нет! Нельзя! Несколько дней она слонялась по улицам, сырым и холодным, засыпанным мокрой листвой. Была поздняя осень. То дождь моросил, то солнце проглядывало ненадолго. Домишки- пятиэтажки стояли буквой П, какие-то они пришибленные казались, облупленные, с глубокими дворами внутри. Встречались редкие прохожие с унылыми лицами. Чахлые газоны. Пустырь. Высокие бетонные стены. Что за ними, за этими стенами? Под одной собаки сделали подкоп. В него Наташа и пролезла. Сама не знала, зачем. Просто от всего в голове была муть сплошная. А там оказался склад каких-то железяк. «Эй, пацан, ты чо тут делаешь?» – мужской голос. Охранник. «Никакой я не пацан!» – обиделась она и стянула с головы чёрную шапочку. Длинные золотистые волосы, потускневшие от стресса и от грязи, рассыпались по плечам. Измученная долгим шатанием по дорогам и пустырям, голодная, испуганная, она разрыдалась. «Ну-ну, этого ещё не хватало!» Так всё и началось. Он был красивый, сильный, ласковый. Он её приютил. Виктор. Имя звучит как вихрь. В постели он и впрямь настоящий вихрь! Новые, необычные, приятные ощущения. Ей хорошо

с ним. Ей уже тринадцать, она чувствует себя совсем взрослой, ему двадцать три. Квартирка у него крохотная, убогая. Потом был Юра, этот в постели – ураган. Так и жила она в далёком городке, чтоб родители не нашли. А потом – в другом городишке, и в третьем. И не нашли её. Найдёшь тут в огромной стране, как же, ведь столько людей пропадает бесследно... А Наташа запутывала свои следы, меняла места, и воображала себя великой конспираторшей и путешественницей. Ей это нравилось! Захватывающая игра! Потом надоело, и она стала вести оседлую жизнь.

Прежнее забывалось, годы летели. Работала в библиотеке и училась в вечерней школе. И однажды летом, в июле, в волшебный цветущий вечер, в воскресенье – она вдруг воскресла и расцвела: случилось чудо! Шёл, жмурился на солнце и улыбался нежно и расслабленно, в майке и шортах, навстречу ей, ОН! Душа встрепенулась! Поравнялись, остановились, и замерли в замешательстве, глаза в глаза... И вдруг одновременно заговорили и расхохотались... Невысокий, мускулистый, загорелый, каштановые густые волосы, светлые глаза. Миша. Её любимое, родное имя с детских лет. У неё два любимых мужских имени: Миша и Федя. От них замирает сердце и горчит во рту. И душа сжимается от чего-то тяжёлого, страшного, осевшего на самом дне подсознания, и нежного. Оказалось, что Миша – москвич, здесь он в командировке. А Наташа никогда не была в Москве, её всё носило по маленьким городкам, в одном она родилась, в дру-

гом жила у бабушки, потом ещё городишки были, где она искала своё место в жизни, своё пристанище.

Голос, вторгся вдруг голос, чёткий, мягкий и властный, вывел её из видеоряда памяти. Голос гипнотизёра:

– Стоп. Расскажите о своих родственниках.

И вот она у бабушки. Очередной раз сбежала из дома и приехала к бабушке. Это близко, час езды на электричке. Раньше это был посёлок, а потом разросся в маленький городок. И вот они пьют чай с вареньем. Наташа жалуется, глотает слёзы: – Ну почему они со мной так, за что, они же меня ненавидят! Бабушка глядит сокрушённо, долго подбирает слова, говорит: – Нет, ты должна понять, им тяжело, ведь очень трудно работать на стройке, трудно и важно, такая ответственная работа – строитель. Они делают дома. Это очень тяжёлый физический труд. Ну ладно, ты уже большая девочка, ты поймёшь. У твоей мамы в жизни не всё просто. Случилась трагедия. Мама любила музыканта, но он бросил её беременную. Папа – он не родной тебе, но очень хороший человек, женился на твоей беременной маме. Он так её любит, и потакает ей во всём. А у мамы развился комплекс жестокости по отношению к тебе – ты очень похожа на того музыканта. Она мстит ему через тебя. Она не виновата, прости её. Она же твоя мать. Родителей не выбирают...

Наташа ахает – так вот в чём дело??? Мои родители меня ненавидят!!! Зачем же они тогда забрали меня к себе??? Зачем они меня мучают, за что, что я им сделала такого, чем

я виновата??? Бабушка вздыхает: – Нет, они тебя по-своему любят, просто все люди по-разному выражают свою любовь. А ты не переживай. Тяжело в учении – легко в бою. Жизнь вообще сложно устроена. Наташа плачет: – Я так не могу, я не хочу так, меня никто не любит, кому же верить? Бабушка тормозит её, теребит, говорит: – Ну-ну, чего ты, я тебя люблю, Бог тебя любит. Хочешь, расскажу тебе про Бога? Но Наташа ничего не хочет слышать, она в отчаянии, она захлёбывается болью и злостью. Она всех ненавидит, всех, весь мир!.. Бабушка печально смотрит на неё и говорит: – Прости их. – Как??? кричит Наташа, – Как? Что значит – прости? Бабушка тяжело вздыхает и говорит: – Знаешь, вот один маленький мальчик, когда его спросили, что такое прощение, дал чудесный ответ: "Это аромат, который дарит цветок, когда его топчут..." –А сама-то что же не простишь? – кричит Наташа.

Яркий свет жжет глаза, воспалённые от слёз, ослепительное злое солнце, как противно, весна, голова кружится, бабушка держит её за руку, они идут в универмаг, навстречу – соседка, та ещё старушенция, бабушка с ней в контрах, соседка кидает косо́й взгляд на Наташу и цедит сквозь зубы: – А, вот, да-а, вся в мать, тоже гулять будет. Бабушка побелела от ярости, глаза её вспыхнули, она сжала губы, Наташа видела, с каким трудом она сдерживает себя. И тут бабушка произнесла спокойно-иронично: «Вот сейчас я выхвачу у себя изо рта вставную челюсть и как запульну тебе прямо в лоб, и

мои новые пластмассовые зубы впечатаются в твою лобешницу!» Наташа хохочет. Наконец-то ей весело! Прикольная у неё бабка! Соседка – бабкина бывшая одноклассница, соперница, они враждуют с детства. А потом в их жизни возник парень, из-за него они сцепились просто зверски! А он метался между ними, как загнанный зверь, то к одной уходил, то к другой, и так всю жизнь, наконец, помер. Это был Наташин дед.

Снова вторгся голос извне:

– Хватит про родню. Что в личной жизни?

Какая нежная, душистая трава! Миша подошёл к стогу сена, сгрёб охапку, и разложил на полянке. Мягко и немного колко, ароматно, приятно! Он обнял её и повалил на эту подстилку. Смешно! Радостно! Расхохотались. Какая нега, какое счастье! Как она его любит! Он целует её щёку, нос, висок, волосы, плечи... Она медленно проводит травинкой по его руке. Он расслабленно улыбается одними уголками рта... Она лежит на спине, смотрит на васильковое небо, на розоватые облака. Вон летит самолёт, такой маленький в глубине небесного купола, серебристый... Самолётик. Миша тоже его видит. Он следит взглядом за белой полосой, которую чертит в выси самолётик, и лицо его грустнеет. Он говорит: – У меня папа был лётчик, дед – штурман, мама – стюардесса. В одной команде летали. Вышли раз в рейс, и всё. Разбились. Меня бабушка растила. Я её очень любил! Наташа вздыхает, и говорит: – Иногда жить только с бабуш-

кой – счастье!

Снова чёткий размеренный голос рвёт картинку:

– Что вы знаете о счастье?

У Наташи перед глазами мелькают события, клочки её жизни, карусель картинок. Губы её произносят: – Счастье тоже иногда бьёт на вылет. А потом – ветер в сквозные раны. Ресницы решётками на глазах. Друзья держат за руку так, что жжёт пальцы. А ты ухмыляешься, шуточки пускаешь. И ждёшь его – контрольный в голову... Но есть и счастливое счастье, – улыбается она.

Они – в маленькой Мишиной квартирке, в Москве, на стене – фото его бабушки в витой рамке, хорошее фото, цветное. Доброе улыбочливое лицо в обрамлении серебристых волос. Бабушка умерла прошлой зимой. Наташа наливает чай, сначала в Мишину фарфоровую кружку, потом себе. Миша нежно поглядывает на жену, пошучивает: – Крепкий. Небось, эликсир молодости. – А то, – подмигивает игриво Наташа. Миша прихлёбывает и говорит: – Итак, подсудимая, вас обвиняют в шарлатанстве: продаже своим клиентам эликсира молодости. Вы уже привлекались к ответственности? – Да, в 1650, 1730 и 1890 годах... – Наташа хохочет.

Осень удивительно солнечная, ясная! Потрясающая осень! Миша наклоняется и поднимает кленовый лист, такой красивый, резной, яркий, красно-жёлто-оранжевый. – Слышишь этот звук, – говорит Миша. – У каждого сухого листа есть своя особая нота. – Миша нежно и задумчиво щурит-

ся. – Своя нота, да, вот этот лист тоже будет тянуть ее в хоре, он будет старательно вытягивать свою тоненькую шейку, – Миша погладил ножку – или шейку? – листа, улыбнулся одними уголками рта ласково, и произнёс: – А знаешь, ведь всю весну и все лето, на ярком солнце и под дождем, лист учился шуршать и ждал, когда мы с тобой придем, ранней осенью, послушать его торжественное выступление. Он даже нарядился в лучший парадный костюм – чтобы среди хора соседей его голос не потерялся и был нами отмечен. Хочешь услышать хор листьев? – В Мишиных глазах тает нежность. – Давай станем их дирижерами! Давай пойдём сейчас туда, вон по той аллее, видишь, как она засыпана листвой! Какой замечательный у нас парк! Как поют для нас листья под ногами!!!...

Миша обнимает Наташу за плечи, притягивает к себе, целует. Радость, нежность, счастье переполняет её! Он такой романтик, её Миша! Он потрясающий! За что он её любил? За длинные ноги? За пушистые золотистые волосы? Или за тонкую талию? Вот они в гостях, на диване лежит красивый кожаный ремешок – красный со стразами, короткий, изящный, так хочется примерить, Наташа берёт ремешок, вертит в руках, и застёгивает его на талии. Хозяйка округляет глаза: – Ты что, это же ошейник Лимы! Да, Лима бы возмутилась и даже, может быть, куснула, но хозяйкин долматин сейчас на даче.

Утро, мягкий золотистый свет наполняет комнату, какая

нега! Горячая мягкая ладонь мужа скользит по Наташиному бедру. Она не спешит открывать глаза. Она и так всё видит, она утопает в блаженстве, в счастье, в радости! Сейчас, вот, вот, о-о-о... А потом – душ, крепкий кофе с пирожками – она напекла их вчера... А потом – вместе на работу, в НИИ. Миша устроил её в свой отдел лаборанткой. Они всегда вместе, как попугайчики-неразлучники... Маршрутка битком, утро, Миша обнимает её, шепчет на ухо милые глупые словечки, она расслабленно улыбается. Вот родное НИИ, проходная, вахтёр, большое фойе с зеркалами, лифт, коридор, лаборатория. Все уже в сборе, но приниматься за работу не спешат. На стене – большой красивый календарь с бордовыми цифрами: 1989, на картинке – Кремль. Лаборант из соседнего отдела – балагур Толя – рассказывает очередную забавную историю из жизни одного засекреченного НИИ: – «Был там один «товарищ», ответственный за политическую пропаганду, Духаст Вячеславыч. Пробитый до костей идеологический коммунист, главный стукач и провокатор. Всем сотрудникам отдела жизнь отравлял. Но случился жуткий нонсенс, инженеру-разработчику одного из этих самых секретных НИИ удалось сбежать в Израиль. Начались разборательства, «полетели» погоны. А через некоторое время на адрес НИИ из Израиля приходит конверт. Тем, кто не знает: для посылки корреспонденции в подобные организации в качестве адресата указывался город и номер абонентского ящика. И больше ничего, письмо попадало на почтамт, да-

лее какими-то «своими» способами доставлялось куда надо. Собственно, отсюда и пошёл термин «почтовый ящик», применявшийся к разного рода секретным объектам. А в данном случае на конверте был написан реальный адрес, и даже более того, лично указан получатель – Духаст Вячеславич. Надо ли говорить, что в этом заведении вся корреспонденция, а уж тем более зарубежная, в обязательном порядке проверяется ГБ'шниками из первого отдела. А в том самом конверте лежала открыточка примерно с таким текстом: «добрался нормально, устроился по вашей рекомендации, Духаст Вячеславович, благодарю, что помогли мне сбежать, когда сами вырветесь из этой советской помойки, обязательно заходите, адрес вы знаете, в долгу не останусь». Об ужасах, которые происходили с Вячеславичем, дальше неизвестно, но с тех пор этого идеолога-стукача больше никто не видел. Ха-ха!» Все хохочут, а Наташа сквозь смех выдавливает: «Хорошо, что наше НИИ не секретное, стучать нет смысла». Миша бросает на неё взгляд, полный желаний и ласки. А Наташу переполняет утренняя нега, она вся словно тающая на солнце бело-розовая шоколадка, сказочная такая, сияющая шоколадина, очень вкусная! Такой она себя ощущает, и ещё чувствует какое-то особенное блаженство и томление, словно внутри неё что-то происходит. Она ещё не знает, что беременна...

– Хватит, – прерывает её голос извне. – Пропустим 89-ый год. Что было в девяностых?

А в девяностых начался кошмар! Не сразу. НИИ закрыли, здание кто-то купил, оно было в центре города. Все остались без работы. Наташа сидела с Феденькой, малыш часто болел. А Миша метался в поисках заработка. То он «бомбил» на машине друга, с которым они раньше в НИИ работали. То носился по городу курьером. То – в новом китайском ресторанчике подавал суши. Но работу перехватывали более молодые и борзые. В основном – студенты. Миша же не выпался из-за бесконечных воплей малыша, он ночами сменял измученную Наташу. Вспоминать об этом не хочется. Усталые, голодные, в тесной маленькой квартирке, они были в отчаянии.

– Хватит. Что потом? – раздался чёткий голос гипнотизёра.

А потом была огромная, неописуемая радость! Их старый дом решили снести, и всем выдали документы на заселение в новые квартиры, и им тоже – в просторную, чудесную двушку в новом доме! Они давно уже стояли на очереди. В их пятиэтажке жили врачи, учителя, инженеры, научные сотрудники. А здание было ветхое уже. Радость, счастье!!! Праздновали всем домом! Но случилась беда – переворот. По Москве мчатся танки! Шёл 91-ый год. Ужас! А у них на руках малыш, Феденьке всего полтора годика. И вдруг...

– Не надо, пропустим. Что дальше? Что было хорошего? Лето! Дача! Красота неописуемая! Трава некошенная по пояс, разноцветье! Ой, какие разные цветы, вот же, вот, ой,

тут и мелкие жёлтенькие соцветья, и бордовые с высокими липкими стволами, и большущие пушистые «солнышки», и лазоревые, да это же просто чудо! А какие запахи вокруг, как потрясающе дышится! Феденька подрост, такой маленький крепенький грибочек в белой панамке, бегают, перебирает ножками в красных сандаликах! Ему хорошо, вольготно! Серые растрескавшиеся брёвна избы нагреты солнцем, дощатое крыльцо залито ослепительным солнечным светом, так приятно сидеть на высоких горячих ступенях! А, вот за калиткой желтое платье мелькает: -Эй, хозяйева! Принимайте гостей! – Лена со своим малышом Димкой. Из соседней дачи. Лена низенькая пухленькая брюнетка, смуглая, с большими карими глазами и полными губами, она машет большой, как лапа, ладонью, улыбается, распахивает калитку, заходит в палисадник. За ней подпрыгивает на бегу её малыш. Наташа вскакивает, ставит самовар, накрывает деревянный стол в саду. А Лена не с пустыми руками, она гостинец принесла – торт, сама пекла. А вот и Петя, муж соседки, входит, высокий худощавый, узколиций шатен с мелкими чертами лица. Тут же Миша появляется из сарая – он там мастерил что-то. На столе возникают вино, салаты, бутерброды. Малыши играют в песочнице. Взрослые захлёб болтают. Как хорошо! Мужчины – о своём, женщины – о женском. Голоса то взлетают одновременно, сплетаются мужские и женские, то ниспадают, затихают. Наташа всё больше слушает, а Лена шепечет: – Вот, говоришь, вещи, любимая кофточка, а

ведь всё не просто так! А знаешь, ведь в каждом, абсолютно в каждом шкафу прячутся – думаешь, скелеты? Ха-ха-ха! Нет, вовсе не скелеты, а вещи, и у них поразительная энергия! Да-да, что смеёшься? Зря! Нет, правда, прикинь, ведь и у тебя, наверно, есть какое-нибудь невезучее платье. И ты на него проливаешь всегда что-нибудь, ну, кофе, коньяк, роняешь еду. Есть ведь? Или какие-нибудь проклятые брюки, в которых ты ни за что не отправишься на важную встречу. А, киваешь, ну да. Вот у меня была классная белая блузка с вырезом на спине и металлическими вставками на воротнике, привезли ее мне родители из какого-то путешествия! Она подходила и к джинсам, и к юбкам и, кажется, круто смотрелась бы даже со скафандром. Блузка была этаким тотемом для меня и моих друзей. Да-да, этакий магнит, веселье притягивала, это точно! – Лена размахивает руками, энергично кивает в такт словам. – Да нет, правда, ну, такого можно ожидать, например, от яркого платья. Или от карнавальной маски, от каблуков, так ведь? Но Великий Бог Одежды вдохнул энергию, почему-то, именно в эту блузку. Каждый раз, когда я надевала её, жизнь начинала кипеть безумными событиями, и такое было, вау! Ну, прикинь? Нет, представь себе! И вот этот круговорот безумного веселья продолжался где-то около года, и закончился так нелепо и печально! Блузку прожгли сигаретой, и магия исчезла. А ещё, было у меня ужасное: туфли, которые мстили...

– А у меня было платье, широкое и длинное, голубое! –

прервала её излияния Наташа. – Для церкви. Мы с мужем решили покреститься, я тогда беременна была, носила Феденьку, и очень боялась родов. И крестилась я в этом платье. А Миша – в сером костюме. А потом мы и Феденьку окрестили, когда ему годик был.

– Девчонки, хватит болтать, подставляйте бокалы! – прервал Ленину болтовню Миша.

Вино в хрустальных бокалах – словно жидкий рубин, в котором растворилось багровое закатное солнце. А рядом на большом плоском блюде – бутерброды с мелко нарезанной зеленью изумрудно-хризопразных оттенков! Красотища неопишуемая! Наташа любит, отпивает вино терпкое и нежное, откусывает бутерброд. В уши вливается гомон птиц, жужжание пчелы, бархатный баритон соседа: – Вот тоже случилось со мной прошлым летом. Полнолуние, душная ночь после знойного дня, не спится. Вышел, решил искупаться, пошёл. Иду, дорогу-то прекрасно знаю, но тут ночью всё как-то иначе видится, интересно так, красиво. Короче говоря, иду я по дороге, и вдруг откуда ни возьмись кошка. Иду, и кошка рядом бежит, не отстает. Ну, думаю, если она за мной так и назад побежит, коль увязалась, покормлю её дома. Обычная кошка, средняя, не худая и не толстая, уши серо-полосатые, еще пятна на боку и на ноге белые. Дохожу я до поворота на берег, и тут мне открывается картина. Мужик, огромный, голый, очень волосатый, в волосах курчавых таких мелких, густых как шерсть, голова лысая, стоит прямо

передо мной и тяжело так дышит, а глаза бешеные. Я остановился как вкопанный, думаю, что это? Кто это? В шоке произнёс: "Мужик, ты чо голый?" На что мужик заорал что-то вроде "Ъааааааааа", и весь затрясся, и скрюченные руки ко мне потянул. Я перепугался и помчался обратно, потом вспомнил про кошку, вроде никто не гонится, оборачиваюсь и вижу, что кошка напротив него сидит, там, где мы и стояли, и мужик этот стоит. Я кричу "беги!!!", потом понимаю, что кричу это кошке, и начинаю истерично, так, что чуть язык не оторвался, "кыс-кыс-кыскачь", кошка повернулась и за мной побежала. Смотрю: рядом кошка бежит и совсем не отстает, а бегаю я отлично, очень быстро. Только я уже успокоился, что это просто псих какой-то, как вдруг слышу – он за нами мчится! Несётся, и орать начал. Слышу по крику, сейчас догонит! Ну, всё, думаю, конец! Понял – это не мужик, а нечисть потусторонняя! Ноги стали как ватные. Бежать не могу больше. Кошка чуть дальше пробежала и как рванула круг обратно, и на этого мужика, который уже догонял. Когда он увидел, что кошка на него несётся, то так резко тормознул, что упал. Потом вскочил и ну на кошку орать, а та подбежала и тоже на него орёт, именно орёт, ну как вот коты под окнами вопят. Это было как "мяу-рррраааауууууууу". И тут вдруг она стала на него шипеть и бросаться! Мужик замолк и попятился назад. Странно, что он испугался кошки. Кошка зарычала, а мужик развернулся и побежал обратно. Я оглянулся тут, смотрю – кошка исчезла. Звал её, звал – без

толку. До сих пор не пойму, что это было. Но явно, кошка была чем-то вроде Ангела-Хранителя, а мужик был демонический...

– Ой, ну что ты на ночь глядя вспомнил! – прервала мужа Лена. – Давайте что-нибудь веселенькое, анекдоты, что ли.

– А до ночи ещё далеко!..

Хорошее было лето, жаркое, радостное, яркое! И казалось оно таким долгим, таким счастливым! Всей компанией загорали и купались. Мужчины вбивали колья для тента глубоко в белый кварцевый песок пляжа. Накупавшись, сидели под навесом тента, пили самодельный квас – густой, шипучий, из бутылки вырывалась мощная пенистая струя, не успевали подставить кружки, хохотали. Закусывали бутербродами с колбасой, с сыром, с салом домашним – купленным в деревне, розовым, с чесночком и перчиком сало-то, вкуснотища невероятная! И ожидали ещё большего счастья – в конце лета будет новая квартира! Их должны уже заселить! Ах, как радовалась Наташа! Глаза сияли, лицо – словно розовый фарфор, она вся искрилась, и шла к воде танцующей походкой, такая тонкая, гибкая, длинноногая! Вечером играли в волейбол. В пасмурные дни они ходили за грибами. Наташа их столько насолила, намариновала! Уйма грибов была!!! Почти каждый день ели рагу с лисичками, суп из белых, салаты с сырыми рыжиками! Но вот и лето кончилось. Радостно подъехали они на такси к своему дому, и удивились. А потом просто опешили! На стенде возле подъ-

езда, и на дверях их квартиры висели уведомления о том, что все жильцы должны покинуть помещение в течение месяца. Как, что такое??? Побежали к соседям. И вот же!!!!
Счастье, которое уже пришло к Наташиной семье и ко всем жильцам их дома, оказалось миражом. Ведь им уже как бы дали новые квартиры – только документы на них жильцы не получили, а на старую жилплощадь уже были расторгнуты с ними все договора. «Вот видите, дорогие мои», – сказала соседка Инна Алексеевна, пожилая профессорша, высокая, крупная, с волосами типа пенных барашков на гребне морской волны, в розовом домашнем костюме, – «из-за этого мы и не можем въехать в новое жильё. По бумагам-то нам как бы дали новые квартиры. Но договоров-то нет у нас, не дают их нам. Таковы махинации с документами, и теперь все мы стали бомжами. Нас через месяц выселят отсюда в принудительном порядке». Наташа охнула, и зарыдала. Феденька удивлённо смотрел то на плачущую маму, то на изумлённого папу, то на поникшую соседку, и ничего не понимал. «Главное, от нас скрывают адреса наших новых квартир, в которые нас как бы переселили», – продолжала профессорша, – «а эти наши дома уже перевели в нежилой фонд. Что ж, будем бороться, наша общественность уже подала заявление в суд! Выйдем в пикет, в конце концов! Будем бороться!» Миша произнёс мрачно: – «А смысл? Вы просто оптимистка. Всё бесполезно. Суды куплены. А пикеты бессмысленны». Он погладил по волосам плачущую жену, ласково

прижал её к себе, и сказал: «Не реви. Я что-нибудь придумаю. Мы выберемся. Ты мне веришь?» Наташа кивнула, подавляя рыдания. «У нас ещё месяц в запасе», – сказал он. – «Целый месяц! Ну я же у тебя не идиот! У меня есть план». Наташа уткнулась в плечо мужа и пробормотала: «И давно у тебя план?» – «Давно, родная, давно. Я конкретно обдумал, но не решался. А теперь – всё, выхода нет! Надо!» – И он нежно поцеловал жену в мочку уха.

Поздно вечером, уставшие от долгой дороги, от переживаний, от срочной уборки, которую наскоро вдвоём они сделали, уложив Феденьку спать, (весь пол был засыпан обвалившейся штукатуркой), они устроились на тахте перед телевизором, обнявшись, и так вдруг тихо стало на душе у них, так уютно и спокойно. Миша принялся рассказывать: «Вот мой план, родная. Я возьму кредит, купим квартиру в спальном районе, двушку, по ипотеке, а на основную сумму откроем свой магазин. Небольшой, и цены у нас будут вполне доступные. Я всё рассчитал. И квартиру присмотрел. Там рядом сдаётся в аренду помещение не очень дорого, вот мы и откроем магазин. И ещё машину купим». Наташа вздохнула и улыбнулась.

Уже через пару недель Наташа, сияя от счастья, обустривалась в новой квартире. В небольшой уютной двушке. Рядом с домом был двор с детской площадкой, чуть дальше – лес и два пруда, и тут же недалеко продуктовый магазинчик, а по близости было то, что Миша собирался арендовать, а

ещё левее через улицу – поликлиника. Всё ей очень-очень нравилось. Миша купил подержанный автомобиль – тойоту серебристого цвета. Потом они вместе нашли по интернету консультантов. Наобум открывать своё дело рискованно, нужен совет, и не один. Встречу назначили в кафе на Арбате. Взяли с собой Феденьку. Не оставлять же его одного дома. Конечно, вышло так, что пришли заранее. Неспешно прогуливались, разглядывая ларьки и магазинчики с сувенирами, посматривая на художников, продающих свои картины. Интересно! Феденька устал, закапризничал, и они пошли в кафе. Время ещё было. Заказали жаркое и сок. Апельсиновый – для Феденьки. А себе взяли кофе. Но вот и назначенное время. Консультантов было трое. Молодая эффектная брюнетка Фаина в бордовом мини-платье и высоких белых сапогах на больших каблуках появилась первая, следом прибыл Игорь – коренастый шатен лет тридцати пяти, и почти одновременно с ним – Марат, высокий, тонкий, с кисточкой маслянистых чёрных волос на макушке и с бородкой, с виду лет так под сорок. Познакомились, уселись за столик, и все почему-то заказали одно и то же – пиццу и пепси. Наташа удивилась. Первой стала говорить Фаина: – «Прежде всего вам необходимо составить бизнес план. Не забудьте продумать расписание работы, форму и заработную плату для сотрудников, название магазина, и для кого будет рассчитан товар...» – она говорила громко, с апломбом, то и дело поправляя длинные пряди волос, спадающие ей на гла-

за. – «Подумайте, какую именно одежду вы хотите продавать: новую, импортную, секонд-хенд, или ещё что. Когда вы продумаете все детали, можно приступать к написанию бизнес плана, который поможет вам получить кредит в банке». Миша улыбнулся: – «Кредит уже получен и частично потрачен». Тут вступил в разговор Марат. Его голос словно резал воздух:– «Сначала надо открыть сайт, потом заключить контракты с поставщиками, нанять команду и раскрутку своего бренда, главное – придумать название своего магазина, снять помещение, взять в аренду оборудование, и нанять, это важно, обязательно, слышите, нанять руководителя проекта, чтобы он подобрал нужную команду и курировал её. Руководителем проекта могу стать я. Настоятельно рекомендую. Большой опыт». Миша отхлебнул кофе, и взглядом пригласил к разговору Игоря. Тот начал с безмятежным видом: – «Лучший друг продавца одежды – зеркало в пол. Покупатель заходит, видит свое отражение и, как правило, остаётся им недоволен. Ведь покупатель идёт на шопинг, как в бой, надев не то, что красиво, а то, что удобно. Естественно, когда он оценит свои данные на фоне царящей вокруг красоты, ему захочется самому стать краше, и поэтому он купит обновку». – Игорь флегматично растягивал слова и поглядывал на Наташу. Тут Феденька сполз со стула и принялся бегать по залу. Миша допил свой кофе, поблагодарил консультантов, расплатился с ними, и попрощался. Ничего нового он от них не узнал. Так закончился этот день. Свечерело.

– Так, пропустим подробности, – голос гипнотизёра прервал этот видеоряд Наташи. А она так глубоко в него ушла, она почти полностью переместилась в те мгновения своей новой, счастливой жизни, полной надежд и всего-всего самого замечательного! Тот день казался ей очень важным, самым необычным, поворотным в её судьбе, началом новой эпохи, и поэтому она так хорошо его помнила, во всех подробностях, а консультанты представлялись ей тогда чем-то вроде Ангелов-проводников в новую сияющую жизнь. С этого дня жизнь её словно замедлила свой бешеный бег, тормознула, свернула на ровные рельсы и покатила размеренно и смело.

Кредит, который взял Миша, лихо таял. Феденьку определили в дорогой детский сад – с английским языком, с развивающими практиками, с бассейном. А сами они взялись за обустройство своего будущего магазина. Здание оказалось убогое, одноэтажка без дверей, в ней бытовали бомжи. Но зато и аренда не дорогая. Бомжей выселили, дверь поставили, окна заменили. Сделали ремонт своими силами. Проводка была вырвана с корнем, а цементный пол кишел тараканами. Вызвали электриков из соседнего строительного вагончика. Пришли два рослых белоруса в засаленных спецовках – Алесь и Глеб. Оглядели помещение, переглянулись и хмыкнули. На их лицах читалось: убогое местечко. Глеб раздавил носком сапога пробегающего мимо таракана и сказал: – «А вот способ от тараканов есть знатный. У нас в сто-

ловке, где обедаем, коробки из-под масла "Рама" остаются, так мы берём те коробки – они намащенные сплошь, мы их на ночь в вагончиках ставим. На утро там внутри в них куча дохлых тараканов сплошь! Хошь, завтра притараним вам коробку?»

Вскоре проводка была сделана, тараканы изгнаны, и Миша с Наташей занялись поисками складов дешёвой одежды по интернету. Более приемлемой по ценам и по качеству оказалась одежда, сшитая в Киргизии и в Белоруссии. Присмотрели ещё китайские и турецкие вещи. Но сначала надо было заказать стеллажи, витрины, полки. Наташа просто сбилась с ног, ведь именно она занималась этой частью работы.

И вот настал знаменитый день – день открытия их собственного магазина! Большие светящиеся буквы – «ОДЕЖДА ДЛЯ ВАС!» бросались в глаза, всё было в воздушных разноцветных шарах, вывеска – «МЫ ОТКРЫЛИСЬ» и радостная музыка, а на крыльце стояли улыбающиеся Наташа и Миша. В целях экономии они решили работать пока сами. А уж когда чуть раскрутятся, то и продавцов наймут. Денег вложили немало, оставались лишь гроши на жизнь. Но в первый день никого не было, на второй заглянула старушка, она долго перебирала вещи, ничего не купила, и ушла. На следующий день забежали школьники, потом – женщина с ребёнком, она купила носки. В общем, первая неделя оказалась сплошным разочарованием. Потом лишь изредка кто-нибудь заглядывал к ним. И вдруг как-то раз вошла шумная

восторженная дама лет пятидесяти, принялась ходить и ворошить полки, всё ей очень нравилось. Особенно поразили её цены. Они были довольно низкие. Дама купила две дешёвые блузки, трусы, свитер, и принялась названивать подругам. С этого дня покупатели стали появляться намного чаще. Вечером Наташа провела ревизию товара, и оказалось, что кое-что у них спёрли. Такие потери стали происходить регулярно, уследить было невозможно. Наташа жутко расстраивалась и плакала, удручённый Миша долго пытался успокоить её. Что ж, нужен ещё человек, хотя бы один. Так уследить за товаром будет проще. Но денег не хватало. И Миша дал объявление, честно написав, что оплата будет пока очень низкая, но в дальнейшем она будет расти. Никто не отозвался. Но однажды, когда Наташа была занята кассой, а Миша складывал блузки на стеллажах, хлопнула входная дверь, и низкий голос произнёс: – «Я по объявлению, ваш новый продавец!» Это прозвучало так неожиданно и резко, что они одновременно вздрогнули и подняли глаза. И увидели даму лет за пятьдесят. На крупном, наподобие большого пузыря, туловище блестела распыленная золотого цвета куртка с серебряными звёздами. Круглое лицо с очень узким коротким подбородком обрамляли волосы типа тонкой лески, всё это венчала серебристая бейсболка. Несоразмерно длинные и тонкие, как соломинки для коктейля, ноги были обтянуты золотистыми лосинами, на огромных ступнях размера этак сорок пятого сияли серебристые башмаки. Дама вся блесте-

ла, и была очень сильно накрашена. Веки её были золотые, а помада – бронзовая. Наташа слегка опешила. А Миша произнёс: – «Но у нас очень низкая оплата, вы в курсе?» Дама усмехнулась, взмахнула серебряной сумочкой, и произнесла: – «А мне без разницы. Деньги меня не колышут. У меня их предостаточно. Просто мне ску-у-учно! Надоело дома торчать, хочу общаться. Я тут живу вон в том доме, в двух шагах, мне удобно. Берите меня, я вам очень пригожусь». Миша не слишком долго думал. Выбора-то ведь нет. И он сразу взял её в штат. Она не спеша разделась – под курткой тоже всё блестело. На огромных, как ласты, ладонях были золотые звёздочки, на пальцах – золотые перстни с бриллиантами, на шее – подвески того же типа. Дама тут же плюхнулась в кресло и принялась говорить – голос низкий, с хрипотцой: – «Ничего, что я буду курить? Ну, я буду выходить на крыльцо, чтоб не дымить тут. Меня зовут Сюзанна, можно Сюзи. А фамилия Паоло. Просто мама моя была переводчицей, гидом, с иностранцами работала, влюблена была в одного итальянца, его звали Паоло, а может и не итальянец, у мамочки много романов было, ну и назвала она меня так, имя его в виде фамилии мне прицепила. Это было при СССР, маму посадили за связь с иностранцами. Такие жуткие были времена! Я ведь ещё той формации личность, в то время росла, а эпоха была строгая в СССР» Она встала, порылась в вещах, прошлась по залу, пересмотрела всё, что висело и лежало, и выдохнула: – «Какая прелесть! Какие цены! Нет,

я себе тут кое-что куплю. Вон ту мини с блёстками». Потом покурила на крыльце, вернулась, и снова заговорила: – «А вы всё это на машине привозите? У вас какая машина? А я, когда права получала, у меня перед выдачей водительских прав ГИБДД зачем-то затребовала справку, что я не беременна. Ну, с ГИБДД спорить не принято, да и бесполезно. Я сходила в поликлинику и вернулась оттуда со справкой. Читаю: "Гражданка Сюзанна Генриховна Паоло, паспорт номер такой-то, не беременна. Справка действительна в течение 3-х лет!» Тут в магазин вошли две девушки. Сюзи тут же пристала к ним: «Девчонки, какие вы красивые! Тут много интересного есть, как раз для вас! Вы, наверно, ночные клубы любите? А у меня знакомая, когда едет в ночной клуб, берет с собой кусок обоев, чтобы, когда с мужем по скайпу говорить, на фоне обоев была. Вроде как она у подруги, а не в клубе. А вы что с собой берёте?»

В общем, Сюзи оказалась чрезвычайно общительной, легко контактила с покупательницами, и продажи пошли шустрее. Воровство прекратилось. Видимо, вору обалдевали при виде Сюзи и забывали, зачем пришли. Одно лишь беспокоило – Сюзи выпивала. На работу приходила ещё в норме, но потом всё прихлёбывала и прихлёбывала коньяк из фляжки, становилась всё веселее и веселее, и ближе к концу рабочего дня уже едва держалась на ногах. Но с ней было интересно, она внесла разнообразие в жизнь магазинчика, живость. Появились постоянные покупатели, которые приходили пооб-

щаться с Сюзи, и заодно что-нибудь приобретали. Миша расширял ассортимент. Бизнес стал приносить ощутимый доход. Наташа привязалась к Сюзи. Они ходили в гости друг к другу, вместе гуляли в лесу по выходным, играли в бадминтон летом, ходили на модные показы. Сюзи знала массу занятных историй. У неё была куча приятельниц, но ей было всё мало, хотелось ещё нового и нового общения. И это общение она полностью получала в магазинчике, который стал пользоваться популярностью. Покупателей хватало с лихвой. Обслуживать стало труднее, и на работу взяли ещё двух человек: Гульмиру – она приехала из Киргизии, тонкая, подвижная, с блестящими чёрными волосами, густыми и гладкими, схваченными в хвост, черноглазая, юркая, она напоминала ящерицу. И Степана – тот был из Смоленска, большой, квадратный, с рыжеватой копной волос и с серьгой в ухе, этакий увалень, его взяли охранником. Сюзи мгновенно подружилась с обоими, и сидела в своём любимом кресле, добродушно покрикивая на них: – «Гуля, ты что, не видишь, с вешалки куртка свалилась, повесь! Стёпка, передвинь ящик». «Я что, грузчик? Я охраной ведаю» – отвечал флегматично Стёпа. «А я вот ща как пну тебя, охрана! Ты всем тут ведаешь по совместительству», – весело задиралась Сюзи. – «Не пнёшь», – отвечал Степан, – «С чего это меня пинать?» «Ёжик птица гордая, пока не пнёшь, не полетит», – резюмировала Сюзи. Тут вошла новая покупательница, унылая девица с длинным носом. Сюзи заинтересован-

но воззрилась на неё, и спросила :– «Девушка, почему такой кислый вид? Улыбнись и купи себе вон ту бейсболку, сразу весело станет». Девушка мрачно глянула на эту странную тётку, и промямлила:– «А у вас бывают чёрные полосы в жизни? «Плевать я хотела на чёрные и белые полосы. Я иду по своей, фиолетовой!» – воскликнула Сюзи, встала, подошла к стеллажу, сняла с полки бейсболку и нахлобучила её на девушку. «А теперь глянь в зеркало, дорогуша!» – Сюзи подтолкнула её вперёд. Девушка заулыбалась. – «Ну что, берём шапочку? Классная вещь, да? Иди на кассу», – скомандовала Сюзи, и девушка послушно отправилась оплачивать покупку. День двигался к концу. Стёпа и Сюзи вышли покурить. Курили и болтали. Потом на крыльцо вышла и Наташа, – отдохнуть и развеяться. Так они стояли, перебрасываясь словами, Наташе нравился запах дорогих сигарет, которые курила подруга и угощала ими охранника. Вскоре к ним подошли какие-то рабочие. Один сказал: «Тут обрыв кабеля 6кВ, он у вас проходит под землей с торца здания, аккуратно под пристройкой, ведущей в подвал. Будем искать». – «Ну, ищите», – сказала Сюзи. – «И как это будет?» – поинтересовалась она. Рабочие показали деревянную палку полтора метра длиной. Поставили её на асфальт, младший из них прислонил другой конец палки к уху и напряжённо стал вслушиваться. Сюзи удивилась: – «Вы что, шаманы?» Те шикнули на неё. Степан вполголоса пояснил: – «Не, это техника на грани фантастики. Просто в кабель с подстанции подаются

высоковольтные разряды, и в месте обрыва получают микровзрывы. Вот звуки этих микровзрывов они и выслушивают. Палкой. Точность определения обрыва – двадцать-тридцать сантиметров. Я сам в Смоленске так работал. Но платили гроши. Там везде гроши платят. А у меня высшее образование, но все одно». Наташа спросила:– «Стёп, а у тебя есть семья?» «Да, дома, в Смоленске, жена, дочка, тёща», – ответил он. – «Дочка забавная такая. Светочка. Шесть лет. Ходил с ней ёлку. Она увидела Деда Мороза, и захотела сфоткаться с ним. Тот ответил, что фото с живым Дедом Морозом сто рублей стоит. – А с мертвым? – спросила дочь». Они расхохотались. «А у меня сынуля, Фёдор», – сообщила Наташа. Сюзи притушила сигарету о угол стены, и сказала: «Знаю-знаю. Кстати, имя Фёдор греческое, означает Дар Божий. То же самое, что у нас Богдан».

Дни и годы летели стремительно. Всё было хорошо, одно напрягало – Сюзи и Фёдор любили выпить. Иногда в конце рабочего дня так назююкивались, что не могли выйти на крыльцо и курили прямо в магазине. Наташа с Мишей и Гулей чуть ли не силой выставляли их за дверь.

И тут новый вираж сделала жизнь – хозяин взвинтил арендную плату. Да ещё намекнул, что подумывает о расторжении договора. Видимо, магазинчик ему самому приглянулся. Тогда Миша сказал жене: – «Любимая моя, родная, у нас уже столько денег, что вполне хватит выкупить магазин». Поговорили, всё взвесили, решили так и сделать. Миша по-

ехал на переговоры с хозяином. Тот загнул цену на здание. Но это ладно, средств хватает. А вот землю под ним продавать он наотрез отказался. Но что толку в доме без земли, какой смысл? В любой момент хозяин может согнать с неё. Тогда на переговоры отправились Наташа и Сюзи. На Сюзи была вся надежда, она с кем хочешь договорится. Встречу хозяин назначил в дорогом ресторане. Наташа тщательно подготовилась, сделала скромный макияж, надела деловой костюм и чёрные туфли на небольших каблучках, ей это очень шло. А Сюзи, как всегда, блестела, сверкала, и была чуть пьяна. Ресторан находился в центре. Миша подвёз их на своей тойоте, и остался ждать в соседнем кафе. Наташа достала из сумочки мобильник и позвонила хозяину. В ответ прозвучал мягкий баритон: – «Здесь восемь залов и веранда. Предлагаю веранду». И вот они вошли. Сентябрь выдался нежный, насыщенный, изысканный, он вполне гармонировал с верандой, увитой цветами и сплошь обставленной пальмами. Их встретил мужчина лет тридцати пяти. Это был весьма упитанный кареглазый шатен с ямочками на щеках. Он иронично улыбнулся, в глазах заиграл азарт. Скользнул взглядом по Сюзи, задержался на Наташе, усмехнулся. – «Присаживайтесь, девчата. Я, как вы уже знаете, Дмитрий Александрович. Для вас – просто Дима. Что будете заказывать?» Сюзи сразу заказала коньяк, а Наташа – капучино с мороженым. «О, не густо», – заметил он, – «может, что-нибудь ещё?» Наташа отодвинула меню и сказала: – «Давайте сразу перейдём

к делу». «Ну, к делу, так к делу» – ответил Дима. – «Люблю деловых женщин». Он нагнулся, взял Наташину ладонь и поцеловал. – «На этих пальчиках не хватает бриллиантов, но это можно исправить», – сказал он и подмигнул. Тут в разговор вступила Сюзи: – «Самым лучшим бриллиантом для нашей Наташи будет земля под нашим магазином. Она, судя по вашему упорству, бриллиантовая. Может, там местный Клондайк?» – и она тоже подмигнула. Дима захохотал. – «Браво!» – сказал он, – «дамы пошли в атаку». Сюзи открыла рот, и уже не умолкала, она всё больше напивалась, а Дима придвинулся к Наташе вплотную и положил руку ей на коленку. Наташа тут же скинула его ладонь, но через некоторое время всё повторилось. Он зашептал ей на ухо комплименты. Потом сказал, что готов уступить землю, и даже не баснословно дорого, но она, Наташа, ему очень нравится, и она, конечно, понимает, если не дура, а дур он не любит. Сюзи, оглушённая алкоголем, вскричала вдруг: – «Наташка, лови момент! Что, тебя убудет, что ли? Давай!» Наташа поморщилась и с деланным жеманством произнесла: – «Фи, какой моветон! Не ожидала от вас, Дмитрий Александрович!» И быстро отодвинулась от него. Дима хохотнул и произнёс скороговоркой: – «Ах ты, жгучая льдина! Ну, ладно, ладно!» Тут Сюзи подмигнула ей и горячо зашептала на ухо: – «Наташка, сейчас поворотный момент! Судьба магазина решается, и судьба всех нас! Неужели ты нас подставишь?» Наташа нахмурилась: – «Ты на что меня толкаешь?» – так же шё-

потом ответила она, – «на измену Мише? Ты что, с ума сошла? Я люблю Мишу!» Сюзанна хохотнула: – «Да ты совсем отсталая? Разве это измена? Измена – это штука душевная, это когда совсем уже. А тут – всего лишь тело, и на миг. Тело – это только инструмент. Ты что, не понимаешь простых истин, что ли? А на вид такая современная. А мыслишь – как из дремучих веков всплыла! Родной магазин гибнет!»

В конце концов, Наташа сдалась. А что оставалось делать? Пришлось пожертвовать собой ради родного детища. Договорились на четверг.

Встреча состоялась в гостиничном номере. Наташа шла туда с неприятным, очень тяжёлым чувством. Но не с омерзением. Её сопровождала Сюзси. Обе они настояли, чтобы сначала была подписана дарственная на землю. А потом пили, танцевали, травили анекдоты, после чего Сюзси спустилась в бар, а Наташа пошла в душ. Дальше всё произошло стремительно, за несколько минут. В этом даже был некий экстрим. Наташа развеселилась. И они вместе спустились в бар и присоединились к пьяной Сюзси. Дима придумал ей прозвище: Сюзюка-Алказюка.

Всю удачу мероприятия Сюзси приписала себе. Она искренне считала, что благодаря собственной дипломатии и уму именно она провернула эту выгодную сделку, и весьма красочно, с большой долей фантазии, по-своему рисовала это важное событие. В её пересказе Наташа была лишь фоном, интерьером в картине её переговоров с хозяином. Всё

звучало так убедительно, что Наташа почти поверила в эту версию. Но потом она вспоминала всё это с тяжёлым чувством. Ей было неприятно. Зато магазин был теперь полностью их. Они решили его переоборудовать, усовершенствовать. Это был азарт! Наняли известного дизайнера. И не заметили, как потратили почти все свои деньги. Но была надежда на прибыль, и на спонсоров. К поискам спонсоров подключили Сюзи – у неё был некоторый круг общения среди обеспеченных людей. И вот однажды она позвала Наташу на сборище людей весьма не бедных – в Доме Литераторов намечалась презентация какой-то графоманской книжки, написанной скучающей богатенькой дамочкой. Сюзи видела эту книженцию – жуткий бред. Но там, на тусе, можно было зацепить спонсора. И они пошли. Когда они припарковались, вошли, презентация уже кончилась, был фуршет. Сюзи сразу же увидела знакомых, ринулась к ним с обнимашками, и плюхнулась за их стол. Наташа тоже смущённо присела на свободный стул рядом. Столы были составлены вместе, и хмельной люд гудел – кто о чём. Громче всех спорили два бородатых мужика и две дамы лет сорока пяти и пятидесяти. Эти были явно не из богатых. Просто какие-то литераторы, видимо, случайно забрели на чужой праздник. Голоса взвивались и рвались, замирали и падали: – «Приходит на ум знаменитая фраза товарища Бендера: почём опиум для народа !!! Когда видишь батюшку, выуживающего последнюю модель айфона, и в какую машину он при этом са-

дится, хочется спросить: а для чего и для кого он пошел в услужение к Богу? Значит, до восемнадцати часов он отпускает грехи, а потом становится простым человеком со своими слабостями? Так зачем нужен такой посредник? Делать пассы кадиллом?» – гудел бородач с шишковатым голым черепом. Ему возражала дама с короткой стрижкой: – «А вы поменьше следите, у кого какой айфон, и больше – за собой лично. Я вот не знаю, как выглядит последняя модель айфона. Да и знать не хочу». Дама лет пятидесяти, полноватая, в стеклянных длинных бусах, вещала: – «Некоторым моим знакомым батюшкам телефоны и даже машины дарят чада духовные. А знаете почему? Потому, что знают – от того, как быстро можно батюшку найти – дозвониться, отправить срочную информацию, а потом насколько он быстро сможет добраться – на общественном транспорте или старушке-развалюхе? – может зависеть порой участь в Вечности их самих и их близких. Кстати, когда дома ночью умирал мой отец, игумен из мужского монастыря приехал его напутствовать, успел, через пол часа папа умер. И денег не взял, сказал – я монах, мне деньги не нужны, живу в монастыре на всем готовом. А в определенный момент для каждого священник – важнее врача. Но сколько же завистников, считающих содержимое чужих карманов!» – С жаром говорила дама. – «Кстати, игумена мы привозили и отвозили обратно на своей машине, он был безлошадный!» Лысый бородач поморщился. Его соседка за столом, лет сорока пяти, с короткой стриж-

кой, сказала: – « С чужой завистью трудно совладать».

Наташа огляделась вокруг, все были заняты разговорами, хождением туда-сюда, едой, питьём, кто-то кому-то подписывал книжки. «Сю, а где же спонсоры?» – спросила она. Но подруга была пьяна. «Погоди, сейчас. Ещё не вечер» – ответила Сюзи. «А по-моему, вечер», – сказала Наташа. Спонсор всё-таки нашёлся. Пообещал перевести на счёт хозяина магазина небольшую сумму. И перевёл. Эти деньги оченьгодились. Всё было вложено в дело. И магазин, в конце концов, был обновлён, расширен, и засиял! Вот это был праздник для сотрудников, а больше всех торжествовали Наташа с Мишей! Счастью не было предела! На радостях взяли в штат ещё одну сотрудницу – Ганну, девушку с Украины. Это была рослая красивая блондинка с зелёными глазами. Миша повысил всем зарплаты.

Наташе уже не надо было каждый день выходить на работу, она лишь периодически заглядывала в магазин, который теперь был открыт и в воскресенье. Установили скользкий график. Продавцов уже вполне хватало. Сюзи обычно работала в паре со Стёпой, который совмещал три должности: охранник, подсобный рабочий, и продавец, а девочки – вместе, они подружились. Всё шло отлично! – Наташа купалась в счастье и любви! Феденька уже ходил в школу, в третий класс, учился хорошо, всё ему нравилась очень. Он был способным мальчиком.

В воскресенье Миша повёз семью на прогулку в Царицы-

но. День был просто ослепительный – солнце сияло во всю, небо было прозрачное и синее, словно сапфир! Лето цвело и нежно шелестело. Феденька глядел в окно и что-то напевал. Тут заиграла мелодия мобильного. Наташа включила громкую связь. Она ждала приятных новостей, и хотела, чтобы муж тоже порадовался. Звонила Гуля. Наташа удивилась – сейчас ведь не её смена. Гуля закричала страшным голосом: – «Пожар! Магазин горит!» Наташа пронзительно взвизгнула. Миша охнул и конвульсивно дёрнулся. Тойота вильнула, и выскочила на встречу. Последнее, что увидела Наташа – колёса огромной фуры, которая мчалась на них...

Очнулась в больнице. Пролежала долго. Чудом осталась жива. Приходил следователь. От него она узнала, что муж погиб на месте, что тело сына не обнаружено, оно, почему-то, исчезло бесследно, а её саму спасло лишь то, что сидела на заднем сиденье – а ведь Феденька тоже был рядом с ней, может, он жив? Пожар случился предположительно по неосторожности продавцов (Наташа сообщила, что была смена Сюзанны и Степана, а они иногда напиваются и курят прямо в магазине) или от неисправности проводки. Тела погибших продавцов находились в сгоревшем здании. Вот и всё.

Потом её выписали. Она шла из больницы. Листья падали с оглушительным шумом. Словно обрушивались плоские куски жести. На голову. Осенние облака, тяжёлые, жирные, низко ползли и гудели. Это гудел её мозг. Это падали её мыс-

ли. Или её душа. Она стояла посреди дороги, между бешеных стад машин, и ... И всё...

– Достаточно, – прервал её видения, её прошлое, её счастье и горе, голос извне. – Сейчас вы очнётесь. И всё былое перейдёт на задний план. Всё прошлое растворяется, меркнет, исчезает...

Наташа открыла глаза. И словно превратилась в лёгкое облако. Она огляделась. Большая, красиво обставленная комната, много растений в горшках, цветы. Прекрасный интерьер! Но что, как, где? Как она сюда попала, что с ней было? Всё словно в тумане, лишь отдалённый отзвук чего-то нехорошего, злого. Вспоминать не хочется. И не надо. Не будет она вспоминать. К ней подошёл мужчина, она его смутно помнила, да, видела, это он ввёл её в состояние гипноза. Да, гипнотизёр. Как же его звать-то? А, не важно. Зачем? Он заговорил, она не слушала. Поток слов. Словно ручей лесной журчит. Лишь последнюю фразу уловила: – «Он выбрал вас». Кто, зачем? Какой-то Он. Но ей было всё равно. На неё вдруг снизошло равнодушно-спокойное состояние. Мёртвый штиль. И лишь потом она узнала, кто этот Он.

И вот её провели через анфиладу комнат, и она очутилась в большой зале с массивными мягкими креслами, покрытыми белыми мехами. Меха были очень пушистые. «Наверно, это песец», подумала она, погружаясь в уютное кресло. – «Как приятно!» И ей стало так сонно, так блажено! На зеркальном столике возле кресла возникла чашечка горяче-

го кофе и ваза с конфетами. «Шоколадные, с ликёром», – мысленно отметила она. Кто принёс, не обратила внимания. А вот и второй кофе напротив. И в соседнее кресло опустился грузный мужчина лет сорока. Глянул на неё внимательно, изучающе. И сказал:

– Здравствуйте, Наталья. Рад вас видеть. Я Андрей.

– А? Да, – сказала она.

– Я всё про вас знаю. И выбрал вас.

– И большой был выбор? – поинтересовалась она.

– Приличный, – сказал он. – И долгий.

– И зачем это надо?

– Видите ли... – он замялся. – Ну, буду с вами откровенен.

Раз уж я узнал все ваши тайны, всю подноготную, то и вы вправе знать что-то обо мне. У меня в жизни было большое несчастье. И не одно. Всё повторялось. Замкнутый круг. И сейчас я его ломаю.

– Неплохое начало, – сказала Наташа. – Ну, и? Продолжайте, продолжайте, – она сунула в рот конфету, отхлебнула кофе, и уставилась на собеседника. Перед ней сидел широколицый мужчина с небольшими серыми глазами, пухлыми губами, и с короткой стрижкой. Волосы были неопределённого цвета, и стояли ёжиком. Лоб большой и выпуклый. Нос – топориком. «Не очень интересная внешность», – подумала она.

Андрей продолжал:

– Я – человек весьма обеспеченный. И вокруг меня все-

гда роились женщины. Всякие. Красивые и не очень, умные и дуры, талантливые и бездарные, были и интриганки, прикидывающиеся нежными овечками. Трижды я был женат, и спутницами жизни оказывались хищницы, настоящие пираньи, охотницы за деньгами. Последняя моя пассия пыталась меня уничтожить. А мне нужна искренняя и верная, надёжная подруга. И мой психолог предложил мне свой способ найти таковую. Красивых молодых женщин интеллигентного вида собрали здесь, в моём особняке, и подвергли гипнозу. Метод, да, признаю, незаконный. Но все будут солидно вознаграждены. Мой психолог протестировал собранный материал, и нашёл оптимальный вариант.

– Ну и что за вариант? – поинтересовалась Наташа.

– Это вы, – ответил Андрей. – На вашу долю выпали тяжёлые испытания, и вы не сломались и не ожесточились. Вы были надёжной опорой своему мужу. И по полученным результатам тестирования вы мне полностью подходите.

– И что выдало тестирование насчёт меня? – спросила она.

– Вы не пиранья!

– Ну, и? Это всё? – произнесла она.

– Вы красивы, эмоциональны, открыты, молоды. С гибким мышлением. Способны ради дела идти на риск и жертвовать собой и своими принципами. Вы очень искренний человек! И если вы согласитесь стать моим другом, я не решаюсь сказать – подругой, для начала просто чисто дружеские отношения. Если примите от меня поддержку, я всё для вас сделаю!

Что бы вы хотели?

– Я? Найти своего сына! – воскликнула она, и в глазах её вспыхнула надежда. – Он жив, я чувствую!

– Обещаю вам! – горячо сказал Андрей.

Вдруг Наташа погрузилась, на глаза навернулись слёзы.

– Что с вами? – встревожился Андрей.

– Со мной что-то не то, – призналась она. – Я очень плохо помню себя, всё своё. Смутно – мужа, у меня был муж, потом он умер. Я его почти не помню! Была бабушка, родители. Они где-то есть, наверно. Сынулю помню, Феденьку. Он пропал, его надо искать. Но всё остальное – как в тумане. Что со мной? – она жалобно-вопросительно глянула на Андрея.

– Ничего удивительного, – ответил он. – У вас была тяжелейшая черепно-мозговая травма. Плюс – работа моего психолога, он постарался стереть из вашей памяти весь негатив. Незаконно, конечно, но спасительно. А сына мы найдём, и родителей отыщем, и бабушку. Это я вам обещаю! Ещё кофе? Сейчас принесут. Хотите фрукты?

– Мне очень грустно, плакать хочется! – воскликнула она.

– Знаете, а давайте-ка сходим в театр! Я люблю театр! Вот сегодня вечером будет «Леди на день», пойдём?

– Не знаю. Что за спектакль, о чём?

– Очень весёлый, фееричный, – ответил Андрей.

– Нет, сначала расскажите, о чём там. Вдруг мне совсем не понравится, я расстроюсь!

– Ну, хорошо. Всё там очень смешно. Смешная улич-

ная торговка Анни, она раньше, когда-то там, была богатой аристократкой, но всё порушилось у неё, и оказалась она в неблагополучном квартале Нью-Йорка. Единственная её радость – дочь Луиза, она её двенадцать лет назад отправила учиться в Европу. С тех пор они общаются только в письмах, и для своей дочери она, ну, Анни, ты понимаешь, она по-прежнему великосветская дама. Вот так оно бывает, верно? Переписываются они, вот, и вдруг – новое письмо от дочери: жених у неё, граф, и вместе все они – ну, эта Луиза со своим женихом и его отцом, который испанский граф, все вместе они едут в Нью-Йорк, ведь граф желает убедиться в благородном происхождении будущей невестки! Ну что, интересная интрига? Ну и что ты думаешь, захватывает? Анни на грани самоубийства, ведь жестокая правда может разрушить счастье любимой дочери! Идём на спектакль?

– Постой, а что дальше-то? Положение ведь безвыходное! – заинтересовалась Наташа.

– Безвыходных положений не бывает. Всегда найдётся выход, надо лишь мозгами пошевелить. Или подождать, когда всё само рассосётся.

– Ну и рассосалось? – оживилась она.

– Ну да. Анни помогли друзья.

– А как? Как тут можно помочь? – воскликнула Наташа.

– А был у Анни приятель Дэйв, авантюрист тот ещё, ловкий и неуловимый, прозвище у него ещё было – Красавчик. И вот он

придумывает блестящий, но очень рискованный план. Ани вновь станет настоящей леди! Правда, только на один день. Интересная комедия, там столько иронии и сильных чувств! Идём? Сейчас закажу билеты!

– Мне нравится, хочу это увидеть! – воскликнула она.

В театре она рассеянно смотрела на сцену. И никак не могла сосредоточиться. Голова была словно разрезанная внутри, наполненная облаками. И лёгкая. Очень странное ощущение. Содержание пьесы она уже знала, но вот уследить за действием не могла. А мелькание на сцене заботливой мамы, этой самой Ани, проявило в ней сильное желание найти свою мать, а заодно и отца, и бабушку. А ведь Андрей ей обещал! Вот пусть и исполняет!

И он исполнил.

Они долго ехали на машине, минуя большие и маленькие города. Некоторые из них утопали в зелени, уже желтеющей и пламенеющей, осенней, хотя встречалась ещё и малахитовая листва. Здесь было множество церквей и старинных каменных особняков. Другие казались пыльными и убогими. А иные раскинулись на холмах, вплотную окружённые лесами. Андрей парковался в местных гостиницах, они отдыхали сутки, и ехали дальше. Адреса родных Андрей узнал по своим каналам.

И вот, наконец, то самое милое место, её детство! Бабушкин дом! Но где же он? Пустырь! Ни одной старенькой пятиэтажки, даже соседних нет! Снесли! И спросить не у кого.

У мамы?

И они поехали к маме. Дорога была не такой уж долгой. Вот знакомый двор, вот и тот самый дом! Они поднялись на лифте, вышли на лестничной площадке, дверь какая-то другая, металл! Наташа надавила клавишу звонка. Вот сейчас дверь откроется, и появится мама!.. И металлический пласт медленно отворился. Так медленно, так долго всё это было! На пороге стоял незнакомый мужчина. На вопрос Наташи он пожал плечами. Давно уже здесь они живут, прежних хозяев не знают, жильё купили у риэлтора. Наташа принялась звонить соседям. Но одни уже давно съехали, другие ничего не знали. Расстроенная и поникшая, поплелась она за Андреем к машине. Прошое исчезло, растворилось, кануло в небытие! Горькое чувство царапнуло душу! Вся её жизнь показала ей зыбким ускользящим неприятным комком. Она беззвучно заплакала. Но тут вдруг ей стало всё так безразлично, так пусто. Исчезли все эмоции. Ничего не хотелось, ни о чём не думалось. И даже двигаться ей стало неохота. Но она заставила себя перебирать ногами, приближаться к машине, влезать в неё и усаживаться в кресло. Отрешённо сидела она в салоне авто, и молчала.

– Ничего, не огорчайся, – ласково проговорил Андрей. – Как ты себя чувствуешь?

– Никак, – ответила она равнодушно.

– Не расстраивайся. Поиск не закончен. Продолжим, – сказал Андрей.

– Зачем? – её голос прозвучал монотонно и безжизненно.

Андрей удивлённо взглянул на неё. Лицо Наташи было бледное и пустое. Это была маска полного отсутствия эмоций.

Всю долгую дорогу домой, все остановки в гостиницах, все экскурсии, которые Андрей проводил для неё, – всё это оказалось бесполезно. Наташа была безмолвна, покорна и тиха, словно робот. Всё ей было безразлично. Двигалась она с трудом, смотрела прямо перед собой застывшим взглядом, на вопросы отвечала односложно, мёртвым голосом. Она была, словно сломанная кукла.

В Москву приехали вечером. А утром обеспокоенный Андрей повёз её к врачу, известному светилю в области психиатрии. Договорился о приёме он заранее, ещё когда они с Наташей были в пути, возвращались домой. Позвонил, подробно обрисовал проблему, пообещал хорошо заплатить за срочность.

И вот они в здании Научного Центра Психиатрии. В фойе – плазменный телевизор на стене, в креслах расположились пациенты с сопровождающими. Ждать пришлось не долго. Женщина в белом халате быстро провела их за закрытые двери в уютный кабинет. Профессор поднялся им на встречу и улыбнулся. Это был высокий сухощавый пожилой человек с густой серебристой шевелюрой и внимательными серыми глазами.

– Приветствую вас, – сказал он. – Ну, проходите, приса-

живайтесь. Я Николай Петрович. Наталья, давайте-ка, рассказывайте. В чём ваша проблема?

Она молча пожала плечами. Равнодушно смотрела она прямо перед собой. Безликая, бледная, поникшая.

Профессор обратился к Андрею:

– Скажите, а не было ли у Натальи каких-нибудь травм головы, падений, сильных переживаний?

– Да, Николай Петрович, это было, – подтвердил Андрей, и подробно рассказал всё, что знал.

– Ну что ж, – ответил профессор, – картина ясная. У Натальи нейрелепсия.

– А что это такое? – встревожился Андрей. – Что-то серьёзное?

– Да. У Натальи, к сожалению, психическое расстройство. На фоне перенесённых физических и психологических травм. Видимо, они были достаточно сильные.

– И что нам ждать? Как оно проявится?

– Так уже проявилось, – сказал профессор. – Снижение двигательной и психической активности, безразличие ко всему окружающему, отсутствие эмоций. Серьёзный случай.

– Что же делать? – окончательно всполошился Андрей.

– Будем лечить, – сказал профессор. – Нужна госпитализация.

– Доктор, только очень хорошая клиника, самая лучшая! Платная, естественно.

– Такая есть в нашем центре, – сказал профессор. – Са-

наторное отделение. Свободное посещение, можно гулять с пациентом в парке, у нас тут прекрасный большой больничный парк. Наталья, хотите у нас полечиться в больнице?

Она пожала плечами и отвернулась. Ей было всё равно.

Андрей ответил за неё, подписал необходимые документы, проплатил лечение, и вывел Наташу из здания этого Научного Центра. День был солнечный, но Наташа ничего не замечала. Они перекусили в кафе недалеко от парковки, и поехали. Андрей сказал:

– Тебе ведь надо что-нибудь купить. Одежды-то у тебя нет, весь месяц в одном и том же ходишь, в джинсах и блузке. Давай заедем в магазин, что ли.

– Как хочешь, – равнодушно бросила она.

– Ведь уже осень. Скоро холода.

Припарковались возле большого магазина. Огромные залы, зеркала, множество вешалок с одеждой. Наташа равнодушно скользнула взглядом по всему этому великолепию, и отвернулась. Андрей принялся перебирать платья. Вытащил длинное голубое с красным кожаным поясом. Приложил к Наташе, прикинул на глазок, как будет смотреться на ней. И выбрал. Наташа глянула, что-то шевельнулось в памяти. Да, вот в таком же голубом, но без пояса, в широком и длинном, она беременная стояла в церкви, рядом – Миша в сером костюме, они ждали... А кто же крёстные? Они же были! И тут всё выскользнуло из её памяти.

Они зашли в другой отдел, и Андрей купил ей свитер,

куртку, шапку, лосины, сапожки, и многое другое – всё, что ему понравилось и что он счёл необходимым. Потом они заехали в ресторан. Андрей кидал на ней внимательно-встревоженные взгляды.

У неё была палата люкс. Очень комфортное место – с душем, туалетом, холодильником и телевизором. В душевой висели три мягких халата – оранжевый, салатный и бирюзовый, и три полотенца тех же цветов, были ещё мягкие тапочки, и всё для личной гигиены. Наташа приехала в голубом платье с красным поясом, переодеваться не стала. Она безвольно сидела на постели, когда вошла пожилая женщина в медицинском халате и позвала её в коридор. Там возле стола слонялись пациенты, всем им давали таблетки и записку. Санитарки внимательно следили, чтобы больные всё проглатывали. Наташе тоже дали три таблетки и чашку с водой. Она проглотила, запила. Отошла, прислонилась к стене, и застыла. Тут к ней приблизилась невысокая брюнетка лет тридцати в красном спортивном костюме.

– А здесь можно ходить в своей одежде, – сказала она. – Я тут уже две недели лежу. А ты как, в люксе? Круто! А здесь санаторное отделение, справа женские палаты, слева мужские, – затараторила она. – Это потому, что женщины всегда правы, а мужчины ходят налево. Меня Эльвира звать, а тебя?

– Наташа.

– Ну какая же ты Наташа, ты Нэта, – сказала Эльвира. – А

меня зови просто Эля. Тебе дают антидепрессанты, я знаю. А ты когда-нибудь погребала мухомор?

Наташа пожала плечами.

– Нет, ты всё-таки скажи, погребала или нет? – не отставала Эля.

Тут мимо них медленно прошёл высокий и неестественно прямой мужчина с жёлтым лицом. У него был такой вид, будто в него воткнули кочергу. Эля тут же метнулась к нему:

– Вить, ну правда же, признайся, погребал или нет?

Витя остановился, солидно посмотрел на неё, и произнёс:

– Зачем погребать, если кушать можно. Он же целебный! Главное, правильно приготовить, для гостей блюдо шикарное! Когда ко мне приходит гость, садится со мной за стол, я молчу, и в то же время моё молчание лечит, будто молния, на которой я сижу, завязывает узлы.

Тут раздался смешок. Юная шатенка с короткой стрижкой остановилась подле них. Глаза искрились весельем. Она тихо сказала, но Наташа услышала:

– И что они делают в санаторном отделении? Их надо в острое. Ну, да всё проплачено, конечно.

– А, Нина, вот и ты, – подскочила к ней Эля. – Поэтесса ты наша! Ну, признайся, погребала? А вот Нэта, новенькая, из люкса, – Эля кивнула в сторону Наташи.

Та пожала плечами и сказала:

– Я Наташа. Наталья.

Нина расхохоталась, и тут же выдала экспромт:

– У нашей у Наталии
Красуется на талии
Красный поясок,
Дайте только срок,
Поясок развяжется,
Наталия уляжется
Глубоко в песок,
Дайте только срок.

– Ну, спасибо, обрадовала ты нашу Нэту, – скривила губы Эля. – Ничего более позитивного придумать не смогла, что ли?

Мимо них промаршировал пожилой мужчина, он то и дело выбрасывал вперёд руку и говорил:

– Хе-хе! Хе-хе!

Эля глянула ему в след:

– Вот весёлый человек, – сказала она.

Нина ответила:

– Этот точно не погребал мухоморы, он их ел.

Тут к ним подошла пожилая санитарка.

– Ниночка, деточка, – ласково обратилась она к молоденькой пациентке. – А тебе после твоих лекарств надо полежать! Иди-ка ты в палату, миленькая, иди-иди.

– Сейчас, тётъ Зин, только водички попою, – ответила Нина, и сделала движение в сторону кулера. Когда санитарка

ушла, она прошипела: – Ну и достала же меня эта святоша! Ты пускаешь человека в свой внутренний ад, а он пытается напоить твоих демонов святой водой, изгнать чертей и выключить обогреватель.

Эля тут же принялась пояснять Наташе:

– Тётъ Зина очень верующая, в церковь ходит, молится, и вообще вся такая. Сильно добрая, в общем. Ей уже давно на пенсию пора, а всё работает.

– Но мухомор не погребала, – хохотнула Нина, запустила обе пятерни в свои короткие каштановые волосы, и принялась бешено чесать голову.

На следующий день пришёл Андрей. Он принёс сумку фруктов, соков и конфет. Вошёл в палату, внимательно осмотрел помещение, заглянул в душевую и в туалет, и остался доволен. Чистота, комфорт, тахта, диван, мягкое кресло, всё ему понравилось, не устроило лишь отсутствие растений в горшках. Но это можно было понять, ведь бывают пациенты с аллергией, да и не все любят цветы. Наташа на этот раз с удовольствием пила сок и ела виноград. Она немного оживилась, даже улыбнулась. Андрей был рад. Результат лечения уже начал проявляться.

– Ну что, хочешь погулять? – спросил он.

Наташа кивнула. И они вышли в больничный двор. Широкая каменная лестница вела в парк. Они спустились по ступеням. Андрей бережно поддерживал Наташу под локоть.

Он накинул ей на плечи куртку, хотя было ещё тепло.

Поздняя осень в этом году была на редкость солнечная, температура рекордно высокая. Погода удивляла.

На каждом шагу встречались лавочки и урны. Изредка мимо проходили люди, некоторые сидели и что-то пили, жевали, беседовали.

– Чего бы тебе хотелось? – спросил Андрей.

– Мороженое хочу, – жалобно произнесла Наташа. – Ну, такое, в вазочке, шарики цветные. Фисташковый шарик, клубничный, и ванильный. В том кафе, за забором, на воле.

– Ну ладно, пойдём на волю.

Они вышли за больничные ворота. Кафе было близко.

Наташа выбрала столик в углу. Официант принёс мороженое и чай. И Наташа впервые за долгое время ощутила вкус и запах. Наконец-то она отвела душу. Возвращаться не хотелось, но пришлось.

В отделении был тихий час. Все отдыхали в своих палатах. Андрей ушёл. Наташе стало тоскливо. Она вышла в коридор. И увидела пожилую санитарку. «А, та самая, тётя Зина», – вспомнила она.

– Что же ты не отдыхаешь, миленькая? – подошла к ней тётя Зина. – Иди-ка ты к себе, полежи.

– Не хочется, скучно мне, тоскливо, – ответила Наташа.

– А ты книжку почитай. Помолись. Ты же крещёная. А крестик не носишь, зря, – сказала санитарка.

– Откуда вы знаете? – удивилась Наташа.

– Вижу, – сказала та. – Православная ты.

– Ну, да. Верно. А вообще, про Православие много всякого говорят, – сказала Наташа. – Что религия рабов, что застывшая, не развивается. Что религия убогих. А вот на другие веры так не нападают. Их спокойно принимают.

– Ну так, миленькая ты моя, это и понятно, – мягко сказала тётя Зина. – А что же ты хотела? Ненавидят, потому и нападают. Ни на иудаизм, ни на мусульманство, ни на католицизм, ни на буддизм. Это всё приемлют. И секты всякие, и психомедитации, и психологические практики. Потому что те помогают открыть сознание для внедрения бесам.

Ведь бесов больше всего допекает именно оно, наше православие. Очень оно им опасно.

– Ну, странно как-то, – сказала Наташа. – Какие-то бесы, не верю я в них.

– А зря, – ответила санитарка. – Все твои беды от них. И беды твоих родителей. Что же ты, крещёная, православная, а такое творила? Ведь нельзя в воскресенье работать, воскресный день – Божий день, вот всё и полыхнуло, всё и сгорело! И не венчанная ты жила с мужем, и грешила. Всё и порушилось! Вот как выйдешь отсюда, иди к батюшке Рафаилу, он святой, батюшка-то, старец, он тебе сыночка-то найдёт.

– Да как я старца разыщу? Дайте адрес, – пробормотала поражённая Наташа.

– Захочешь, найдёшь. Иди уже, – строго сказала тётя Зина.

В палате оказалась Эля.

– Я к тебе в гости, – заявила она, улыбаясь. – Проскользнула незаметно.

– Слушай, тётъ Зина всё обо мне знает, откуда?

– Она прозорливая. А я по делу к тебе.

– Насчёт мухомора? – спросила Наташа.

– Нет. У меня прокладки кончились.

Зимой Андрей забрал Наташу из больницы. Он закутал её в длинную шубу из белоснежного пушистого песца, надел ей на ноги кожаные сапожки с меховой оторочкой, и бережно посадил в салон машины. Наташа задумчиво улыбалась. За окнами авто было особенно светло от снега. День был ясный и морозный. Они ехали по сияющим белым улицам, стояли на светофорах, сворачивали в переулки, выезжали на проспекты, и вот вдруг остановились возле роскошного ресторана. Андрей распахнул дверцу салона, подал ей руку, и как-то слишком уж торжественно повёл к двери здания. Наташа всё поняла. Он хочет сделать ей предложение! Она остановилась, резко повернулась к нему и сказала, решительно глядя в глаза:

– Нет, нет и нет! Пока я не найду сына, нет! И не думай!

– Но ты не знаешь... – начал, было, он.

– Знаю! Что ж здесь не знать. Я выйду за тебя, но только когда сына найду.

– А если...

Но она оборвала его:

– Никакого если. Я знаю, где искать.

Шли дни, недели, месяцы. Наташа ходила в разные храмы, стояла на церковных службах, вдыхала запахи ладана, ставила свечи, молилась возле икон со святыми ликами, горячо просила помощи, прикладывалась к мощам святых, расспрашивала батюшек, но никто не знал, где найти старца Рафаила. Монахов и иноков с таким именем много, и игумены есть, но где, какой старец, кто ж его знает? Однажды она исповедовалась у одного молодого батюшки. Он был высокий, красивый, с пышными длинными волосами и курчавой бородкой. Наташа рассказала ему всю свою жизнь, поведала о своём горе, расплакалась. Где найти отца Рафаила? Никто не знает, никто не может ей помочь! Неожиданно батюшка сказал, что слышал о таком старце. И посоветовал Наташе паломничать в один женский монастырь. Там она сможет как-то всё разузнать.

И вот она в монастыре. И снова зимний день. Кирпичная стена, покрытая инеем, витые металлические ворота, большой белый заснеженный двор, трёхэтажное кирпичное здание, высокое крыльцо со ступенями. Матушка игуменья лет сорока в широком чёрном одеянии, большой крест поблёскивает на груди. Лицо у матушки узкое, сосредоточенное, на голове апостольник. Она спрашивает:

– А что вас, Наталья, привело к нам сюда?

– Ну как, это святое место, чистое, нет искушений, нечисти всякой там, какой полно в мирской жизни, бесов.

Матушка улыбается:

– Ошибаетесь, Наталья. Бесов здесь намного больше, чем в миру.

– Как??? – опешила Наташа. – Здесь???

– Конечно, – ответили матушка. – Монастырь это линия фронта. Духовного фронта. Здесь кипит бой! Ведь для бесов совратить монастырскую чистую душу намного важнее, чем мирскую. За каждого совращённого монаха бес получает особое повышение в звании, так сказать – звёздочку на погоны. Как за тысячу мирских.

– Мирских грешников?

– Не совсем. Их интересуют чистые души. Грешниками они мало занимаются. А зачем? Грешники и так им принадлежат. Ты ведь попаломничать приехала? У нас есть гостевые кельи, пойдём, покажу. И первое тебе послушание – помоги нашим сестрам на кухне.

Келья была небольшая, узкая, с полкой вдоль одной стены, там стояла икона Божьей Матери Казанской. А напротив – кровать, тумбочка, шкаф. Наташа разложила по местам вещи, переделалась, и спустилась вниз. Кухня оказалась длинная, с тремя холодильниками и четырьмя плитами, на них бурлили большие кастрюли. Невысокая пухленькая девушка в тёмной одежде сноровисто работала, гремела посудой, что-то резала, чистила, тёрла.

– Инокinya София, – сказала матушка, – а это паломница Наталья. Помощница тебе.

Наташе тут же поручили чистить картошку. Рядом стоял

мешок.

– Всю надо начистить, – сказала инокиня строго. – Нужно ведро картофеля.

– Так много? – ахнула Наташа.

– Это ещё не много, – сказала инокиня. – Тут кроме се-
стёр ведь и батюшки приходят к трапезе, и помощники, и
паломники бывают. Сегодня их нет, так что мало.

Наташа взялась за чистку. Инокиня подгоняла. Наташа
спешила. Вскоре она натёрла мозоль на большом пальце. По-
том порезалась. Но терпеливо делала свою работу. Потом
пришла другая сестра – послушница Татьяна. Дело пошло
быстрее.

– Мать София, – обратилась Наташа к инокине. – Вы не
знаете, случайно, что-нибудь о старце Рафаиле?

– Случайно знаю, – ответила девушка. – Он живёт на Афо-
не, но иногда приезжает в Россию, проведать своих чад ду-
ховных. Очень редко.

– А когда он приедет сюда? – оживилась Наташа.

– Неизвестно. Может, никогда. У него по всему миру ча-
да, – ответила инокиня. – Но вы молитесь, и всё возможно.
Для Бога нет пределов.

Семь лет Наташа подвизалась в монастыре. Жила там
недели, месяцы, потом возвращалась домой, в особняк Ан-
дрея. И снова уезжала. Андрей смотрел на неё нежно и вос-
хищённо. Он ждал. А Наташе стало нравиться в монасты-
ре. Трудно, работы много, но по привычке. Случались порой

конфликты между сестрами, но ничего, всё потом улаживалось. А как хорошо было в монастырском храме! Наташу благословили петь на хорах. Ей это очень нравилось! Голос у неё оказался чистый, проникновенный. В храме было довольно много прихожан. Наташин голос узнавали, и когда её не было, многие спрашивали о ней. Наташа возгордилась было, но потом смирила себя. По праздникам особо усердных прихожан приглашали на монастырскую трапезу. Вот работы-то было сестрам! Иногда происходили интересные, просто невероятные события! Жизнь оказалась не простая, и весьма наполненная. Наташа выучила несколько молитв, и ещё одну, самую важную – Иисусову. Произнося её, она горячо, с болью в сердце, молилась о сыне.

В тот день она приехала в монастырь ужасно рано. Долго пробыла дома, болела. И вот – вернулась. Очень соскучилась по всем делам и новостям. И вдруг событие – матушка настоятельница собралась везти сестёр на экскурсию! Наташа как раз успела присоединиться! Все суетились возле автобуса. И, наконец, расселись по местам. Наташа заняла переднее кресло рядом с инокиней Софией. Автобус двинулся. Длинная извилистая дорога, мелькание деревьев, кустов, домов. И вдруг в глаза ударило солнце! Прямо на восход катил автобус! Наташа зажмурилась. Разлеплять веки не хотелось. Она уснула. И увидела большую белую птицу с огромными сияющими крыльями, она стремительно летела в высь, в голубоватое небо, подсвеченное солнцем. Это было удивитель-

но красиво! Проснулась Наташа от того, что автобус остановился. Стояли возле какого-то монастыря, во дворе высился храм. Потом все начали выходить. Наташа замешкалась, и спустилась последняя. И вдруг поднялась какая-то суета, в ворота вбегали люди, все галдели, слышались слова:

– Старец приехал!

– Отец Рафаил! Скорей, скорей!

– Старец с Афона, и с ним монах!

Наташа оторопела. Неужели??? – зазвучало в мозгу. Она быстро вошла в монастырский двор и увидела маленького старичка в ветхом подряснике и с благостной улыбкой на круглом личике, и рядом с ним – высокого молодого монаха. Что-то ёкнуло у неё внутри. Она сразу узнала сына. Лицом он был вылитый Миша, а фигурой – в неё, такой же тонкий и длинный. Она бросилась вперёд с воплем:

– Феденька! Сынок!

Тут всё поплыло у неё перед глазами, она рухнула и потеряла сознание.

Позднее она узнала всю его историю. Когда случилась авария, мальчика выкинуло из машины за насыпь, в овраг. Там его, полумёртвого, нашёл монах-отшельник, выходил, и отвёл в ближайший монастырь. Это был мужской монастырь. В нём мальчик и жил потом. Игумен навёл справки о ребёнке и узнал, что родители погибли на месте. Так ему сказали. Мальчик подрос, принял монашеский постриг, и уехал на Афон. Там он узнал старца Рафаила, и стал его духовным

чадом.

Летом Наташа и Андрей поженились. Свадьба была скромная, так хотела Наташа. Венчались они в монастырском храме в день Казанской иконы Божьей Матери.

А! А! Мадагаскарка!

экспресс-роман

(Роман основан на реальных событиях, почти все имена изменены)

А-а-а!!!! Ну почему, почему же?! Это надо же!!!! Душа плачет!!! Орёт и рыдает!!! Сердце вопит!!! И бессонница, бессонница!!! А за окном – ветер, ночь, уют, и всё это вползает в душу, рвущуюся от рыданий. Надрыв... Эмма отбросила одеяло, вытянула ногу, и принялась крутить стопой, узкой и маленькой. Вообще-то, её звали Эмилия, красивое имя, да и сама она была недурна собой. Отец – романтик. Был. Это он её так назвал. И вот сейчас он умер далеко от неё, в Таганроге, в одиночестве, беспомощный старик, ненужный и всеми забытый, а она тут, в Москве, погружённая в свою жизнь, так ни разу и не вырвалась к нему. Не смогла, всё оттягивала время, ну ведь морочно же это! Да и не сейчас, нет, не сейчас, а больше чем полгода назад. Соседка бывшая позвонила, накинулась тут, орала, что плохая дочь, жестокая и равнодушная, отца вот бросила, а она, Зоя, ухаживала за ним последние дни и лечила, и хоронила, все сама, и уже больше чем полгода прошло, и наследница она, Зоя, его по закону, он всё ей отписал. И что Эмма, вообще ни с кем из близких не поддерживает отношения, такая вот

она дрянь. Ну и ладно. Эмма ответила извилисто, подколола соседку:

– А жизнь приветствует дымовые завесы в отношениях. В целях самосохранения вида. А все, кто путают эти две вещи, подлежат выбраковке – конфликтны, и вокруг них со временем образуется кислотная пустота.

Таганрог, город детства и юности, но она боялась этого тёплого городка на берегу Азовского моря. Моря мелкого, весёлого, в детстве она в нём плескалась целыми днями. Моря, цветущего летом, зеленоватого, а к концу августа подёрнутого нежным ковром из расцветших водорослей.

Но это – трагический город в её судьбе. Здесь умерла её любимая бабушка, потом – мама, молодая ещё, от внезапной остановки сердца. А отец замкнулся, ушёл в себя. Стал сторониться всех. Угрюмый, небритый, странный.

Люди здесь были самые разные, яркие, самобытные, и было в городе много пёстрых праздников. Эмма больше всего любила Праздник Национальных Культур, даже больше Нового Года. В такой вот веселый день она и повстречала Равиля, свою первую любовь. Карусель чувств и эмоций, неопишное счастье, бурная радость, но всё кончилось плохо. Равиль не вернулся из армии. Отчаянье, ужас, бежать отсюда, бежать... А куда бежать? Куда все. В Москву. В город больших надежд. Так и поступила. На поезд, в Москву. И больше никогда, никогда назад, где всё так плохо, где тень прошлых несчастий, радостей, горя, щемящих сердце воспоми-

наний. Было очень много всякого, но думать о том не хотелось. Здесь, в столице, всё оказалось иначе, новая жизнь, другие люди, работа в магазине, потом – в салоне красоты. Калейдоскоп событий, поклонники, развлечения. Всё прежнее забылось, подёрнулось ряской, ушло. Был одно время друг бизнесмен, купил ей квартирку уютную в тихом районе. Но юность прошмыгнула, словно мышь, быстро и сноровисто. И что? Несколько приятельниц – нет, это не подруги, а так, нечто. Куколки, зацикленные на себе. И скучные мужички, пытающиеся затащить её в постель. Вот и вся такая жизнь. Работу она бросила – друг бывший хорошо обеспечил. Дни – вальяжные, неторопливые, как река с вялым течением. Но смерть отца взбудоражила душу. Забылась Эмилия лишь под утро. А во сне она никак не могла попасть домой – в квартире были заросли непонятного растения, оно пышно разрослось, раскинуло густые ветки с мелкими, странно и остро пахучими листочками, нежными и хрупкими, Эмма продиралась сквозь них, но они ломались, застревали в её волосах, налипали на лицо, опутывали шею, и не пускали... Какой странный запах. Проснувшись, Эмма всё ещё ощущала его. Неуютно было и тоскливо. Пряди её волос, шоколадно-золотистых, блестящих, шёлковых, запутались во круг шеи. Она с трудом разлепила веки, распахнула глаза болотного цвета, потом сощурилась. Сквозь тонкие шторы в спальню проникал холодный дневной свет. Встать бы, но неохота. Задремала. Но в мозг вдруг ворвалась весёлая ме-

лодия мобильного. В трубке раздался голос Аниты, приятельницы. Она возбуждённо заболтала о каком-то очередном своём шопинге, и принялась зазывать в гости. Анита была слегка под шафэ. Её чуть хмельной голосок радужно переливался. Ну, что ж, можно и заглянуть от нечего делать. Эмилия ещё немного повалилась в постели, и пошла в ванную. Она долго лежала в пышной розовой пене, потом нехотя вылезла из ванны, завернулась в оранжевый махровый халат, и принялась варить кофе. Всё было как обычно. Лишь горький осадок от мысли о смерти отца саднил душу. Но уже не так остро. Всё так, всё так...

В холёной квартире Аниты пахло ванилью. Мерцали арома-свечи. В гостиной – круглый стол с золотистой скатертью, вазы с фруктами, орешками, конфетами, вино. И словно часть интерьера – высокий молодой мужчина с кисточкой рыжих волос на макушке. Он кивнул Эмме, и продолжал рассуждать. Анита даже не познакомила их. Эмма окинула его быстрым взглядом – хорошо сложен, прекрасные пропорции, в меру привлекателен, в общем, ничего интересного. Из разговора поняла – Никита, любитель пофилософствовать. Что-то он тут такое вещает:

– В нашем российском государстве человек социально, морально и физически унижен. Человек бесправен и беззащитен перед государством, перед сильными мира сего, перед элементарной физической силой...

Нашёл, о чём говорить, подумала она. Ну и что теперь,

вешаться?

– Потому что у нас нет гражданского общества, нет граждан. Человек в государстве бесправен, не имеет ни гордости, ни чести, ни собственного достоинства. Попросту бесправный плебей.

Нет уж, позвольте! Я – не плебей. Может, я – не человек уже? Или я – не в нашем обществе? А достоинства у меня хоть отбавляй. И это он-то бесправен? Или Анита? Что?

Никита взял со стола бокал, пригубил, покрутил его в руке, и продолжал:

– Поскольку это плебей, то есть человек без чести, то он отыгрывается по принципу того же государства, унижая и избивая людей слабее себя. Что отвратительно в семье.

Эмма села за стол, налила себе Божеле, выпила и закусила персиком. Ей неинтересен был этот Никита, эта Анита, и вообще вся эта фигня. Приятельница тоже вела себя индифферентно. Она плюхнулась на тахту и принялась обрабатывать пилочкой ногти на левой руке. Эмилия обратила внимание на её перстни – это были уже другие, новые. Яркие камушки в очень красивом обрамлении, и, наверняка, золото высокой пробы.

Никита на какое-то время замолк, глубоко вздохнул, и снова завёл свою шарманку:

– Это относится не только к низам общества, но и к верхам тоже. Начальствующий субъект унижает человека ниже себя по рангу, а он не может ответить. Так Путин при всех

высказал Губернатору СПб Полтавченко: "Если не построишь стадион вовремя, я тебя убью". И Полтавченко проглотил это хамское оскорбление. В старые добрые времена он бы вызвал Путина на дуэль за оскорбление.

Эмма представила себе Путина в белых обтягивающих панталонах и в напудренном парике, целящимся из старинного пистолета в Полтавченко, и фыркнула.

– Я удивляюсь, – сказала она. – В нашей стране такие продвинутые бабульки, больше всего на свете они любят рассуждать о политике, и очень круто в этом секут.

Никита уставился на неё так, словно только что заметил и недоумевает, как она вообще здесь материализовалась?

Анита хмыкнула.

– Эм, глянь и зацени. Идём, похвалюсь.

Эмма прошла за ней в спальню. Анита вытащила из шкафа обновку – очередное вечернее платье, на сей раз ярко бирюзовое, под цвет перстня и колье. Шторы тоже были новые, а на подоконнике в изысканном кашпо – пышное растение с мелкими листочками, то самое, из сна! Из её кошмара!

– Что это? – она махнула рукой в сторону этого ужаса.

– А, это с Мадагаскара привезла, веточку, не знаю, что, разрослась. Зову её Мадагаскарка.

– Как это, что, зачем?

– А, сама не знаю. Сунула веточку в воду, пустила корни, я её – в горшок, ну и вот такое выросло. Красиво, правда?

Эмма не ответила. Снова подумала об отце. Никогда его

не понимала. Анита крутилась перед ней уже в другом платье, что-то спрашивала. Эмма так ушла в свои мысли, что не слышала приятельницу. Надо было что-то ответить, и она сказала первое, что пришло в голову:

– Да, о, анекдот знаешь? Муж звонит жене: Ты где? – В норе... —

Где??? – Ну в норе, которую ты мне купил!!! – Дура, не в норе, а в рено...хорошо что я тебе пежо не купил...

– Ха-ха-ха!!! – залилась смехом Анита. Поджарая, тонконогая, плоскозадая. Чем-то похожа на гигантского кузнечика. Длинные черные волосы, карие глаза густо подведены, крупный рот. И очередная обновка – нечто затейливое, странное, зелёное. Прилетела, крыльями звеня, странная зелёная фигня.

Эмма усмехнулась. Теперь она думала о себе, о всех тех ужасах и трудностях, которые ей пришлось пережить, пока она не встретила своего Виктора – друга-бизнесмена. И жуть одиночества в незнакомом мегаполисе с амплуа бандитского и развратного города, и первые ночёвки на вокзале, и то, о чём вспоминать не хочется. И больница: она на больничной койке, обколотая анальгетиками и снотворными ядами до бесчувствия. Первый этаж, раскрытые окна – на одеяле её ноги сидит воробей. Она хочет, чтобы улетел и не сидел на ней, вроде как на тротуаре без хлебных крошек. Пытается пошевелится – не получается. Всё в тумане, и нет сил. И – ужас. И мысли плывут туманные... Птица – к смерти...

Жуть...

Вся её теперешняя самодостаточная и вполне обеспеченная столичная жизнь – это медаль за её дерзкую смелость, сообразительность и труд, труд, труд... И вот теперь она обречена вечно кружить по ребру этой медали. Кружить, боясь сорваться в никуда... Что у неё есть? Квартира, машина, приобретённые амбиции, страхи, золотые бирюльки, дорогие шмотки, и прикольная штучка с затейливой историей – зонтовница, которую ей подарила пожилая соседка, нищая коренная москвичка с учёной степенью. Подарила она это, расчувствовавшись, когда Эмма принесла ей на Новый Год баночку красной икры, коробку конфет и шампанское. Зонтовница была весьма затейливая, латунная, в цвет самоварного золота, с львиными мордами. Соседка Наталья Семёновна так сказала:

– Это потрясающая, совершенно уникальная, жутко ценная вещь, хранила я её очень долго, всю жизнь! Винтажная подставка для зонтиков, латунная, мне её подарил знаменитый в то время поэт Н в 1985 году. Вещь с детективной историей. Она сначала принадлежала советскому консулу в Стамбуле в 60-е годы Трухтанову, который бессменно работал там в течение 16 лет, т.к. был на самом деле нашим резидентом в Турции. Зонтовница стояла себе в углу, как бы между прочим, а на самом деле служила пунктом передачи через зонтики секретной информации. Впоследствии этот наш консул-резидент был разоблачён, вылетел в Москву, и

вскоре был там убит. Сын консула, Толя, однажды подарил эту вещь поэту, а он потом передарил её мне, у нас в то время были романтические отношения. Пусть эта вещь будет у тебя, дорогая моя девочка. В моей обшарпанной квартирке она не смотрится, а у тебя зонтовнице будет комфортно и радостно в твоём шикарном интерьере.

Эмма поотказывалась сначала, но взяла. Напихала туда своих зонтов – они валялись в прихожей. Занятная штука, да. И чего она вспомнил вдруг об этом?

Вечером они курили кальян в гостиной – Никита с рыжей кисточкой на макушке, Анита в зелёном одеянии, и она. Глаза увлажнились, зрачки расширились, пространство трансформировалось. Мысли стали нежными и зыбкими, и превратились в туман, который белой пеленой медленно оседал на ковёр...

Ночью под колёса её Рено попал мужик. Она плохо сообщала, что делает. Втащила в машину и привезла домой. Это был бомж. Если бы она так не накальнянилась... Но – что сделано, то сделано. Он отмылся в её ванне, отлежался в шоколадной пенке, напялил один из её махровых халатов – розовый. Почему розовый, а не лиловый, и не пёстрый? Их же тут несколько. В два часа ночи они ужинали. Эмма начала слегка приходить в себя. И почему ей на голову свалился этот странный бомж? Молчаливый и голодный. Его вонючую одежду она сразу же спустила в мусоропровод. Как его теперь выпроводить, босого и в халате? Вот хрень-то полу-

чилась! Что же делать? А божж молчал. Безответный, угрюмый, странный. Среднего роста, тощий, длинноволосый, но... Это он у неё уже побрился, или такой и был? Она не помнит. Что-о, её бритвой?! Вот гадость-то! Надо срочно купить ему одежду и выпроводить, вытолкать вшаей! Прямо сейчас же, ночью. Мчаться в ночной магазин! Эй, тпру! Надо остыть. Не пороть горячку. Как его звать-то, хоть?

– Эй, как тебя там? Ты кто?

– Паша, – пробубнил он.

Встал из-за стола, пошёл напрямиком в гостиную, улёгся на пол, свернулся на ковре, и уснул.

Божж на её ковре! Вот гадость! Правда, вымытый уже, не вонючий. Всё равно, противно.

Она в ярости выскочила в прихожую и споткнулась о зонтовницу, та звонко опрокинулась. Нет, всё, хватит! Завтра, всё завтра! Куплю ему одежду и вышвырну вон!

Она вымыла ванну, приняла душ... Спать не хотелось. Сварила кофе. После нескольких глотков начала успокаиваться. Ладно, сделала глупость. Но не могла же она оставить человека на дороге, сама же ведь сбила! Потерпеть до завтра, и всё! Завтра уже началось. Уже рассвет. Немножко поспать бы...

Она направилась в спальню. А вдруг он вор, или маньяк? Нет, не похож. В людях-то она разбирается, научилась. Работа обязывала. Да и жаль ей немножко этого Пашу. Сама ведь намыкалась без кола без двора, нахлебалась по полной.

А мужик этот с виду из интеллигенции. Но – в полуступоре. Что-то с ним случилось.

Музыка мобильного прервала её размышления. Взяла трубку. Убитый дискант, ноющий. Со всхлипами:

– Мама-а, я человека сби-ил! Ма-ам, деньги нужны, скинь на номер...

Ну вот, её уже и в мамы записали! Телефонные мошенники. Она фыркнула и сказала:

– Идиот, срочно мочи свидетелей и сваливай!

В телефоне чем-то подавились. Эмма расхохоталась. Вернулась на кухню. Налила себе коктейль. Включила телик. Ночные новости. Диктор иронизировал:

– Египетские акулы видали многое, но толпу пьяных русских туристов, выкрикивающих: «Ну, ни фиги себе! Дельфины!» – вспоминают и боятся до сих пор...

Уснула она под утро. Снился этот бомж Паша, он сидел на дороге, в пыли, отчаянно рыдал и кричал ей: «мама, я человека сбил», а она с удивлением понимала, что он – её сын почему-то, но почему? Они же, вроде бы, ровесники, по виду. И она никогда не рожала.

Проснулась от вкусных запахов. На кухне орудовал Паша. Был горячий кофе и тосты с сыром. Быстро же этот тип освоился в её квартире. Но всё же приятно, когда тебе готовят завтрак. Она приняла душ и выползла к столу. Кофе был сварен отлично. А бомж – неплохой бариста, оказывается. Может, он раньше работал в ресторане?

– Ну и как? Что всё это значит? – нарочито строго произнесла она.

Паша молча дёрнул уголком рта.

– Не думай поселиться у меня. Сейчас я поеду и куплю тебе одежду. Какой-нибудь спортивный костюмчик и кроссы. И ты уйдёшь.

Он снова дёрнул ртом, и резко направился к двери.

– Что, решил уйти в моём халате? – бросила она ему вслед.

В прихожей раздался металлический звяк, стук и вопли:

– Что это?! Откуда?! Это же наша вещь!

Эмма бросилась в прихожую. Странно, странно, странно!!!

На полу сидел Паша, глядел на перевёрнутую зонтичницу выпучив глаза, и вопил. Видимо, споткнулся о неё.

– В чём дело, эй? – спросила Эмма.

– Эта зонтичница отцовская. Из нашего дома.

– А кто же у нас отец? – прищурилась Эмма.

– Известный поэт, – процедил бомж.

– Уж не тот ли самый, из советской эпохи... – она назвала громкое и уже почти забытое имя.

Ну, конечно. У него же был сын. Потом – трагедия, семья погибла в авиакатастрофе. Поэт с женой-переводчицей летел куда-то на форум. Да, слышала она про это когда-то в Новостях. Видимо, это ещё не всё. Что-то ещё случилось. И она даже догадывается, что. Про его сына тоже СМИ трубили – бездельник, избаловыш, участник шумных тусовок и пота-

совок. Ну, всё ясно. Маменькин и папенькин сынуля. Не перенёс гибели родителей, запил, попался чёрным риелторам, отобравшим у него квартиру и всё, что было – дачу, машину, гараж. Впал в депресняк. Но, судя по всему, бомжевал он не очень долго, пару-тройку летних месяцев, не больше. Видок у него, конечно, тот ещё, но не жуткий. Хм, взрослый мужик, её ровесник, видимо, лет 38, а такой беспомощный. Ну и что с ним теперь делать? Не гнать же...

– Ну вот что, Паша, – деловито сказала она. – Чего расселся на полу, взрослый дядька такой, а скулишь. Давай, поднимайся, и марш на кухню. Кофе ещё есть, будем пить, закусывать, и смотреть телик. Понял? А зонтовницу твою я тебе дарю. Вместе с зонтами.

Она подтолкнула его ногой. Паша понуро встал и поплёлся вслед за ней на кухню.

– Подогрей кофе и наделай бутеров с икрой, – приказала она, села и включила телик. Там шло кулинарное шоу. Стол с белоснежной скатертью, яркие тарелки, яркие овощи, яркая брюнетка в красном платье вещала бодро и радостно:

– Это поистине волшебное варенье из тыквы: готовится оно без сахара и содержит, помимо тыквы, апельсин и лимон. Все три ингредиента каждый по-своему помогают организму не только избавиться от лишних килограммов, но и наладить работу ЖКТ, очиститься от шлаков и токсинов и значительно улучшить обмен веществ. А когда варенье чуть остынет, обязательно добавьте туда мёд!

Неинтересно, – подумала Эмма, и переключила канал. Там бежали и стреляли. Фу, стрелялка, – она снова переключила. Там дрались. На следующем канале кого-то пытали. Дальше, дальше, дальше – постельные сцены, сериал про ведьм, сериал про русалок, сериал про несчастную девушку, на которую сыплются жуткие беды, но с грядущим хэппи-эндом. Всё, как всегда. Ну что за гадость!

Паша поставил перед ней изящную кофейную чашечку с горячим капучино, фарфоровое блюда с бутербродами, и сел напротив.

– А себе чего не налил? Угощайся, – сказала она. И вдруг подумала: странно, мужик попал под машину, а на нём ни царапины, ни синяка. Как такое может быть? Он что, каскадёр?

Тут только она его рассмотрела: невысокий, коренастый. Халат на нём распахнулся, и она узрела крепкое накачанное тело, на широкой груди с выпуклыми мышцами – крест на чёрном шнуре. Не похож на сынулю-размазню. Что-то здесь не то. Надо как-то исподволь выяснить. И она сказала, словно невзначай:

– У твоей семейной зонтницы детективная история, ты знаешь? Там в посольстве через зонтики инфу передавали.

Он откинул голову и расхохотался.

– Не поняла. Я что-то не то сказала?

– Не то, – произнёс он сквозь смех.

– Что не так?

– Я тебе сейчас поясню. Там сбоку напаяны львиные морды. Так вот между одной из них и стенкой зонтицы есть незаметное пространство, в которое помещается микроплёнка.

– А... А ты откуда знаешь? – удивилась Эмма.

– Просто знаю, и всё.

У него оказался приятный и какой-то завораживающий голос. Эмме вдруг захотелось слушать его, быть рядом, смотреть на этого человека с широким лицом, со светло русыми короткими волосами, глядеть в его серые с искорками глаза. Кто он? И тут она вспомнила: а ведь сына поэта звали вовсе не Паша. Кое-то другое имя, вроде бы. Но не Павел, нет. Надо глянуть в инет.

Кто же этот тип? Кто он на самом деле? Впрочем, надо сперва купить ему одежду. Мужик в розовом халате – это как-то стрёмно. Что, оставить его одного в квартире? Хотя, интуиция и знание людей подсказывали, что он – не вор, не бандит, и никуда он отсюда не денется. Сейчас спать завалится. Надо сгонять за одеждой.

Но ей, почему-то, не хотелось никуда ехать. Её стал завораживать голос этого мужчины, какие-то особые вибрации, появившиеся вдруг в его тоне, и сам тембр, сам звук, словно прекрасная музыка... Что это? Сначала же всё было не так. Он был другой, стрёмный бомж был, и вдруг – такое преображение?

Кто же он?

В голову лезли всякие мысли, догадки. Он, наверно, агент какой-то иностранной разведки, спасающийся от преследования в облике бомжа, а теперь вот решил скрыться у неё, нарочно сиганул под колёса, прикинулся тормозом, и сейчас применяет нейролингвистическое программирование. Программирует её по полной, и от этого вот ей так вдруг хорошо с ним стало, просто готова для него на всё.

А почему он именно её выбрал? Увидел обкуренную дуру на иномарке, и решил использовать? Или просто спасался? И тут подвернулась она? А может, хотел уйти из жизни?

Она так углубилась в свои мысли, что не слышала его слов.

– Эй, ау! Где ты? – вернул её назад его иронический, весёлый голос.

– Ой, о чём мы говорили? Чего-то я задремала. Со мной бывает.

– Да так, философствовали.

– Что ты говорил?

– О тебе. Как сказал один мудрый философ – «следуй своей дорогой, и пусть другие люди говорят что угодно». Тебе ведь туго приходилось в жизни, много пришлось перемучиться. Вспоминаешь, небось, думаешь о промахах, сожалешь...

Он глядел на неё с ласковой, почти материнской, полуулыбкой. Да, он попал в точку. Так оно и было.

И тут в голосе его зазвучала арфа:

– Нельзя ни о чем жалеть в этой жизни. Случилось – сделала вывод и живи дальше.

– Да, стараюсь, иногда получается, – ответила она.

Ей вдруг захотелось прижаться к нему, закрыть глаза, и забыться. Его лицо, такое ласковое, лучистое, круглое, с крупным лбом, широким носом, решительным ртом, с солнечным взглядом, неожиданно стало для неё родным. Как, почему? И кто же он? Наверняка, никакой он не Паша.

– Как тебя звать на самом деле? Кто ты?

– Просто человек. Мужик. Бомж. – С его крупных губ не сходила ласковая полуулыбка.

– Ты что-то скрываешь. Что? – спросила она с напором.

– Возможно, своё будущее. Ну, хватит обо мне. Давай, лучше, продолжим о тебе, – сказал он.

А она и не заметила, что многое уже о себе рассказала. Странно. С ней такое случилось впервые. Какой удивительный человек этот Паша. Павел. Имя как у Апостола. Апостол Павел.

Ей расхотелось покупать ему одежду. Вдруг оденется и уйдёт? И станет так пусто... А с ним так уютно, так нежно...

Она достала бутылку мартини, высокие узкие бокалы на длинных витых ножках, вазочку со льдом...

– О! – сказал он. – Какой изыск!

– Знаешь, – сказала она, – я очень жалею, что не встретила тебя раньше. Вот если бы переместиться по шкале времени назад... Я читала, что такое возможно. И что время матери-

ально.

Она запустила пальцы в свои шоколадные волосы.

Он покачал головой, дёрнул уголком рта.

– А вот интересно, – сказала она, – если предположить, что время может двигаться вперед и назад, а возможно ли движение времени куда-нибудь вбок? Или вверх? В скольких измерениях может существовать время?

Он налил в бокалы вино, бросил туда несколько кусочков льда. Поднял свой бокал. Эмма с готовностью подняла свой. Хрустальные стенки сблизились и тоненько звякнули. Они выпили martini, и заглянули друг другу в глаза. Паша ласково произнёс:

– Время – это не материальная субстанция, чтобы куда-то двигаться, это, скорее, нечто другое, скажем, энергетическое, влияющее на материальное. Я понял, о чём ты подумала. Но чем крепче гвоздик вбит, тем больше его вынимать, а иногда он сам от влияния времени ломается. Знаешь, порой под тяжестью картины выпадает штырёк, на котором она висит.

Да, вот именно! – подумала Эмма. – Ну надо же, он мудрый!

Они проговорили допоздна. За окном повис бубен луны, и её чувства вдруг ударили в этот бубен, и она с удивлением услышала внутри себя музыку – неистовую, мощную, необычную, неземную! Она испугалась, вскочила, выбежала в прихожую, схватила зонтицу зачем-то, из неё гулко по-

сыпались зонты. Она стала вертеть её – вот львиные морды, да, и одна из них слегка отпаялась, вот пространство, то самое, для микроплёнки. Он не придумал ради выпендрёжа, это есть, да!

Но откуда он знает? Кто же он?

Она вернулась за стол. Бокалы были вновь наполнены. Звонко чокнулись и выпили. И повторили. У неё сладко кружилась голова, внутренняя мелодия оглушала её, ей хотелось говорить, смеяться, танцевать! Она с улыбкой вспорхнула со стула и залилась смехом.

– Знаешь, видела недавно такую картину во дворе, – зашебетала Эмма. – От подъезда разворачивалась иномарка, а тут шла бабка с веником, машина была на её пути, так бабка замахала на неё веником и закричала: «Кыш! Кыш! Пошла вон!», словно это была кошка. Веник был новый.

Паша хохотнул, и снова налил мартины в оба бокала, бросил туда голубоватые кубики льда.

– Вспомнил один курьёз в инете, – сказал он. – Набрал в командной строке: «Аналитический», а выскочило там вдруг: «Анал этический». – Ха-ха-ха! Да, такое бывает. Тут у меня, кстати,

есть французский коньяк, – сказала она. – Хочешь?

Спала крепко. Снилось что-то невесомое, лёгкое, вроде пронизанных солнцем облаков, и была нега и счастье, счастье, счастье!!!

Проснулась в полдень, отдохнувшая и радостная. На её

одеяле лежал розовый халат. А Паша что же, голый? Она представила себе его сильное тело. Близости у них ещё не было, но, наверно, всё впереди! Она встал, прошлёпала босиком в гостиную. Его нет. В прихожую, в ванну, в кухню, даже в шкафы заглянула! Что, испарился, что ли? Где же, ну где? И куда он мог уйти голый?

На компьютере лежала записка: «Извини, я воспользовался твоим ноутбуком. Нужен был инет. Всё прекрасно, спасибо за приют, прощай».

Эмма упала в кресло с открытым ртом, тяжело дыша. Как? Куда он, голый и босой, как же это, что?

Она включила комп и нырнула в инет, посмотрела последние данные. Да, он входил на литературный сайт, на поэзию, писал какой-то загадочный коммент, не пойми что. Или это был шифр? Он кого-то о чём-то просил? Может, ночью ему принесли одежду, он открыл дверь, оделся, и ушёл? Только так можно объяснить его исчезновение. Или он вор? Нет, не похож. На всякий случай она проверила свои вещи – всё на месте.

Исчез! Ужас! Как же теперь без него? Только нашла своё счастье – и тут же потеряла! Облом!

Она рухнула на тахту, закрыла глаза. Ливень слёз хлынул из-под опущенных век. Стали всплывать картины их знакомства, и всего, что было. Тогда она ещё не пришла в себя от наплыва событий, почему-то она хотела мчаться в магазин за одеждой для него, странно, ведь проще было бы заказать

по инету. Да и как вообще оставить дома одного совершенно незнакомого человека? Она была явно не в себе в те дни. Заказать по инету, и всё. Однажды она уже купила так себе спортивный костюм, и даже не примерила, спешила куда-то, бросила в шкаф, на дно, и забыла. Кстати, где он?

Она поднялась, подошла к шкафу, распахнула дверцу. Пошарила. Нашла пустой прозрачный пакет с этикеткой внутри и запиской: «Спасибо, я надел. Тебе он был не нужен, ошиблась с размером. Прощай».

Значит, ушёл не голый, да, она ему помогла, – вздохнула Эмма.

Все следующие дни она металась по Москве в поисках Павла. Она ездила в места обитания бомжей, рабочих, гастарбайтеров, останавливала машину возле офисов, возле полицейских участков, возле храмов. Вспомнила, что на его груди висел крест на чёрном шнуре.

Потом она просто бродила среди прохожих и высматривала похожих мужчин в лиловых спортивных костюмах. Яро искала и не находила. Всё было тщетно.

Домой брела измученная, поникшая, сразу падала на тахту, и отключалась. А утром – всё сначала. Её охватило отчаянье. Она не могла придумать, что ещё можно сделать? В полицию обращаться нет смысла – она не знала ни фамилии, ни места постоянного жительства, ни даты рождения Павла, вообще ничего. Эмма перестала отвечать на звонки мобилы, не подходила к домофону, не включала телевизор. В

интернете она зашла на сайт «Большой вопрос» и описала эту свою ситуацию, прося совета. Но никто ничего путного ей ответить не смог. Ей лишь посочувствовали и посоветовали забыть Пашу. Но он не могла, не могла!!! Но он не могла, не могла!!! НЕ МОГЛА!

Что-то перещёлкнуло в мозгу. Ноги медленно направились к резному ореховому буфету. Распахнула дверцу, достала французский коньяк... Дальше провал. Лишь размытые картинки в памяти: руль, ветровое стекло в струях воды, мокрая дорога мчится с бешеной скоростью навстречу, удар, вой сирены... И слова словно сквозь ватный кокон:

– А сколько она уже в коме?

– Почти год. Она лежала в отделении интенсивной терапии, но сейчас ей уже не требуется аппаратная поддержка, прогноз благоприятный.

– А вот интересно, они там, в коме которые, что-нибудь слышат?

– Вам, практикантам, всё интересно. А вообще, когда как. Зависит от степени.

– Люсь, мест нет, переводим эту, коматозную, в седьмую палату.

– Это куда?

– Да к паломницам, на автобусе разбились, к этим.

Эмма чувствует, как её кладут на носилки, тащат, поднимают в лифте, тащат, тащат, тащат, она словно плывёт, вот поворот, ещё поворот, снова плывёт, и всплывает на плот.

Нет, кровать. Это постель. А, так она в больнице. Она разбилась. А что с машиной? Наверно, нет её больше, нет серебрястого Рено, оно теперь стало грудой искорёженного металла, её миленькая машинка... Но всё равно, всё равно, всё равно...

Опять голос, и другой, ещё один, видимо врач, и ещё медсестра, практиканты. Что-то о больных в палате. А, у кого-то сотрясение мозга, кто-то с переломами. Те, с мозгом, молчат. А переломанные говорят.

Вот медработники ушли. Больные отпускают шутки. Их слова затихают, гаснут, и Эмма проваливается в темноту. Приходит в себя от боли – уколы, капельница, ещё какие-то присоски.

Тишина. И голоса. Высокий, переливчатый:

– Надь, а у меня тоже такое было! Ещё похуже! Полный ужас! Мы тогда молоденькие были, баловались спиртным и всякой эзотерикой, модно это было. Так вот Лика, дочка атташе, вдруг говорит: «Я посредник Сатаны, и если вы подпишетесь кровью в верности ему, он исполнит любое ваше желание». Все засмеялись, а я испугалась почему-то, хотя в мистику не верила. И вот Сашка написал в своей записке, что хочет Нобелевскую Премию, Аня – что хочет огромную любовь, ну и кто-то ещё что-то. Порезали себе руки, расписались кровью. И свернули записки. Лика положила их под статуэтку металлического чёртика. А на следующий день Сашка звонит всем и говорит, что получил премию на заводе. Как

же так, он же просил Нобеля? Мы все снова собрались у Лики, она раскрыла записку... А на слове «Нобелевскую» она склеилась кровавым пятном. Расклеили – там пусто. Вскоре Аня влюбилась со страшной силой и пошла жить к другу. Но друг над ней издевался, бил, ломал ей руки, резал, колол, и в конце концов убил. А у Сашки странным образом погибла вся семья – отца по пьяни убили на улице, мать после этого покончила с собой: наелась таблеток, завод – где они с братом работали – закрыли, оба парня запили, брат повесился, а сам Сашка попался чёрным риелторам, потерял квартиру и стал бомжом. Лика пьёт, мучается, попадает в странные ситуации, но живет. Денег у неё много. Но они не приносят ей счастья. Она не может пользоваться ими во благо себе, не получается у неё, тратит лишь на выпивку, сигареты, всякую ерунду. А я от всего этого ужаса спаслась, Бог меня уберёт! Я крестилась, стала ходить в храмы, ездить по монастырям – хорошо там, благостно!

– А меня тоже Господь спас однажды, – хрипловатый низкий голос. – Отмечали Новый Год на работе 30-го декабря. В ресторане. Я после работы успела заскочить домой переодеться, надо было ещё сынишку накормить, я поставила на плиту кашу, потом мне позвонили, говорила по телефону, и помчалась в ресторан. Там все уже сидела за столом, ждали фотографа. Ели, пили, и тут я вспомнила, что забыла выключить кашу. Помчалась к телефону, звоню, звоню, – сын не берёт трубку. Я в ужасе. Сказала: «Снимайтесь без меня,

я позже подойду», выскочила на улицу, поймала такси, примчалась домой – точно, каша на плите на маленьком огне, но не подгорела. Сын мастерит что-то в комнате. Я ему: «Что ж ты, поросёнок такой, к телефону не подходишь?» – он мне: «Я занят, делаю самолёт». Я опять ловлю такси. Приезжаю. Все уже сфотографировались, танцуют. Потом на работе фотографии раздавали, меня там нет, весь наш отдел – шесть человек – запечатлён весёлый и нарядный. Давно это было, у меня есть это фото. Через год все стали умирать в том порядке, как запечатлены на фото. А меня Бог уберёт. Ведь я должна была быть первая на фото, как начальница отдела. А первым оказался Гриша, красавец и весельчак. Умер внезапно. Потом Зина – автокатастрофа. Потом Лена – инфаркт, хотя была самая здоровая, энергичная, молодая. И все, как были на фото, так последовательно и ушли в мир иной. А я вот до сих пор живу...

Значит, и Пашу Бог сберёт, – подумалось Эмме. – На нём даже ни синяка, ни царапины, чудеса!

И меня, ведь, тоже! – пришла неожиданно мысль. – Я ведь тоже крещёная! Меня бабушка в Таганроге крестила, давно, в детстве ещё! И в тот день, в тот последний мой день, ведь на мне был красивый золотой крестик на цепочке. Я думала о Паше, вспомнила о его кресте на мускулистой груди, и надела свой. Интересно, где он? На мне ли ещё, или сняли? В больницах ведь воруют. Я и в кольцах была, и в серёжках...

И снова провал. Потом был сон, странный, неприятный.

Не сразу поняла, что во сне это. Вот стоит она на тёмной улице возле стеклянной двери, а за ней, за дверью этой – веселье, яркий свет, и тусуются там все приятельницы, и знакомые. Анита, Светка, Никита, и другие какие-то, и говорят они о ней:

– Слышь, куда-то Эмка пропала...

– Да, небось, мужика склеила, с ним где-то.

– А, ну её...

Эмма кричит им – я здесь, помогите, откройте дверь! Не слышат. Тогда она шагнула из темноты и холода, прошла сквозь дверь, и оказалась внутри здания. Но там вместо весёлой компании – густое пышное растение с мелкими листочками, оно опутывает её, душит, это мадагаскарка, понимает Эмма и кричит, бьётся, но звука нет, голос вязнет в мелкой густой зелени. Она задыхается, слабеет. Но тут ветки отпускают её, вянут, и она видит Пашу. Он протягивает к ней руки, подхватывает её, и выносит на большую солнечную поляну.

Эмма вздохнула и открыла глаза.

– Ну я же говорил, очнётся. Вот она, моя новая разработка, действует! – воскликнул мужчина в зеленоватом медицинском халате и шапочке.

– Она уже и так из комы почти вышла, и без этого, – сказала женщина в такой же форме.

У Эммы кружилась голова. Была жуткая слабость. Она с трудом перевалилась на бок и задремала.

Постепенно она приходила в себя. Она уже знала, что находится в экспериментальной палате, что на ней испытывает последние медицинские разработки. Она слышала разговоры врачей, которые периодически собирались на консилиум возле её койки. То, что она теперь инвалид, почему-то не ужасало её. К тому же, поняла она, внешне это будет почти не заметно.

Вскоре к ней стали пускать посетителей. Эмма очень обрадовалась, когда в палату вошла, сутулясь, в белом халате, накинутом на узкие плечики, её соседка Наталья Семёновна – та, которая подарила ей зонтовницу, у которой Эмма оставляла запасные ключи от своей квартиры, которую часто угощала.

– Эммочка, миленькая, я давно пыталась к тебе попасть, сразу же как узнала о несчастье, но не пускали! – запричитала она, разворачивая пакет с пирожками. Её узенькое, молоджавое не по летам, личико жалостливо кривилось. – Я вот тебе напекла тут всего, – она развернула второй пакет с плюшками. – Ты так долго болеешь, полтора месяца уже, а я за твою квартиру платила, пришлось её сдать в аренду. Хороших жильцов пустила, аккуратных, узбекскую семью, такие милые, молоденькие, и уже четверо детишек, славные детки. Хорошая семья, славная, меня на плов приглашают. Прости, если что не так, миленькая, но я немножко денежек себе на лекарство потратила.

Лицо соседки скрючилось особо жалостливо.

– Очень хорошо, Наталья Семёновна, – слабо отозвалась Эмма. – Всё правильно, спасибо. Покупайте себе лекарства, и всё что нужно, покупайте.

– Ой, спасибо, деточка! – соседка повеселела, и принялась рассказывать последние новости.

После её ухода Эмма почувствовала сильную усталость. Ей ничего не хотелось знать. Было полное равнодушие и апатия.

Через неделю её навестили две женщины в чёрном, сверху были аккуратно надеты белые халаты. На посетительницах были чёрные платки. В руках – большие пакеты.

– Спаси Господи, Эмма! Мы за тебя молились.

Одна, с высоким переливчатым голосом, молоденькая – Вера, та ведь, соседка по прежней палате, а вторая, с низким тембром, лет пятидесяти – Надежда, да это же те самые, что разбились на паломническом автобусе! – догадалась Эмма.

– Вы кто такие, в чёрном? – вяло произнесла она.

– Мы послушницы из монастыря, – ответила Вера.

Послушницы принялись вытаскивать их пакетов коробки с соками, фрукты, бутерброды, печенье, шоколад, конфеты. Места на тумбочке не хватило.

Приходили они и в другие дни. Рассказывали о монастыре, о святых, всякие интересные притчи. Для Эммы это было необычно и ново. Она постепенно набиралась сил, восстанавливалась. И с нетерпением ждала прихода своих новых приятельниц – Веры и Надежды. Иногда её навещала сосед-

ка Наталья Семёновна с выпечкой и пловом в контейнере.

В палате Эмма пролежала ещё полгода. Она уже начала вставать, выходить в коридор, прогуливаться в больничном дворе.

На её тумбочке появились Библия и молитвослов. Она стала заглядывать в эти книги, понемножку читать. Ей было не очень понятно всё это. Сложно как-то. Но постепенно что-то стало проясняться. Появилось много вопросов, новые мысли роились в голове.

Однажды к ней в палату вошли сразу три врача. Эмма равнодушно глянула на них. Какие-то они невыразительные, стандартные, – мелькнула мысль.

– Как сегодня наше самочувствие? – бодро спросил один из них, и сам же ответил: – Прекрасно, прекрасно. А вот это Альберт Николаевич, психолог, – он кивнул на другого. – Альберт Николаевич, побеседуйте с нашей больной, какая-то она грустная всё время.

Психолог придвинул к Эмминой кровати стул, опустился на него как-то очень уж осторожно, озабоченно глянул ей в глаза и мягко спросил:

– Как вы сегодня спали, дорогая?

Ого, я уже подорожала! – мысленно усмехнулась Эмма, и ответила:

– Нормально.

– А что вам снилось?

– Мадагаскарка, – неохотно сказала она.

– Это что же за дама такая, мадагаскарская? – спросил психолог.

– Это растение.

– Да? – оживился психолог. – Вам снится растение? Красивое, наверно? И что вам слышится в этом слове: мадагаскарка?

– Ад, гарь, кара. А растение отвратительное.

Эмма зевнула. Психолог замолчал и переглянулся с врачами. Взгляд его упал на тумбочку с книгами.

– Что вы читаете? – спросил он.

– Библию, – ответила она.

– Да? И что там?

– Вначале было Слово.

– А что такое «слово», как вы думаете? – не отставал психолог.

– Слово, это такая штука, которая может убить, уничтожить, ранить, а может исцелить, воскресить, создать. Мощная такая штука, – с нервозно, с агрессией заговорила Эмма. – Словом можно запрограммировать людей и сподвигнуть на государственный переворот.

Врачи снова переглянулись. Один из них сказал:

– Всё-всё-всё. Наша больная устала.

– А когда вы меня выпишите? Я уже здесь почти пропи-салась, – воскликнула Эмма.

– Ну, вам ещё полежать надо, полечиться, – сказал один из них.

– Назначу ей антидепрессанты, – тихо сказал коллегам психолог.

Эмма снова потеряла счёт дням и неделям. Развлекала себя прогулками, часами стояла у зеркала в туалете – смотрела и не узнавала себя. С изумлением вглядывалась в отражающегося подростка с желтоватым прозрачным личиком, с огромными глазами – нет, разве это её глаза? У неё были болотного цвета, с поволокой, а у этой – ярко изумрудные! А волосы, где же её длинные кудри шоколадного цвета? Здесь лишь короткие пегие вихры! Её обкорнали, волосы потеряли цвет и перестали виться! Что это, она это или не она? Во, изменилась. И не только внешне. Эмма ощущала себя другой. Другие эмоции, мысли, всё не такое, как прежде. Она ли это, сорокалетняя женщина, выдававшая виды?

Это же школота какая-то в зеркальном стекле зависла!

Однажды ей сказали, что будут готовить к выписке. Эмма растерялась. Она желала этого, но ей вдруг стало страшно. Ей не хотелось ничего прежнего. Да и одежды у неё не было – больничная пижама, тапочки. А на прогулки ей выдавали сапоги большого размера – дутики, и длинный пуховик с капюшоном. Во всём этом она вяло бродила по больничному двору, никого и ничего вокруг не замечая.

Свои страхи она попыталась утопить в чтении Библии и Евангелия. И в разговорах с Верой и Надей, которые трижды в неделю приходили.

– Куда я теперь, как, инвалид, у меня бывает слабость и

обмороки, я не хочу, не могу, мне страшно!

– Ничего не бойся, – говорила молоденькая востроносая Вера. Её карие глаза в обрамлении густых тёмных ресниц весело искрились.

– Мы тебя возьмём с собой, – заверила Надя, сероглазая, с ямочками на щеках. Низкий её грудной голос успокаивал. Она была полная, мягкая, все линии её тела закруглялись, и было в ней что-то от свежеиспечённого большого пирога.

– Мы о тебе много рассказывали матушке, мы все за тебя молились, – сказала Вера. – Матушка София благословила нас пригласить тебя к нам в монастырь погостить.

– Ты поправишься, окрепнешь на парном козьем молоке и свежих яичках, – подхватила Надя.

И вот наступил этот день. Послушницы привезли ей одежду – длинную тёмно-зелёную юбку, зелёный платок, тёплые лосины и носки, полусапожки, дублёнку, варежки. Одежду с монастырского склада, пожертвованную прихожанами. Всё привезённое было подобрано по размеру Эммы. Прихожане часто жертвуют монастырям свои лишние вещи.

Она медленно переодевалась в палате. Одежда приятно пахла пижмой и апельсиновыми корками. А, это от моли, – поняла Эмма. Обе послушницы ждали её в приёмной с большими пакетами – там была верхняя одежда.

Вот такая знакомая лестница с перилами кофейного цвета. Кремовые стены. Она прощалась со всем этим, надоевшим и таким уже привычным. Жизнь здесь была как в аква-

риуме, устоявшаяся, сонная, и прозрачно-призрачная. И это – уже минувшее.

Они шли по тихим снежным переулкам, снег глушил звуки. Эмму с двух сторон держали под руки Надя и Вера. Эмма с удивлением смотрела на белоснежные газоны, на высокие дома с холодными стенами, на окутанные ватой снега деревья. Она раньше никогда ничего этого не замечала. Только давно-давным, в детстве, когда бабушка зимой повезла её к знакомому врачу на консультацию. Но и тогда она всё это видела не совсем так. Не так ярко и выпукло.

В метро была толкучка. Она уже давно не ездила в метро. Её начало подташнивать, закружилась голова, и Эмма чуть не упала. Спутницы подхватили её под руки. В вагоне было тесно, но вскоре народ стал выходить, и Эмма села. С трудом вздохнула.

Потом был автобус, электричка. Сошли с поезда, когда уже стало темнеть. Шли через лес. Высоченные сосны с белыми пушистыми заснеженными лапами, тишина, протоптанные в снегу дорожки. Эмма сильно устала. Но вскоре усталость прошла.

Вот уже вдаль стал виднеться просвет. А это что такое, замаячило что-то кирпичное, какие-то здания. Каменная белёная стена, за ней – строения, трёхэтажный широкий дом, поодаль ещё домик, высокое что-то...

– Вон уже и монастырь виднеется, – весело сказала Вера. – Вон там наши кельи, а там – гостевой дом, а там вон

– колокольня, а слева – наш храм, – размахивала она рукой в синей варежке.

– Всё, почти пришли, – произнесла Надя низким грудным голосом.

На какое-то время Эмма отключилась. Двигалась по инерции. Давали себя знать усталость, болезнь, непривычность. Пришла в себя уже в монастыре. В небольшой прихожей её спутницы снимали с неё дублёнку. Вошла женщина лет сорока в просторной чёрной одежде, в апостольнике и с большим крестом на груди. Бледное тонкое интеллигентное лицо, очки в тонкой металлической оправе, глубокие серые глаза.

– Благословите, матушка, – сказали обе послушницы. – Вот Эмма.

– Рада тебя видеть, деточка, – сказала матушка, подошла и обняла Эмму. – Я матушка София, игуменья нашего монастыря. Добро пожаловать.

Эмма смутилась. Видимо, матушка приняла её за подростка, за несчастное маленькое беспомощное существо. Они же ничего о ней не знают! Их ввёл в заблуждение её теперешний жалкий вид!

Ей стало стыдно.

– Голодная, наверно, деточка? Идём скорее в трапезную.

– Кто у нас сегодня трапезарь? – повернулась к матушке Надя.

– Лена, новенькая трудница, – ответила матушка. – Но она на коровнике. Ведь все уже поели.

– Да я сама накормлю, – сказала Вера, и помчалась на кухню.

В большой трапезной стояли длинные столы и два маленьких столика, один – с иконами. Светло, тепло, уютно. На стенах – обои цвета весенней травы с оранжевыми, словно солнечные зайчики, цветочками.

Вера принесла грибной суп, овощное рагу, и компот. Суп был сварен из сушёных белых. Это так отличалось от однообразной больничной пищи! Эмма сразу же набросилась на еду. Потом были творог, молоко, печенье, мармелад. После этого Эмму сморило, и Вера отвела её, полусонную и плохо уже соображающую, в келью. Эмма легла в постель и провалилась в глубокий сон.

Проснувшись она утром и не сразу поняла, где находится. Длинная узкая комната с тремя кроватями. На одной из них лежит она, Эмма. Две другие заправлены. У кроватей низкие полированные деревянные спинки. Сверху – коричневые в клеточку шерстяные пледы. Стоят тумбочки, а на стенах – полки с иконами. Сбоку – встроенные шкафы.

Шторы раздвинуты, светит солнце в окно, видны ветви берёз. Эмма потянулась и сладко зажмурилась. Но вот солнце исчезло, набежали облака, и стало сумрачно. Вскоре за дверью кельи послышались слова молитвы. Эмма не знала, как положено отвечать, и громко чихнула. Вошла матушка и, лучезарно улыбаясь, спросила ласково:

– Ну, как ты, деточка? Как себя чувствуешь?

– Неплохо, – отозвалась Эмма. – Спасибо.

– Ну так вставай скорей и приходи в трапезную, – сказала игуменья и вышла.

В трапезной было полутемно, из окон падал полусонный свет и видно было, как густо валит снег. Эмма снова увидела длинные столы, ещё один небольшой стол – матушкин, и ещё совсем маленький столик, покрытый вышитой скатёркой, на котором стояли иконы и лежал крест, а над ним висела на цепочках и теплилась лампадка.

Вошла круглолицая румяная женщина в голубом платке и серой юбке, улыбнулась Эмме и сказала:

– Ну вот мы и проснулись, Спаси Господи! А я – Лена. Я здесь недавно, пока – в чине трудницы. Вот, я тебе яичницу пожарила. Все уже на послушаниях, – она поставила перед Эммой тарелку с глазуньей, тарелочку с ломтиками брынзы и мелкими красными помидорами, и блюдо с бутербродами.

– Монастырь у нас маленький, народу мало, поэтому работы очень много, – продолжала Лена.

– А что это за монастырь? – спросила Эмма.

– Женский ставропигиальный, – ответила Лена, и одёрнула кофту. – Здесь хорошо, спокойно. В маленьких монастырях всегда лучше, чем в больших. Все как-то ближе друг к другу, родней, как семья, и конфликтов меньше.

– А что, бывают конфликты? – удивилась Эмма.

– Бывают, увы, – вздохнула Лена.

Эмма с удовольствием поела, выпила кружку парного ко-

зьего молока, и решила помочь труднице.

– Я могу помыть посуду, – сказала она.

– Тогда благословись у матушки. Без благословения у нас ничего не делается, – ответила Лена.

И тут сама матушка вошла на кухню. Эмма увидела, что на ней вместо рясы и апостольника – простые чёрная юбка с кофтой и платок. Сегодня лицо её было розовое, бледность исчезла. Видимо, матушка занималась хозяйством.

– Мне бы водицы для аквариума, – сказала она.

– В аквариум, матушка, нужно вёдер шесть, – сказала Лена. – Я схожу за водой.

– Нет-нет, не надо, я сама, – быстро ответила матушка.

Эмма благословила её помогать на кухне. Тут вошла Надя, и они с настоятельницей отправились за водой.

Лена мыла посуду, а Эмма ополаскивала её и протирала.

Интересно, сколько же Лене лет? – гадала Эмма. Трудница была неопределённого возраста.

– Я в разных монастырях побывала, – принялась рассказывать Лена. – Много видела. Интересно. В некоторых есть чудотворные иконы. И здесь есть. Тут такое было: принесли прихожане две иконы старые, потемневшие совсем, прямо чёрные и ветхие. На сожжение. А у нас дел было по горло, сунули мы их на подоконник на втором этаже, иконы эти, и забыли. А потом вдруг смотрим – иконы сами обновились, стоят себе на подоконнике новенькие, яркие, чистые. Мы их в храм отнесли, они и замироточили. И стали перед этими

иконами исцеления происходить: приехала издалека женщина, у которой сын парализованный лежит уже много лет. И вот молилась она перед ней, перед иконой этой, плакала. А домой вернулась – сын по комнате ходит. Позвонила она матушке нашей и так уж благодарила, а потом снова приехала, с сыном, и ходили с нами они крестным ходом. И много такого было. А на днях у нас в храме крест замироточил, распятие. Вот пойдём на службу, увидишь, – тараторила Лена. – Ой, что-то я болтаю много, а здесь, вообще в монастырях болтать не положено, грех. Буду каяться.

– А давно ты уже здесь? – поинтересовалась Эмма.

– Недавно, я новенькая тут. Всего полгода, – ответила трудница.

– А что тут вообще, какой распорядок? – не унималась Эмма.

– Ну, мы тут ежедневно ходим крестным ходом вокруг монастыря, всю окрестность крестим. А рядом тут есть монастырское кладбище. Ну, да сама увидишь, – сказала Лена. – Тебе понравится.

Постепенно Эмма привыкла к монастырской жизни. И ей действительно всё стало нравиться. Делами её особо не нагружали, так как не окрепла ещё. Время здесь шло стремительно. Всякие события, и молитвы – молитвы – молитвы, и разные послушания, праздники, гости, много работы, наезды паломников, и молитвы-молитвы, и снова паломники... Да Эмма и сама пока что была в статусе паломницы. Но ей

очень хотелось стать трудницей. Нужны были документы. Но всё осталось дома. Эмме выдали мобильник. Она позвонила соседке Наталье Семёновне и попросила привезти. Сказала адрес. Соседка согласилась, и принялась рассказывать о жильцах в Эмминой квартире, какие они хорошие, как ухаживают за ней. Конечно, все Эммины документы, деньги и золотые украшения она переместила к себе на хранение, и конечно же все что надо сразу же привезёт.

Соседка приехала через неделю.

– Эммочка, это ты? Неужто? Как ты изменилась! – воскликнула Наталья Семёновна и обняла Эмму. – Помолодела, похорошела, совсем как девочка стала!

Матушке Эммина соседка понравилась. А Наталья Семёновна была в полном восторге от всего. Особенно её вдохновила трапеза. Она решила остаться в монастыре паломницей, пожить здесь, а свою квартиру пока сдать в аренду.

Утренняя служба была очень рано. Длилась она несколько часов. Эмма впервые в жизни исповедовалась молодому красивому батюшке Никодиму. До этого она боялась исповеди. А тут её вдруг как прорвало. Народу в храме в этот день было мало. Она подошла на исповедь последняя и сначала давилась словами. Батюшка погладил её по голове и сказал:

– Ну, что ты, что случилось-то?

И тут она заговорила. Она вспомнила всё-всё-всё, бабушку, маму и папу, свои детские обиды, свои взрослые несчастья, всё плохое и хорошее, что у неё было в жизни. Батюшка

внимательно слушал и приговаривал:

– Ну-ну, прости их всех, ну уж, не надо так уж...

Потом он накрыл её епитрахилью и отпустил грехи. Эмме сразу стало легко и радостно.

После службы она пошла в трапезную. Сегодня ей дали послушание – помогать на кухне. В доме никого не было – все занимались своей работой в разных местах. Она стала читать молитву «перед началом всякого дела». И задумалась. А что она вообще-то делала в жизни? Всё лишь себе на пользу. Ну, помогала порой по мелочам, но только по собственной прихоти. А так, по полной, никогда...

Тут раздался стук в дверь. Она открыла. На пороге стоял тощий человек в обтрёпанной куртке.

– Дайте хлебушка и воды, умираю с голоду, – пробормотал он.

Эмма отдала ему всё, что было в кухне. Варёную картошку, рыбу, хлеб, молоко, пирожки с капустой. И очень радовалась, что сделала доброе дело.

Оказалось, она оставила без ужина сестёр и гостей, которые должны были прибыть.

Матушка грустно сказала ей:

– Вот видишь, когда ты хочешь сделать что-то по своему мирскому мудрованию, получается скорбь, которую я сейчас испытываю. Надо всегда благословляться, прежде чем что-то делать.

– Я забыла, – проямлила Эмма. – Простите, матушка.

– Бог простит, – сказала матушка, – надо было отдать только часть еды, понимаешь? – добавила она, и пошла на кухню готовить ужин.

В последнее время Эмма стала часто ходить на исповедь к батюшке Никодиму. Он был высокий, худощавый, с тёмными короткими волосами. Эмма уже знала о нём всё от болтушки Лены – что ему 29 лет, что он «белый батюшка» (это значит – не монах, а семейный), что его жене Лизе 25 лет, и у них две малышки: трёхлетняя Анечка и годовалая Ниночка.

Однажды после службы Эмма разговорилась с батюшкой во дворе, и рассказала, что часто думает о Паше.

– Ты с ним ещё встретишься, – ответил отец Никодим. – На всё воля Божья. Если забыть не можешь, и такие сны снятся, значит – увидишь его. Вообще-то, снам верить не стоит, они бывают и от лукавого, но не всегда.

Эмма обрадовалась и приободрилась. Назад она летела как на крыльях.

За трапезой матушка рассказывала про афонского старца Иоакима. Собрались все сёстры и гости – восемь паломников. На тарелках красовалась румяная жареная картошка и солёные рыжики. Были бутерброды с сыром. День был скоромный. История старца – о днях его молодости и удивительном случае – была такая интересная и необычная! Иоаким, будучи молоденьким священником в Штатах, очень переживал, что американские священнослужители гладко выбриты, нет у них бород. Он молился Богородице по этому поводу, и

у него самого вдруг выросла роскошная густая длинная борода (видимо, до этого не росла такая). Она была до земли, и он носил её в мешочке на шее.

Вот это да! – подумала Эмма. – Борода в мешочке, надо же! Круто!

Дни летели стремительно. Она потеряла счёт времени. Когда всё время что-то делаешь, что-то новое узнаёшь, годы проשמывают быстро. Эмма уже была в статусе послушницы. Ей поручали серьёзные дела.

Как-то летом она шла через двор к храму, служба уже началась, и слышно было пение – на клиросе звучал голос Лизы, батюшкиной жены, и вдруг детский голосок крикнул: папа! Это Лиза держала на руках малышку. И тут маленькая девочка стала тоненько и звонко подпевать. Эмма улыбнулась и вошла в храм.

И вот наступила осень. Случилась беда. Батюшку Никодима отзывали из монастыря – его назначили настоятелем в храм Святителя Николая на Командорские острова, а именно – на один из четырёх, на остров Беринга, в село Никольское. Это в тех местах единственный населённый пункт, там живёт всего около 600 человек – алеуты, русские, и помеси.

Все были в ужасе. Батюшка ходил бледный, испуганный, в глазах стояли слёзы. Свою последнюю службу он вел с трудом, голос дрожал, он несколько раз сбивался.

В монастыре только об этом и судачили. Прихожане тоже были в курсе. Говорили: матушка лежит в обмороке. Гово-

рили: там, в алеутском районе, на островах этих – страшный холод, жуткая сырость, люди живут в черных от сырости гниющих бараках, и там много пингвинов, которые очень вонючие и такие кусачие, как наши гуси – гонятся за человеком и клюют, клюют, больно так. Возражали: да нет там пингвинов, пингины водятся в Антарктике. Говорили: там люди дикие, поклоняются лодкам и рыболовным снастям, там из еды – только рыба, которую все ловят, больше там нечем заняться.

– Ну, не так уж всё ужасно, – успокаивал отца Никодима монастырский юрист Юра. – Глянь в интернет, есть и хорошее. На островах не только рыба, есть ещё и морские котик, и голубой песец. Там даже краеведческий музей есть.

– И что в этом музее, пингины? – с горечью спросил ба-
тюшка.

– Нет, всё гораздо интереснее. Там есть один скелет морской коровы. Этих скелетов в мире осталось всего одиннадцать. Представляешь, эта дива морская обитала там до того момента, как Командоры стали местом для пополнения припасов: «коров» истребили очень быстро, буквально за 40 лет. Морские коровы не имели средств к борьбе за существование, оттого не сумели выжить. Представляешь, эти существа весили 200 пудов, а в длину были больше 9 метров!

– Ну и что? – горько усмехнулся отец Никодим. – Ладно, – обречённо вздохнул он, – будем налаживать там жизнь.

Прощание было грандиозным. Какой великолепный стол с пирогами, с ароматным чаем и с пирожными собственного

приготовления! И компот такой наваристый! И варенье! В трапезную набились почти все прихожане. За столами сидели очень плотно. Эмма оказалась рядом с Юрой, молоденьким юристом. Все тихо переговаривались. Несчастный батюшка со своим поникшим семейством сидел во главе сестринского стола.

Эмма медленно жевала пирог с рыбой и думала: ну почему всё так случилось, за что всё это, ну за что?

Мысли перекидывались с одного события на другое. Снова вдруг вспомнила Пашу. Потом задумалась о себе. И почему-то – о Заповедях.

– Юр, вот скажи, а для чего надо соблюдать заповеди? – повернулась она к юристу.

Он проглотил еду и ответил:

– Да чтобы не навлечь на себя большие беды. Это – техника безопасности.

Просто и понятно, – подумала Эмма.

Она решила в последний раз поисповедоваться у батюшки Никодима. Он должен был провести ещё одну службу перед отбытием.

Вечером они с Леной и Надей мыли посуду. Это были горы тарелок, чашек, кастрюль, сковородок, ложек и вилок. Жуткая уйма! Мыли несколько часов подряд. На помощь пришли прихожанки. Справились наконец-то, уф!

Перед сном они всей кельей – Эмма, Надя и Вера – долго молились. Сначала – обычные вечерние молитвы, Апостол и

Евангелие. Потом – за отца Никодима с семейством, клали за них поклоны.

Было уже очень поздно, когда легли спать. Эмма уснула мгновенно.

На следующий день она заболела. Жуткая головная боль, тошнота, слабость. Это дало себя знать переутомление и переживание.

Оклемалась она дня через два. И с утра пораньше помчалась в храм на исповедь.

Служба уже началась, тепло сияли свечи, густо благоухал ладан, Эмма нежно и радостно жмурилась. Она очень хотела поговорить с отцом Никодимом, рассказать ему о глубоком, важном, насущном.

Но что-то странный голос у батюшки Никодима, очень уж низкий, что это с ним? И тут она увидела его – невысокий, широкий в плечах, с русой бородкой, круглолицый... Да это же не он! Это же... Да это...

Это другой батюшка! Значит, отец Никодим уже отбыл. Ну да, конечно! Они же потом всем монастырём за него молились! Как она могла забыть!

Эмма расстроилась. Чуть не плача, она встала в правый придел храма.

Но голос какой-то очень уж знакомый. Да и фигура... И лицо... Не может быть! Но... Да, это он! Точно, он! Но как? Как?

– Кто этот батюшка? – тихо спросила она у прихожанки

рядом.

– Это наш новый, отец Илларион, – шёпотом ответила та.

На исповедь она встала последней. И когда подошла к нему, убедилась окончательно, что это он! Паша! В рясе он казался выше и стройнее. Русая курчавая борода очень шла ему.

– Я не буду исповедоваться у лгуна! – сказала она с вызовом, глядя ему в глаза. – Ты Паша, а не Илларион!

– Это моё имя в постриге. Я иеромонах, – ответил он спокойно.

– Ну, ладно, верю. Но в остальном ты мне всё врал! – резко сказала Эмма.

– Я был честен, – ответил он.

– Ты врал, что ты сын известного поэта, что та самая зонтица – твоя семейная, ты же всё врал, ну не было сына с именем Павел у поэта того знаменитого!

– Я говорил правду, – сурово ответил священник. – Моя мать была молоденькой журналисткой, когда её соблазнил тот любвеобильный рифмоплёт. Обрюхатил и бросил. Но она была гордая, скандалить не стала. А дед мой был атташе в Турции когда-то, и зонтицу ему в своё время, когда она, эта вещь, уже сделала своё дело, подарил ему консул. Было это в Стамбуле. Эту вещь я помню с детства, я туда прятал конфеты, которые таскал из вазы в гостиной. А потом она исчезла. Говорили, дед подарил её какой-то своей юной пасии, которая ему во внучки годилась.

– А как же ты стал бомжом? – не унималась Эмма.

– Я был честным следователем, выявил серьёзные преступления в верхних эшелонах власти, стал копать. Меня предупредили раз, два, но я продолжал, и напал на след. Тогда на меня напустили киллера. Хорошего такого киллера, умелого. Но он, как ни странно, промазал. И второй раз тоже я от него ушёл. Скрылся в облике бомжа. Отличная маскировка! Но потом вдруг попал под колёса выскочившей откуда ни возьмись тачке. Иномарка как из-под земли, мчалась на бешеной скорости. Мелькнуло в башке: ну, вот и всё! А оказалось – не всё. Чудо! И с убийцей чудо, и с машиной! После понял – Бог спас. Зачем он меня спас, почему? Наверно, чтобы я был с ним. И я ушел в монастырь. А костюмчик тот спортивный я тебе верну.

– Да ладно, – ответила Эмма. – ну его, костюмчик. Мне он уже не нужен.

– Ха, а ведь это ты меня исповедуешь, а не я тебя, – засмеялся священник.